

Каждый новый роман
Робин Хобб — это повод для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Убийца шута

САГА
О ФИТЦЕ И ШУТЕ
Книга 1

РОБИН ХОББ

Звезды новой фэнтези

Робин Хобб

Убийца шута

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Убийца шута / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2014 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-14213-8

Прошли годы с тех пор, как Шесть Герцогств одержали верх над пиратами красных кораблей и их повелительницей Бледной Госпожой. В стране воцарился мир. После всех тягот и испытаний Фитц Чивэл Видящий, внебрачный сын принца Чивэла, женился на той, кого всегда любил, и они поселились в уютном поместье под названием Ивовый Лес. Годы текли в покое и радости, и лишь одно огорчало Фитца: его друг Шут вернулся на свою далекую таинственную родину и так и не прислал весточки. Но у судьбы свои планы на Фитца Чивэла, и чередой загадочных и зловещих событий оказалась предвестием новой большой беды. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-14213-8

© Хобб Р., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Пролог	7
1. Ивовый лес	10
2. Пролитая кровь	24
3. Падение Фаллстара	37
4. Меры предосторожности	59
5. Прибавление в семействе	71
6. Тайное дитя	95
7. Представление	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Робин Хобб Убийца шута

Robin Hobb
FOOL'S ASSASSIN

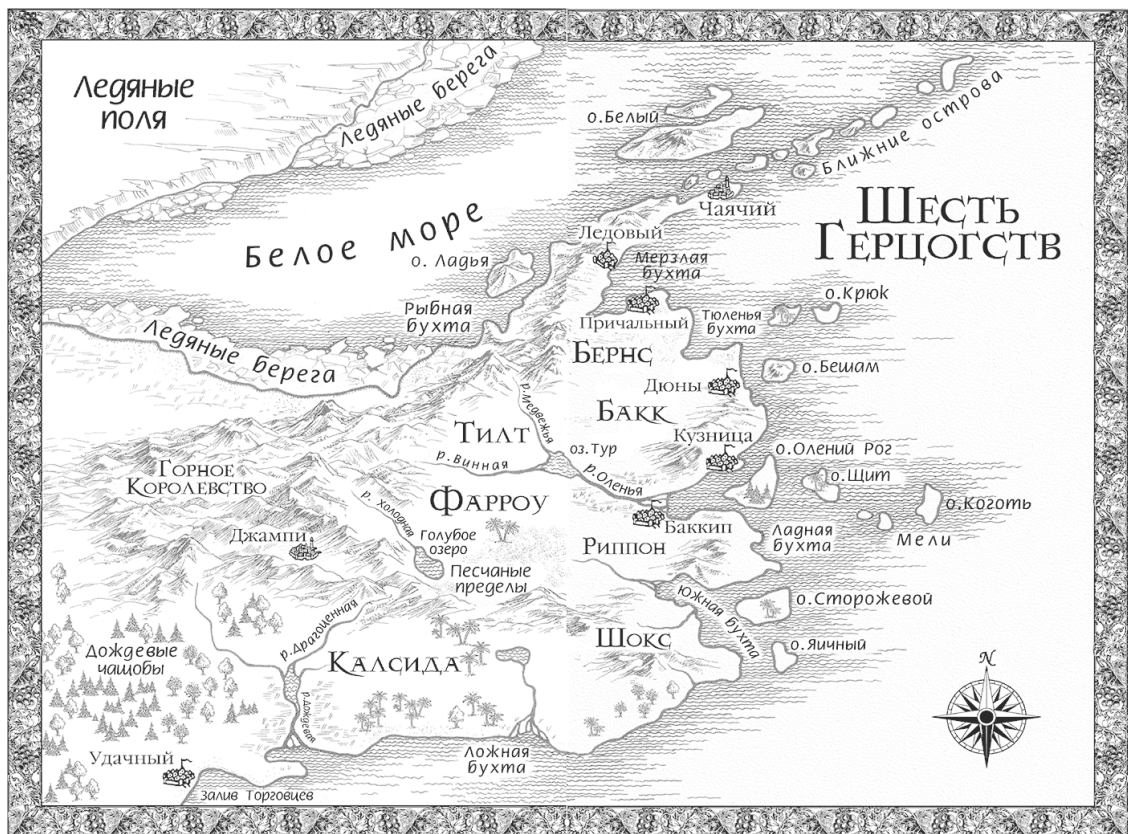
© Н. Осояну, перевод, 2017

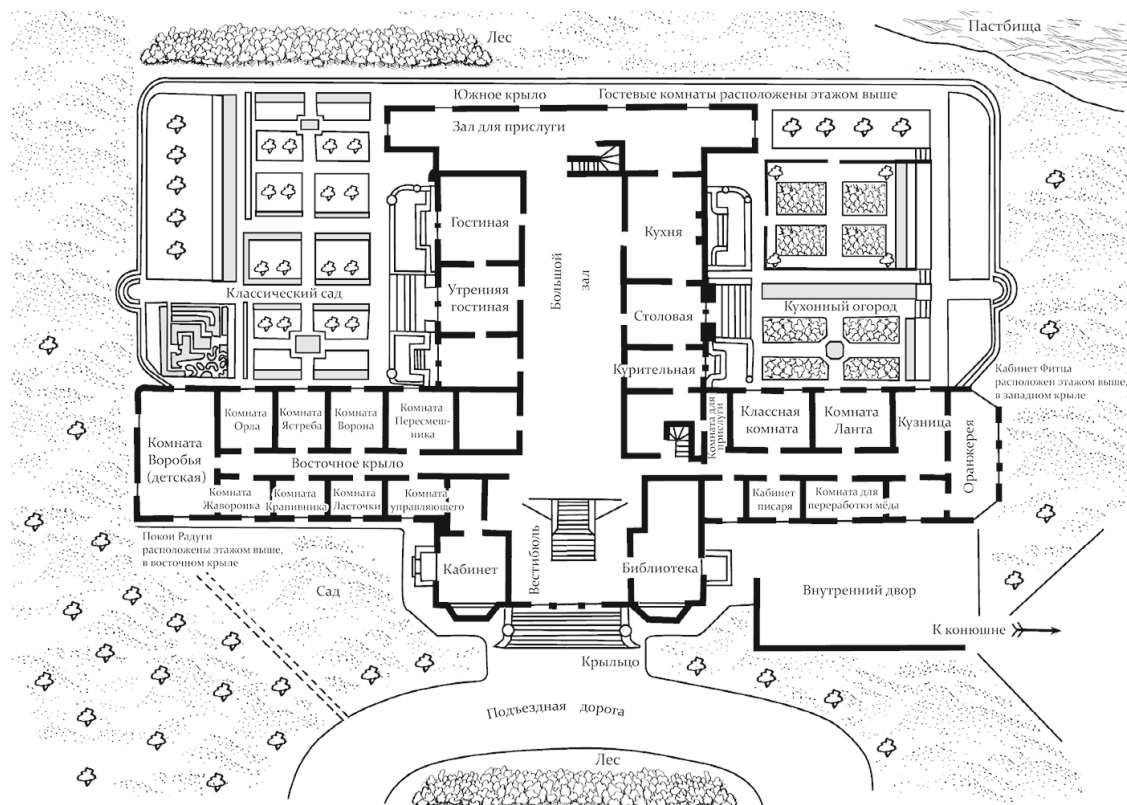
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Сорену и Феликсу.
Посвящается парням*

Пролог

Моя дорогая леди Финнис,

мы с вами дружим так давно, что я могу позволить себе быть откровенной. Мне сообщили сокрушительную новость – да, ту самую, на которую вы столь деликатно намекали. Мой пасынок, принц Чивэл, проявил свою грубую сущность – впрочем, я и раньше о ней знала. Стало известно о его внебрачном ребенке, коего произвела на свет горная шлюха.

Сию проблему, саму по себе постыдную, можно было решить куда более благоразумным образом, если бы его тупой как пробка брат, принц Верити, действовал быстро и решительно, избавляясь от позора. Вместо этого Верити объявил о случившемся в опрометчивом послании моему супругу.

И как же поступил мой господин пред лицом столь низменного поведения? Увы, он не только настоял, чтобы бастарда доставили в Олений замок, но вслед за этим еще и передал Чивэлу во владение Ивовый Лес и отправил его туда вместе с никчемной бесплодной женой. Ивовый Лес! Прекрасное имение, которое с удовольствием бы занял кто угодно из моих друзей, и он его подарил сыну за то, что тот породил ублюдка с простолюдинкой-чужестранкой! Король Шрюд не видит ничего дурного в том, что упомянутого ублюдка привезли сюда, в Олений замок, где любой из моих придворных сможет полюбоваться на маленького дикаря-горца.

А каково же заключительное оскорбление в адрес меня и моего сына? Шрюд постановил, что титул будущего короля перейдет к Верити и тот станет следующим предположительным наследником престола. Когда Чивэлу хватило благопристойности отказаться от притязаний ввиду своего позора, я тайне возликовала, уверившись, что Регала немедленно признают следующим королем. Пускай он моложе обоих сводных братьев, никто не оспорит того факта, что его родословная более благородна, а манеры в той же степени величественны, что и его имя.

Воистину, для меня здесь нет места. Как и для моего сына Регала. Отказываясь от собственной власти и титулов, чтобы сделаться королевой Шрюда, я верила, что любой ребенок, коего я понесу от него, будет рассматриваться как обладающий куда лучшим происхождением, нежели два безрассудных мальчишки, рожденные прежней королевой, и станет править после Шрюда. Но понимает ли Шрюд теперь, глядя на Чивэла, что совершил ошибку, назвав его своим наследником? Нет. Вместо этого мой супруг отодвигает его в сторону лишь для того, чтобы назначить будущим королем его придурковатого младшего брата. Верити. Громилу Верити, наделенного квадратной челюстью и изяществом быка.

Это чересчур, моя дорогая. Мне не по силам вынести подобное. Я бы покинула двор, но не могу оставить Регала без моей защиты.

Письмо королевы Дизайер к леди Финнис из Тилта

Я ненавидел ее, когда был мальчишкой. Помню, как впервые нашел это послание, незаконченное и неотправленное. Я его прочел и удостоверился, что королева, с которой нас друг другу официально так и не представили, в самом деле меня ненавидела с той минуты, как узнала о моем существовании. Наши чувства были взаимны. Я никогда не спрашивал Чейда, откуда у него взялось это письмо. Сам бастард и сводный брат короля Шрюда, Чейд никогда

не колебался, действуя в наилучших интересах трона Видящих. Может, он его похитил с письменного стола королевы Дизайер. Может, это была его хитрость, чтобы представить дело так, будто королева пренебрегла леди Финнис, не ответив на ее письмо. Разве теперь это имеет значение? Не знаю, ибо мне неведомо, какого результата мой старый наставник добился при помощи этого воровства.

И все же иногда я задаюсь вопросом, было ли случайностью то, что я нашел и прочитал письмо королевы Дизайер к леди Финнис, или же Чейд намеренно способствовал такому разоблачению. В те дни он был моим наставником: обучал меня всему тому, что должен уметь убийца на королевской службе. Чейд служил своему королю без жалости: убивал, шпионил и манипулировал двором в Оленьем замке – и обучил меня тому же. Королевскому бастарду, говорил мне Чейд, ничего не угрожает при дворе лишь до той поры, пока он полезен. Видимо, я был непритязательным бастардом, и в те дни, когда я одолевал опасные течения дворцовой политики, мне доставались только невнимания или бранные слова. Однако мы оба с королем Шрюдом знали, что меня защищали как королевская рука, так и рука его убийцы. И все же Чейд учил меня не только ядам, искусству владения ножом и трюкам, но и тому, что должен делать бастард королевской крови, чтобы выжить. Хотел ли он предупредить меня или привить мне ненависть, чтобы крепче привязать к себе? Даже эти вопросы я задаю самому себе слишком поздно.

На протяжении многих лет я видел множество обликов королевы Дизайер. Сперва она была той отвратительной женщиной, которая ненавидела моего отца и еще сильнее ненавидела меня, женщиной, в чьих силах оказалось сдернуть корону с головы принца Чивэла и обречь меня на жизнь презренного бастарда, носившего клеймо позорного происхождения, заключенное в самом моем имени. Помню, одно время я боялся даже просто попадаться ей на глаза.

Спустя несколько лет после моего прибытия в Олений замок мой отец был убит в Ивовом Лесу, и за этим, скорее всего, стояла она. И все же ни я, ни Чейд ничего не могли поделать, не могли потребовать никакой справедливости. Помню, как я спрашивал себя, пребывает ли король Шрюд в неведении или же ему это безразлично. Помню, как абсолютно уверился в том, что, если королева Дизайер пожелает моей смерти, ей нужно будет лишь попросить об этом. Тогда я даже гадал, защитит ли меня Чейд или покорится своему долгу и позволит этому случиться. Подумать только, о чем я размышлял, будучи ребенком...

Ивовый Лес я воспринимал как суровое место ссылки и унижения. Когда я был мальчишкой и жил в Оленьем замке, мне сказали, что туда удалился мой отец, прячась от позора, живым свидетельством которого был я. Принц Чивэл отрекся от трона и короны, склонил голову перед болью и гневом своей законной супруги Пейшенс, извинился перед королем и двором за то, что ему не хватило добродетели и благоразумия, и сбежал от своего презренного бастарда.

И потому я представлял себе Ивовый Лес укрепленным замком на холме, подобным всем тем местам, где мне доводилось жить. Думая о нем, я вспоминал частокол Мунсея в Горном Королевстве или отвесные стены Оленьего замка на вершине неприступных и грозных черных скал, обращенных к морю. Я воображал себе отца погруженным в одинокие раздумья посреди холодного каменного зала, где стены увешаны боевыми знаменами и древним вооружением. Я представлял себе каменистые поля, переходящие в затянутые серым туманом болота.

Позже мне предстояло обнаружить, что Ивовый Лес – это величественной особняк, большой и удобный дом, построенный в широкой и изобильной долине. Стены его были не из камня, но из золотого дуба и плотного клена, и, хотя полы в залах выложили плоским речным камнем, для внутренней отделки использовали панели из древесины теплых тонов. Солнечный свет озарял возделанную долину и щедро струился сквозь высокие, узкие окна дома. Широкую подъездную дорожку, ведущую к парадному входу, обрамляли изящные белые березы. Осенью дорога покрывалась их сброшенной листвой, точно золотым ковром, а зимой они склонялись

над ней под тяжестью снега, образуя туннель из белого ледяного кружева, просвечивающего синевой небес.

Ивовый Лес был не крепостью изгнанников, не местом ссылки, но достойным домом для моего отца и его бесплодной жены. Думаю, дед любил моего отца столь же сильно, сколь мачеха его ненавидела. Король Шрюд отправил сына в отдаленное поместье, чтобы уберечь.

И когда пришло мое время удалиться туда с женщиной, которую я любил, с ее милыми мальчиками и той, что всегда желала быть мне матерью, Ивовый Лес на время стал для нас спокойным и мирным пристанищем.

Время – недобрый учитель, мы всегда усваиваем его уроки слишком поздно, когда от них уже нет никакого проку. Озарения приходят ко мне спустя годы после того, как я мог бы обратить их себе во благо. Теперь, вспоминая «старого» короля Шрюда, я вижу его человеком во власти долгого изнуряющего недуга, из-за которого собственное тело предало его, а ум утратил остроту. Что еще хуже, я вижу королеву Дизайер такой, какой она была на самом деле: не злобной женщиной, вознамерившейся наполнить мою незначительную жизнь отчаянием, но матерью, преисполненной безжалостной любви к единственному сыну, уверившейся в том, что никто и никогда не должен им пренебречь. Она бы ни перед чем не остановилась, чтобы усадить его на трон.

Чего бы я не сделал, чтобы защитить мою маленькую дочь? На что бы не решился, где бы провел черту, рассудив, что дальше заходить нельзя? Если ради нее я убил бы кого угодно без сожалений, означает ли это, что я – чудовище?

Или просто отец?

Но все мы крепки задним умом. Уроки усвоены слишком поздно. Будучи еще молодым человеком, в собственной шкуре я чувствовал себя согбенным стариком, полным боли и тоски. О, как я жалел себя и как оправдывал все свои дикие поступки! И когда пришел мой черед сделаться мудрым главой семейства, я оказался заперт, как в ловушке, в теле человека средних лет, все еще подверженного этим страстям и порывам, все еще полагающегося на силу своей правой руки, в то время как более мудрым было бы остановиться и привлечь к делу свой здравый смысл.

Уроки, усвоенные слишком поздно. Озарения, случившиеся спустя десятилетия.

И столько потерь, которых могло бы не быть.

1. Ивовый лес

Баррич, старый друг,

что ж, кажется, мы обустроились здесь. Это было непростое время как для меня, так и для тебя, если я правильно понял, что за чувства скрывает твое немногословное письмо. Дом громадный, слишком большой для нас двоих. Ты, как всегда, спросил о наших лошадях, прежде чем поинтересоваться моим собственным здоровьем. Отвечу сперва на твой вопрос. Рад сообщить, что Шелковинка довольно спокойно восприняла перемену конюшни, как и положено благовоспитанной верховой лошади, какой она всегда была. Рослый, напротив, обзавелся новым увлечением – начал задирать местного жеребца, но мы приняли меры и позаботились о том, чтобы их стойла и загонны находились теперь достаточно далеко друг от друга. Я уменьшил его порцию зерна, и здесь есть молодой конюх по прозвищу Толлмен Дылда – надо же, какое совпадение, – который пришел в полный восторг, когда я попросил его выводить коня и как следует гонять его по меньшей мере один раз в день. Уверен, что при таком образе жизни Рослый скоро уgomонится.

Моя почтенная супруга... Ты о ней не спросил, но я же тебя знаю, дружище. И потому поведаю тебе, что Пейшенс была в ярости, страдала, грустила, устраивала истерики и сменила еще сотню других настроений по поводу сложившейся ситуации. Она бранит меня из-за того, что я был ей неверен до нашей встречи, а миг спустя прощает и винит саму себя за то, что не произвела на свет наследника, ведь «конечно же, дело целиком и полностью» в ней. Мы вдвоем как-то с этим справимся.

Я ценю, что ты взял на себя мои прочие обязанности. Брат поведал мне достаточно о нраве твоего подопечного, чтобы я смог выразить вам обоим свою поддержку и глубочайшую признательность. На кого еще я мог бы положиться в такие времена, в связи со столь необычной услугой?

Верю, ты поймешь, почему я соблюдаю осмотрительность в этом отношении. Погладь за меня Рыжую, обними и дай большую кость. Уверен, я в долгу перед ее бдительностью в той же степени, что и перед твоей. Жена зовет меня из зала внизу. Я должен закончить письмо и отослать его. Возможно, мой брат передаст тебе мое послание, когда ваши пути пересекутся в следующий раз.

Неподписанное письмо Чивэла главному конюшему Барричу

На голых черных ветвях берез вдоль подъездной дороги выросли белые шапки свежеевыпавшего снега. Белое на черном сияло, словно пестрое зимнее одеяние шута. Снег сыпался крупными хлопьями, добавляя свежий слой блистающей белизны к сугробам во внутреннем дворе. Он смягчал четкие края свежих следов от колес на дороге, стирал отпечатки мальчишеских ног на снегу и сглаживал протоптанные дорожки так, что от них остались одни намеки. Пока я наблюдал, прибыла еще одна карета, запряженная серыми в яблоках лошадьми. Красный плащ на плечах возницы был припорошен снегом. Паж в зеленом и желтом метнулся со ступеней Ивового Леса, чтобы открыть дверцу кареты и взмахом руки приветствовать наших гостей. Со своего наблюдательного пункта я не разглядел, кто это, но одежда свидетельствовала, что это скорее купцы из Ивняков, нежели мелкие дворяне из какого-нибудь имения по соседству. Когда они скрылись из вида, а их возница покати́л карету к нашей конюшне, я взгля-

нул на послеполуденное небо. Снегопад, безусловно, продолжится. Вероятно даже, продлится всю ночь. Что ж, так и должно быть. Я отпустил занавеску и повернулся как раз в тот момент, когда Молли вошла в нашу спальню.

– Фитц! Ты еще не готов?

Я окинул себя взглядом:

– Я думал, что готов...

В ответ на это жена поцокала языком:

– Ох, Фитц! Это же Зимний праздник! Залы украшены зелеными ветвями, Пейшенс и Натмег наготовили столько еды, что весь дом будет ею питаться, наверное, еще три дня, все три группы менестрелей, которых пригласила Пейшенс, настраивают инструменты, и половина наших гостей уже прибыла. Тебе следует быть внизу, приветствуя их у входа. А ты еще даже не одет.

Я хотел было спросить ее, что не так с моим нарядом, но она уже рылась в сундуке с вещами, вытаскивала предметы одежды, рассматривала их и бросала. Я ждал.

– Это, – проговорила она, вынимая белую льняную рубашку с кружевными рубчиками вдоль рукавов. – А поверх нее вот этот камзол. Все знают, что, если надеть зеленое на Зимний праздник, это принесет удачу. Твоя серебряная цепочка подойдет к пуговицам. Эти штаны. Они такие старомодные, что ты в них будешь выглядеть стариканом, но, по крайней мере, не так обвисают, как те, что на тебе сейчас. Вот только этого мне еще не хватало – просить тебя надеть новые брюки.

– Так ведь я и есть старикан. И в сорок семь мне уж точно позволено одеваться как захочу.

Она нахмурилась, взглянула на меня с притворной строгостью. Уперла руки в бока.

– Ты меня назвал старухой, любезный? Ибо я припоминаю, что старше тебя на три года.

– Разумеется, нет! – поспешно исправился я. Но не ворчать было невозможно. – Однако я никак не могу взять в толк, почему все желают наряжаться, словно аристократы из Джамелии. Ткань на этих брюках такая тонкая, что они порвутся, даже если слегка зацепиться о побеги ежевики, и...

Она посмотрела на меня и раздраженно вздохнула:

– Да. Я это слышала от тебя уже сто раз. Давай не будем обращать внимание на те несколько побегов ежевики, которые могут вдруг отыскаться в стенах Ивового Леса, хорошо? Итак, надень чистые штаны. Те, что на тебе, выглядят кошмарно; разве ты не в них вчера помогал разобраться с той лошадью, с трещиной в копыте? И надень домашние туфли, а не эти поношенные ботинки. Тебе придется танцевать, знаешь ли.

Она выпрямилась, закончив раскопки в моем сундуке с одеждой. Смирившись с неизбежным, я уже начал раздеваться. Стянув рубашку через голову, я встретился взглядом с Молли. На губах моей жены была знакомая улыбка, и, разглядывая ее венки из остролиста, водопад из кружева на блузе и веселую вышивку на верхней юбке, я невольно улыбнулся в ответ. Она отступила на шаг, улыбаясь еще шире.

– Давай же, Фитц. Там внизу гости, они ждут нас.

– Они так долго ждали, потерпят еще чуть-чуть. Наша дочь сумеет их занять.

Я шагнул вперед. Она попятилась к двери и положила руку на дверную ручку, не переставая качать головой, так что черные кудри плясали над ее лбом и на плечах. Опустив голову, она взглянула на меня сквозь ресницы и внезапно показалась вновь девчонкой. Своенравной девчонкой из Баккипа, за которой я гонялся по песчаному пляжу. Вспомнила ли она об этом? Возможно, ибо моя жена прикусила нижнюю губу и я увидел, что решимость ее почти растаяла. Потом она сказала:

– Нет. Наши гости не должны ждать, и хотя Неттл может их встретить, приветствие от дочери хозяина дома не то же самое, что выражение признательности от тебя и меня. Риддл может стоять за ее плечом в качестве нашего управляющего и помогать ей, но, пока король

не даст им разрешения на брак, мы не должны представлять их женихом и невестой. Так что потерпеть придется нам с тобой. Потому что сегодня вечером «чуть-чуть» мне будет мало. Я рассчитываю, что ты уделишь мне больше времени и сил.

– Правда? – поддразнил я ее и сделал два быстрых шага в ее сторону, однако Молли с девичьим взвизгом вылетела за дверь. Почти ее закрыв, прибавила сквозь щель: – Поторопись! Ты ведь знаешь, как быстро праздники Пейшенс начинают идти не по плану. Я оставила Неттл за главную, но ты же понимаешь – Риддл от Пейшенс кое в чем почти не отличается. – Пауза. – И не смей опаздывать и оставлять меня без партнера во время танцев!

Она захлопнула дверь, как раз когда я оказался рядом. Я остановился и затем, негромко вздохнув, вернулся за чистыми штанами и домашними туфлями. Она хочет, чтобы я танцевал, и я буду стараться изо всех сил. Я действительно знал, что Риддл склонен развлекаться во время любых празднеств в Ивовом Лесу с самозабвенностью, совсем несвойственной тому сдержанному парню, каким он выглядит в Оленьем замке, и, возможно, не очень-то подходящей для человека, который считается всего лишь бывшим управляющим нашего поместья. Я невольно улыбнулся. Время от времени его примеру следовала Неттл, тоже выказывая веселость, какой за ней не водилось при дворе короля. Хирсу и Джасту, двум из шести взрослых сыновей Молли, пока не покинувшим наш дом, не требовалось много уговоров, чтобы присоединиться. Поскольку Пейшенс пригласила половину населения Ивняков и куда больше музыкантов, чем могли бы выступить за один вечер, наш веселый Зимний праздник наверняка продлится три дня, а то и дольше.

Я с некоторой неохотой переоделся в джамелийские штаны. Они были из тонкого темно-зеленого, почти черного, льна и выглядели такими широкими, что издали можно было принять их за юбку. На талии штаны скреплялись лентами, а широкий шелковый пояс довершал этот нелепый предмет одежды. Я сказал себе: придется потерпеть, дабы порадовать Молли. Наверное, и Риддла уговорили надеть нечто похожее. Я снова вздохнул, спрашивая себя, зачем всем нам подражать джамелийской моде, а потом смирился. Закончил одеваться, с трудом собрал волосы в воинский хвост и покинул нашу спальню. У начала величественной дубовой лестницы приостановился; снизу доносились звуки веселья. Я набрал полную грудь воздуха, будто собираясь нырнуть в глубокий водоем. У меня не было поводов бояться, не было причин для колебаний, и все же вьевшиеся в далеком детстве привычки по-прежнему не отпускали меня. Я имел полное право спуститься по этой лестнице, пройти сквозь веселую компанию внизу как хозяин дома и супруг леди, которой он принадлежал. Теперь я был известен как помещик Том Баджерлок – рожденный простолюдином, но возвысившийся благодаря леди Молли до статуса мелкопоместного дворянина. Бастард Фитц Чивэл Видящий – внук, племянник и кузен королей – был похоронен четыре десятка лет назад. Для собравшихся внизу я был помещиком Томом и устроителем пира.

Даже в этих глупых джамелийских штанах.

Я задержался еще на миг, прислушиваясь. Две разные группы менестрелей наперегонки настраивали инструменты. Внезапно раздался ясный и громкий смех Риддла, заставивший меня улыбнуться. Гул голосов, доносившихся из Большого зала, сделался громче, а потом опять притих. Одна из групп менестрелей взяла верх, ибо сквозь голоса вдруг прорвалась бодрая барабанная дробь и заглушила прочие звуки. Вскоре начнутся танцы. Я и впрямь опаздывал, и мне стоило бы спуститься. Но было нечто приятное в том, чтобы стоять здесь, над всем этим, представляя, как мелькают ноги и горят глаза Неттл, когда Риддл ведет ее в танце. Ох, а Молли! Она ведь ждет меня! Ради нее за минувшие годы я сделался сносным танцором, раз уж она так любила это дело. Если из-за меня ей придется стоять в сторонке, добиться ее прощения будет нелегко.

Я поспешил вниз, перепрыгивая через две полированные дубовые ступеньки зараз, достиг передней, и там, словно выскочив из засады, передо мной внезапно оказался Ревел. Наш

новый молодой управляющий, безусловно, отлично выглядел в белой рубашке, черном жакете и черных брюках в джамелийском стиле. Из облика выбивались зеленые домашние туфли, а еще желтый шарф на шее. Зеленый и желтый были цветами Ивового Леса, и я подозревал, что эти аксессуары были идеей Пейшенс. Я спрятал улыбку, но, думаю, Ревел прочел все по глазам. Он вытянулся еще сильнее и, глядя на меня сверху вниз, чопорно сообщил:

– Сэр, у дверей ждут менестрели.

Я устремил на него озадаченный взгляд:

– Ну такпусти их. Это же Зимний праздник.

Ревел, неодобрительно скривив губы, остался на месте:

– Сэр, я не думаю, что их пригласили.

– Это Зимний праздник, – повторил я, раздражаясь.

Молли не понравится, что ее заставляют ждать. Пейшенс пригласила каждого встреченного менестреля, кукольника, акробата, ремесленника и кузнеца прийти и пожить у нас в праздничные дни. Она, возможно, пригласила их несколько месяцев назад и забыла об этом.

Я не думал, что спина Ревела может сделаться еще более напряженной, но так и вышло.

– Сэр, они были возле конюшни, пытались заглянуть внутрь через щель между досками.

Толлмен услышал лай собак, отправился посмотреть, в чем дело, и нашел их. Тогда-то они и назвались менестрелями, приглашенными на Зимний праздник.

– И?

Он коротко вздохнул:

– Сэр, не думаю, что это менестрели. У них нет инструментов. И в то время как один сказал, что они менестрели, другой заявил – нет, акробаты. Но когда Толлмен сказал, что проводит их к парадному входу, они ответили, дескать, не надо, им нужно лишь пристанище на одну ночь, и конюшня для этого прекрасно подойдет. – Он покачал головой. – Толлмен перемолвился со мной словечком, когда привел их. Он думает, они не те, за кого себя выдают. И я с ним согласен.

Я посмотрел на Ревела. Управляющий скрестил руки на груди. Он не смотрел мне в глаза, но упрямо поджимал губы. Я вынудил себя быть с ним терпеливее. Он был молод и появился в имении относительно недавно. Крэвит Софтхэндз, наш престарелый управляющий, умер в прошлом году. Риддл добровольно взвалил на себя многие обязанности старика, но настоял, чтобы для Ивового Леса обучили нового управляющего. Я небрежно ответил, что у меня нет времени на его поиски, и через три дня Риддл привел к нам Ревела. Прошло всего два месяца, и он еще не освоился, сказал я самому себе. Да и Риддл мог перестараться, внушая ему необходимость соблюдать осторожность. Риддл, как ни крути, – человек Чейда, внедренный в наш дом, чтобы охранять мой тыл и, возможно, шпионить за мной. Несмотря на его нынешнюю веселость и преданность моей дочери, он пропитался осторожностью до мозга костей. Дай ему волю – и у нас в Ивовом Лесу появится стража не хуже, чем у королевы... Спohватившись, я заставил себя сосредоточиться на деле.

– Ревел, я ценю твою заботу. Но это Зимний праздник. И будь они менестрели или бродяги-попрошайки, в такой праздник или в такой снегопад на ночь глядя мы не можем никого прогнать от своих дверей. Пока в доме есть место, им нет нужды спать на конюшне. Веди их сюда. Уверен, все будет в порядке.

– Да, сэр.

Он не согласился, но подчинился. Я подавил вздох. Пока что и так сойдет. Я повернулся, намереваясь присоединиться к собравшимся в Большом зале.

– Сэр?

Я снова повернулся и сурово спросил:

– Что-то еще, Ревел? Что-то срочное?

Я услышал осторожные ноты – музыканты сводили свои инструменты в гармонию, – а потом внезапно хлынула музыка. Ну вот, пропустил начало первого танца. Я стиснул зубы, подумав о том, как Молли стоит в одиночестве и смотрит на кружащиеся пары.

Ревел на миг прикусил нижнюю губу в сомнении и решил продолжить:

– Сэр, вестник все еще ждет вас в кабинете.

– Вестник?

Ревел издал мученический вздох:

– Несколько часов назад я отправил одного из наших временных пажей с сообщением для вас. Он сказал, что прокричал его через дверь парилки. Вынужден заметить, сэр: вот к чему приводит то, что мы нанимаем в качестве пажей необученных мальчиков и девочек. Нам нужны постоянные пажи, хотя бы ради того, чтобы обучить их на будущее.

Я тоскливо взглянул на Ревела, и он, прочистив горло, сменил тактику:

– Прошу прощения, сэр. Я должен был послать пажа к вам еще раз, чтобы убедиться, что вы его услышали.

– Я не услышал. Ревел, ты не мог бы заняться этим вместо меня? – Я неуверенно шагнул в сторону зала. Музыка звучала все громче.

Управляющий коротко покачал головой:

– Мне очень жаль, сэр. Но вестник настаивает на личной встрече с вами. Я дважды спросил, могу ли как-то помочь, и предложил записать сообщение, чтобы передать его вам. – Он покачал головой. – Вестник твердит, что послание предназначено только для ваших ушей.

Тогда я догадался, что это за сообщение. Помещик Барит пытался добиться моего согласия на то, чтобы он отправлял часть своего стада на выпас вместе с нашими овцами. Наш пастух Лин был непреклонен, настаивая на том, что в этом случае на нашем зимнем пастбище окажется слишком много животных. Я намеревался прислушаться к Лину, даже если Барит теперь желал предложить достойную сумму денег. Канун Зимнего праздника – не время для деловых вопросов. Они могут и подождать.

– Все в порядке, Ревел. И не будь слишком суров с пажами. Ты прав. Нам надо принять одного или двоих на постоянную работу. Но большинство из них, когда станут старше, захотят работать в садах или заниматься тем же ремеслом, что их родители. Они лишь изредка требуются нам здесь, в Ивовом Лесу.

Я не желал думать об этом прямо сейчас. Молли ждет! Я перевел дух и принял решение.

– Пусть с моей стороны и неразумно принудить посланника ждать так долго, куда более грубым поступком будет оставить мою леди без партнера во время второго танца, как уже вышло с первым. Пожалуйста, передай посланнику мои извинения за прискорбную задержку и позаботься о том, чтобы ему принесли еду и питье. Скажи, что я приду в кабинет сразу же после второго танца.

На самом деле я не хотел этого делать. Праздник манил меня. Тут мне на ум пришла идея получше.

– Нет! Пригласи-ка его присоединиться к пиру. Скажи, пусть повеселится, а завтра до полудня мы сядем и все обсудим.

Я понятия не имел, какое дело может оказаться столь безотлагательным, чтобы им пришлось заняться прямо сейчас.

– Ее, сэр.

– Ревел?

– Ее. Вестник – девушка, сэр. Совсем молоденькая, судя по виду. Разумеется, я уже предложил ей еду и питье. Я бы не выказал подобного пренебрежения ни к кому из тех, кто стучится в ваши двери. Не говоря уже о человеке, который, похоже, прошел долгий и трудный путь.

Музыка играла, Молли ждала. Лучше пусть посланница подождет, чем Молли.

– Тогда предложи ей комнату и спроси, желает ли она принять горячую ванну или спокойно перекусить в одиночестве, прежде чем мы встретимся завтра. Приложи все усилия к тому, чтобы ей было удобно, Ревел, и завтра я уделю ей столько времени, сколько она захочет.

– Будет сделано, сэр.

Он повернулся, чтобы вернуться в прихожую, а я поспешил в Большой зал Ивового Леса. Высокие двери были открыты, панели из золотого дуба блестели в свете факелов и свечей. Музыка и ритмичные шаги танцующих лились из обшитого панелями коридора, но стоило мне приблизиться, как музыканты сыграли последний припев и с громкими возгласами первый танец завершился. Я закатил глаза от такого невезения.

Но когда я вошел в зал, окунувшись в волну аплодисментов, адресованных менестрелям, то увидел, как партнер Молли по танцу с серьезным видом кланяется ей. Мой пасынок спас свою мать и повел ее танцевать. Юный Хирс в последний год рос не по дням, а по часам. От Баррича, его отца, ему передалась суровая мужская красота, но выражение лица и в особенности улыбку Хирс унаследовал от Молли. В свои семнадцать он смотрел сверху вниз на ее макушку. Щеки Молли зарделись от быстрого танца, и она выглядела так, словно ничуть по мне не скучала. Когда моя жена подняла глаза и наши взгляды встретились, она улыбнулась. Я благословил Хирса и решил, что должен обязательно его отблагодарить. По другую сторону комнаты его старший брат, Джаст, отдыхал у очага. Рядом стояли Неттл и Риддл; Неттл слегка раскраснелась, и я понял: Джаст дразнит старшую сестру, а Риддл его поддерживает.

Я прошел через весь зал к Молли, часто приостанавливаясь, чтобы поклониться и ответить на приветствия многочисленных гостей. На нашем пиру люди собрались самые разные. Помещики и мелкие аристократы из наших краев, отлично одетые, в кружевах и льняных брюках; лудильщик Джон, деревенская портниха и местный сыровар тоже были здесь. Их парадные наряды, может, и были чуть более старомодными, а у некоторых и сильно поношенными, но по случаю праздника их как следует вычистили, а сияющие короны из остролиста и веточки, украшавшие прически и наряды, были свежими. Молли не пожалела для пира своих лучших душистых свечей, и воздух наполнился запахами лаванды и жимолости, а танцующие огоньки окрасили стены в золотые и медовые тона. Сильное пламя полыхало во всех трех каминах, где на вертелах жарилось мясо под присмотром специально нанятых краснолицых деревенских парней. Несколько горничных суежились возле бочонка с элем в углу, наполняя кружки на подносах, чтобы предложить их запыхавшимся танцорам, когда музыканты прервутся.

В одном конце комнаты стояли столы, ломившиеся от хлебов, яблок и тарелок с изюмом и орехами, булочками и пирожными, блюд с копченым мясом и рыбой и многими другими яствами, незнакомыми мне. Истекающие соком куски мяса, только что срезанные с туш на вертелах над огнем, были такие аппетитные, что лучше и желать нельзя, и добавляли свой богатый аромат в атмосферу праздника. Многие гости, рассевшись на скамьях, уже наслаждались едой и напитками, ибо пива и вина тоже было предостаточно.

В другом конце зала первая группа менестрелей уступала сцену второй. Пол для танцев был усыпан песком. Несомненно, когда гости только прибыли, на песке были нарисованы изящные узоры, но теперь там красовались лишь суетливые цепочки следов пирующих. Едва я подошел к Молли, как музыканты заиграли первые ноты. Эта мелодия была настолько же печальной, насколько первая веселой, так что, когда Молли взяла меня за руку и повела к танцевальной площадке, я сумел удержать обе ее руки в своих и услышать ее голос сквозь музыку.

– Ты сегодня отлично выглядишь, помещик Баджерлок. – Она подвела меня к другим мужчинам, выстроившимся в линию.

Я степенно кивнул, не разнимая наших рук:

– Если ты довольна, то я спокоен.

Я старался не обращать внимания на то, как ткань брюк захлопала по икрам, когда мы повернулись, ненадолго разошлись, а потом снова взяли друг друга за руки. Я мельком увидел

Риддла и Неттл. Да, Риддл был в таких же широких брюках, и он держал мою дочь не за кончики пальцев, но за кисти рук. Неттл улыбалась. Снова переведя взгляд на Молли, я увидел, что она тоже улыбается. Она заметила, куда я смотрел.

– Неужели мы были такими же в молодости? – спросила моя жена.

Я покачал головой и сказал:

– Думаю, нет. Когда нам было столько же лет, жизнь наша была куда более суровой.

Я увидел, как ее мысли обратились к далекому прошлому.

– В возрасте Неттл у меня уже было трое детей и я носила четвертого. А ты...

Она не стала продолжать, и я ничего не сказал. Я жил в маленькой хижине возле Кузницы вместе с моим волком. Был ли это год, когда я приютил Неда? Сирота был рад обрести дом, а Ночной Волк – веселую компанию. В то время я покорился судьбе, уступив Молли Барричу. Прошло девятнадцать долгих лет. Я оттолкнул прочь длинную тень тех дней. Подошел ближе, положил руки Молли на талию и приподнял ее, когда мы повернулись. Она уперлась руками мне в плечи, приоткрыла рот от удивления и удовольствия. Другие танцоры вокруг нас ненадолго вытаращили глаза. Снова поставив ее на пол, я заметил:

– И по этой причине мы должны быть молоды сейчас.

– Ты себя имеешь в виду?

Ее щеки порозовели, и она слегка запыхалась, когда мы выполнили еще одну танцевальную фигуру, а потом повернулись, разошлись и снова сошлись. Или почти сошлись. Нет, я должен был повернуться еще раз, а потом... Я все безнадежно перепутал, а ведь как раз гордился тем, что помню каждый шаг после прошлого раза, когда мы это танцевали. Другие танцоры отпрянули, разделились и двинулись мимо, словно я был упрямой скалой посреди ручья. Я завертелся в поисках Молли и обнаружил, что она стоит позади, прижав руки ко рту в безуспешной попытке сдержать смех. Я потянулся к ней, намереваясь вернуть нас обоих в танец, но она схватила меня за руки и вытащила прочь с танцевальной площадки, беззвучно смеясь. Я закатил глаза и попытался извиниться, но услышал в ответ:

– Все в порядке, дорогой. Немного отдохнуть и что-нибудь выпить будет в самый раз. Хирс чуть раньше утомил меня своими плясками. Мне надо передохнуть.

У Молли вдруг перехватило дыхание, и она прислонилась ко мне. Ее лоб блестел от пота. Она приложила руку к задней части шеи и потеряла ее, словно пытаясь облегчить судорогу.

– Мне тоже, – соврал я.

Ее лицо покраснелось, и она слабо мне улыбнулась, прижав руку к груди, будто пытаясь успокоить колотящееся сердце. Я улыбнулся в ответ и повел ее к креслу у очага. Едва я усадил Молли, как у моего локтя появился паж и предложил принести вина. Она кивнула, и он умчался прочь.

– Что это у него пришито по краю шапочки? – рассеянно спросил я.

– Перья. И кисточки из конского волоса. – Молли все никак не могла отдышаться.

Я вопросительно уставился на нее.

– Такой у Пейшенс был каприз в этом году. Все мальчики, которых она наняла в Ивнях как в качестве пажей на время праздника, одеты таким образом. Перья – чтобы все наши невзгоды улетели прочь, и конский волос – чтобы указать, что мы помашем хвостом нашим бедам и тревогам, когда сбежим от них.

– А-а... понимаю. – Моя вторая ложь за вечер.

– Что ж, славно, что ты понимаешь, потому что я-то ничего не понимаю. Но каждый Зимний праздник особенный, верно? Помнишь тот год, когда Пейшенс выдала каждому холостяку, пришедшему на праздник, посохи из свежесрубленных веток? И длина соответствовала тому, как она оценивала их мужское достоинство?

Я с трудом сдержал смех:

– Помню. По всей видимости, она считала, что молодым дамам требуется четкое указание на то, из каких мужчин получаются лучшие супруги.

Молли подняла брови:

– Может, так оно и было. На Весенний праздник в том году сыграли шесть свадеб.

Моя жена окинула зал взглядом. Пейшенс, моя мачеха, была одета в величественное старое платье из бледно-синего бархата с отделкой из черного кружева на манжетах и воротнике. Ее длинные седые волосы были заплетены в косу и уложены венцом на голове. В него была воткнута единственная веточка остролиста, и несколько десятков ярко-синих перьев торчали под разными углами. С браслета на запястье свешивался веер; он был синий, в тон платью и перьям, и еще имел по краю оборку из жесткого черного кружева. Мне Пейшенс казалась одновременно милой и вызывающе оригинальной, как всегда. Она грозила пальцем младшему сыну Молли, предупреждая его о чем-то. Хирс стоял, выпрямив спину, и мрачно смотрел на нее сверху вниз, но его сцепленные за спиной пальцы подергивались. Его брат Джаст держался поодаль, прятал ухмылку и ждал, пока Хирса отпустят. Я пожалел обоих. Пейшенс, похоже, считала, что им все еще десять и двенадцать, хоть они теперь и возвышались над ней. Джасту вот-вот должно было исполниться двадцать, а семнадцатилетний Хирс был младшим сыном Молли. Но он стоял и, точно провинившийся мальчишка, смиренно выслушивал упреки Пейшенс.

– Хочу сообщить леди Пейшенс, что прибыли новые менестрели. Надеюсь, это последняя компания. Если появится еще кто-то, подозреваю, им придется с помощью кулаков решать, кто будет выступать и как долго.

Всем менестрелям, приглашенным выступать в Ивовом Лесу, полагалась еда и теплая постель на ночь, а еще небольшой кошель за работу. Остаток вознаграждения они получали от гостей, и нередко музыканты, которые выступали чаще других, собирали самую большую выручку. Трех групп менестрелей было более чем достаточно для Зимнего праздника в нашем поместье. Четвертая все усложнит.

Молли кивнула и приложила руки к розовеющим щекам:

– Думаю, я еще немного посижу тут. О, вот и мальчик с моим вином!

В музыке наступило затишье, и я воспользовался возможностью быстро пересечь танцевальную площадку. Увидев меня, Пейшенс сначала улыбнулась, а потом нахмурилась. Когда я оказался рядом, она уже забыла про Хирса, и он сбегал вместе с братом. Она захлопнула веер, ткнула им в мою сторону и с упреком спросила:

– Куда ты дел свои штаны? Эти юбки хлопают вокруг твоих ног, словно ты корабль с порванными во время шторма парусами!

Я посмотрел на брюки, потом поднял взгляд на нее.

– Новая джамелийская мода. – Поскольку ее неодобрение усилилось, я прибавил: – Их Молли выбрала.

Леди Пейшенс уставилась на них, словно подозревая, что я прячу в штанинах выводок котят. Потом подняла глаза на меня, улыбнулась и сказала:

– Милый цвет. И я уверена – она рада, что ты их надел.

– Да уж.

Пейшенс подняла руку, я протянул ей свою, она поместила ладонь на мое предплечье, и мы начали медленно прогуливаться по Большому залу. Люди расступались перед ней, кланяясь и приседая. Леди Пейшенс, ибо таковой она была этим вечером, степенно наклоняла голову или тепло приветствовала и обнимала гостя, в зависимости от того, чего заслуживал тот или иной человек. Мне хватало того, чтобы просто быть ее сопровождающим, видеть, как она получает удовольствие от происходящего, и стараться сохранить невозмутимое лицо, когда она шепотом выражала свое мнение по поводу дыхания лорда Дардена или жалость в связи с тем, как быстро лудильщик Дэн лысеет. Некоторые гости постарше помнили, что когда-то она

была не только хозяйкой Ивового Леса, но и женой принца Чивэла. Во многих смыслах она все еще здесь правила, поскольку Неттл проводила большую часть времени в Оленьем замке в качестве королевского мастера Силы, а Молли, как правило, с удовольствием позволяла Пейшенс поступать, как ей захочется.

«В жизни женщины бывают периоды, когда ей не хватает компании других женщин, – объяснила мне Пейшенс, когда без лишних проволочек переехала к нам в Ивовый Лес пять лет назад. – Девушкам требуется, чтобы в доме была женщина постарше, которая смогла бы объяснить им перемены, происходящие во время взросления. А когда с женщиной происходят другие изменения, в особенности если она надеялась выносить еще детей, хорошо, если рядом есть та, кому уже довелось пережить такое разочарование. От мужчин в это время попросту никакого толку».

И хотя я очень волновался, организуя торжественную встречу Пейшенс, когда она пришла с обозом животных, семян и растений, впоследствии она доказала мудрость своих слов. Я знал, что двум женщинам очень редко случается так безмятежно ужитья под одной крышей, и благословлял свою удачу.

Когда мы достигли любимого кресла Пейшенс у очага, я усадил ее там, принес ей чашку сидра с пряностями и сообщил:

– Последние из ваших музыкантов прибыли, как раз когда я спускался по лестнице. Я еще не видел, чтоб они вошли, но подумал, вы захотите знать, что они здесь.

Она вскинула брови, а потом повернулась и окинула комнату взглядом. Третья группа музыкантов направлялась к подмосткам, чтобы занять свое место. Пейшенс снова посмотрела на меня.

– Нет, они все здесь. В этом году я была весьма осторожна в своем выборе. Я сказала себе, что для Зимнего праздника нам требуются люди с горячим нравом, чтобы прогнать холода. Так что, если присмотришься, в каждой из приглашенных мной групп есть кто-то рыжий. Вон там, видишь, женщина распевается? Только глянь на этот водопад темно-медных волос. Не говори мне, что она не согреет этот праздник одним своим настроением.

Женщина и впрямь с виду казалась очень страстной натурой. Она позволила танцорам отдохнуть, заведя длинную песню-историю, больше подходившую для того, чтобы слушать, а не танцевать, и пела глубоким грудным голосом. Слушатели, старые и молодые, придвинулись ближе, пока она исполняла старую балладу о деве, соблазненной Стариком Зимой и унесенной им в ледяную крепость на далеком юге.

Все замерли, поглощенные балладой, и потому я краем глаза заметил движение, когда в зал вошли двое мужчин и женщина. Они огляделись по сторонам, словно в растерянности, и, наверное, они и правда растерялись после долгого пешего пути в вечерних сумерках, сквозь снегопад. Было очевидно, что они пришли пешком, потому что их грубые кожаные штаны промокли до колен. Менестрели часто носят странные наряды, но таких мне еще не доводилось видеть. Сапоги до колен были желтыми, в коричневых пятнах влаги, кожаные брюки – короткими, едва прикрывавшими верхнюю часть сапог. Куртки были из той же кожи, выкрашенной в тот же бледно-коричневый цвет, а под ними виднелись рубахи из грубой шерсти. Судя по виду, новым гостям было неудобно, как если бы шерсть слишком плотно прилегала к коже.

– А вот и они, – сказал я.

Пейшенс бросил взгляд через зал.

– Я их не нанимала, – сообщила она, оскорбленно фыркнув. – Только глянь на эту женщину, бледна как призрак. В ней совсем нет жара. И мужчины такие же холодные, волосы у них цвета шерсти ледяного медведя. Брр. Мороз по коже от одного взгляда на них. – Потом морщины на ее лбу разгладились. – Ладно. Сегодня вечером я не позволю им петь. Но давай предложим им вернуться в разгар лета, когда леденящая душу история или прохладный ветерок будут в самый раз душным вечером.

Не успел я ответить на ее предложение, как раздался рык:

– Том! Вот ты где! Как я рад тебя видеть, старый друг!

Я повернулся с той смесью восторга и смятения, которую пробуждают в человеке внезапные визиты любящих друзей, не терпящих условностей. Уэб пересекал зал широким шагом, а Свифт держался за ним. Я широко раскинул руки и отправился приветствовать их. За пару лет дородный мастер Дара сделался шире в объёме. Как обычно, его щеки были такими красными, словно разрумянились от ветра. Сын Молли, Свифт, шел в паре шагов позади него, но тут из толпы гостей появилась Неттл и кинулась обнимать брата. Он приостановился, чтобы подхватить ее и радостно закружить. Потом Уэб облапил меня так, что ребра затрещали, и несколько раз сильно хлопнул по спине.

– Ты отлично выглядишь! – сообщил он, пока я ловил воздух ртом. – Почти обрел прежнюю целостность, верно? Ах, вот и моя леди Пейшенс! – Освободив меня из своих неистовых объятий, он изящно склонился над протянутой ему рукой моей мачехи. – Какое у вас роскошное синее платье! Напоминает яркое оперение сойки! Но прошу, скажите, что перья в ваших волосах взяты не у живой птицы!

– Разумеется, нет! – Пейшенс, как и следовало, ужаснулась этой мысли. – Я нашла мертвую птицу на тропе в саду минувшим летом. И подумала, что это шанс увидеть, что скрывается под милым синим оперением. Но сами перья сохранила, конечно, аккуратно их выщипав, перед тем как сварить тушку до отделения мяса от костей. Когда я вылила бульон из сойки, моя задача заключалась в том, чтобы собрать ее маленькие кости в скелет. Ты знал, что птичье крыло так же похоже на человеческую руку, как перепончатая лягушачья лапа? Сколько там миниатюрных косточек! Что ж, не сомневаюсь, ты догадываешься, что результат где-то на моем рабочем столе, собранный наполовину, как и многие из моих проектов... Но вчера, когда я думала, где бы взять перья, чтобы помогли улететь от наших неприятностей, то вспомнила, что у меня их целая коробка! И к счастью для меня, жучки их не нашли и не съели до самой ости, как приключилось с перьями чайки, которые я попыталась сохранить. Ох! Чайка! Как необдуманно с моей стороны! Прости меня! – Она явно внезапно вспомнила, что Уэб связан с чайкой.

Но мастер Дара добродушно улыбнулся и сказал:

– Мы, наделенные Даром, знаем: когда жизнь заканчивается, остается лишь пустая оболочка. Думаю, никто не понимает это лучше нас. Мы чуем присутствие любой жизни, и одни огни сияют ярче других. Росток для наших чувств не так полон жизненной силы, как дерево. И конечно, олень затмевает и то и другое, а птица сверкает ярче всех.

Я открыл рот, чтобы возразить. С помощью своего Дара я мог ощущать птиц, но они никогда не казались мне особенно полными жизненной силы. Я вспомнил, что Баррич – человек, который вырастил меня и почти заменил мне отца, – сказал мне много лет назад, запрещая работать с ястребами в Оленьем замке: «Ты им не нравишься: ты слишком теплый». Я подумал, что он говорит о моей плоти, но теперь спросил себя, не почуял ли он что-то, связанное с моим Даром, что в то время не смог мне объяснить. Ибо Дар тогда был презираемой магией и, если бы кто-то из нас признался, что обладает им, нас бы повесили, четвертовали и сожгли над водой.

– Почему ты вздохнул? – резко и требовательно спросила Пейшенс.

– Прошу прощения. Я не заметил.

– Но ты вздохнул! Мастер Дара Уэб как раз рассказывал мне весьма замечательные вещи о крыле летучей мыши, и ты вдруг вздохнул, как будто счел нас самыми скучными людьми в целом мире! – Подчеркивая свои слова, она постукивала веером по моему плечу.

Уэб рассмеялся:

– Леди Пейшенс, я не сомневаюсь, что его мысли были где-то далеко. Я знаю Тома давным-давно и хорошо помню его меланхолическую жилку! О, но я вас присвоил, а ведь и другим гостям требуется ваше внимание!

Обманулась ли Пейшенс? Думаю, нет, но она с удовольствием позволила себя увести очаровательному юноше, которого, несомненно, подослала Неттл, чтобы позволить Уэбу переговорить со мной наедине. Мне было немного досадно, что Пейшенс меня бросила; Уэб прислал мне несколько писем, и я не сомневался, что знаю, в какое русло он направит разговор. Прошло уже много времени с той поры, как я был связан с животным посредством своего Дара. Но то, что Уэб, похоже, приравнивал к ребяческой обиде, сам я был более склонен считать одиночеством вдовца, прожившего в браке слишком долго. Никто не смог бы заменить Ночного Волка в моем сердце, и я не мог себе представить такой связи с каким-то другим созданием. Что ушло, того не вернуть, как он сам говорил. Теперь мне хватало отголосков моего волка, что сохранились внутри. Эти живые воспоминания, такие сильные, что иногда казалось, будто я все еще слышу его мысли, всегда будут предпочтительней любой другой связи.

И потому, пока Уэб разглагольствовал о тривиальных вещах вроде того, как у меня идут дела, как здоровье Молли и был ли урожай в этом году хорошим, я как мог обходил темы, которые могли вывести нас на опасную почву. Уэб, несомненно, хотел перейти к обсуждению моего одинокого статуса и того, как важно, по его мнению, чтобы я глубже понял природу Дара. Мое же твердое мнение заключалось в том, что, поскольку я не намеревался скреплять себя новыми узами до конца своих дней, мне не требовались более глубокие познания о Даре, чем те, какими я обладал сейчас.

И я, кивком указав на «музыкантов», так и стоявших у двери, сказал Уэбу:

– Боюсь, они проделали долгий путь зря. Пейшенс сказала, что для Зимнего праздника нужны рыжеволосые певцы, а блондинов она прибережет для лета.

Я ожидал, что Уэб разделит мое веселое удивление по поводу чудаковатости леди Пейшенс. Чужестранцы не вошли в зал, чтобы присоединиться к веселью, но остались у двери и разговаривали только друг с другом. Они держались как старые товарищи – ближе, чем можно стоять рядом с просто знакомым. У того мужчины, что повыше, было обветренное, морщинистое лицо. Женщина рядом повернулась к нему, глядя в глаза; у нее были широкие скулы и высокий лоб, прорезанный морщинами.

– Блондинов? – спросил меня Уэб, озираясь.

Я улыбнулся:

– Странно одетая троица у двери. Видишь их? В желтых сапогах и куртках?

Он дважды скользнул по незнакомцам взглядом, а потом, вздрогнув, уставился на них в упор. Его глаза широко распахнулись.

– Ты их знаешь? – спросил я, увидев на его лице ужас.

– Они «перекованные»? – спросил он хриплым шепотом.

– «Перекованные»? Да разве такое возможно?

Я уставился на них, спрашивая себя, что могло испугать Уэба. «Перековка» лишала людей всего человеческого, отрывала от сети жизни и сопереживания, от того, что позволяет нам заботиться друг о друге и принимать чужую заботу. «Перекованные» любили только самих себя. Когда-то в Шести Герцогствах их было много – пираты красных кораблей превращали наших людей в наших врагов и возвращали их на родные земли, чтобы те грабили собственные семьи и раздирали королевство изнутри. «Перековка» была темной магией Бледной Госпожи и ее капитана, Кебала Робреда. Но мы одержали победу и отогнали пиратов от наших берегов. Спустя годы после окончания войны красных кораблей мы отправились к последнему оплоту Бледной Госпожи, острову Аслевджал, и покончили с ней навсегда. Созданные ей и Робредом «перекованные» давно отправились в могилы. Эту злую магию никто не применял вот уже много лет.

– Они кажутся мне «перекованными». Мой Дар не может их отыскать. Я едва их чувствую, если не брать в расчет зрение. Откуда они явились?

Как мастер Дара, Уэб полагался на эту звериную магию куда сильнее, чем я. Возможно, она стала его преобладающим восприятием, ибо Дар наделяет способностью ощущать любое живое существо. Теперь, встревоженный Уэбом, я потянулся своим Даром к вновь прибывшим. Я не обладал его способностью сознательно управлять этой магией, и заполненная людьми комната еще сильнее притупила мои чувства. Новые гости показались мне почти что неощутимыми. Я пренебрег этим, пожав плечами.

– Не «перекованные», – решил я. – Они слишком по-приятельски сгрудились там. Будь они «перекованными», каждый бы немедленно пустился на поиски того, чего ему больше всего хочется, – еды, питья, тепла. Они колеблются, не желая, чтобы их посчитали незваными гостями, и испытывают неудобство оттого, что не знают наших обычаев. Так что они не «перекованные». «Перекованных» не волнуют подобные тонкости.

Я вдруг понял, что говорю совсем как ученик убийцы, воспитанный Чейдом, разбирая по косточкам поведение новоприбывших. Они были гостями, передо мной не стояло задачи их убивать. Я прочистил горло.

– Не знаю, откуда они. Ревел сказал – они объявились у дверей и назвались музыкантами для празднества. Или, возможно, акробатами.

Уэб продолжал на них пялиться.

– Они не то и не другое, – решительно проговорил он. Нотки любопытства послышались в его голосе, когда он объявил: – Давай поговорим с ними и все выясним.

Тем временем трое совещались между собой. Женщина и младший мужчина резко кивнули в ответ на то, что сказал высокий. Потом, словно пастушьи собаки, которым приказали собрать овец, они резко отделились от него и принялись целеустремленно пробираться сквозь толпу. Женщина держала руку у бедра, словно пытаясь нащупать отсутствующий меч. Они вертели головами и озирались по сторонам, пока шли. Искали что-то? Нет. Кого-то. Женщина привстала на цыпочки, пытаясь заглянуть поверх голов гостей, наблюдавших за сменой музыкантов. Их главный потихоньку отошел обратно к двери. Охранял на тот случай, если их добыча попытается сбежать? Или у меня воображение разыгралось?

– За кем они охотятся? – негромко спросил я, сам того не ожидая.

Уэб не ответил. Он уже начал двигаться в сторону странных чужаков. Но когда он отвернулся от меня, к радостной барабанной дробі внезапно присоединились веселые голоса и трель дудочки и гости снова хлынули на площадку для танцев. Пары кружились и прыгали, точно волчки, в такт бодрой мелодии, преграждая наш путь и заслоняя мне обзор. Я положил руку на широкое плечо Уэба и увлек его прочь от опасностей танцевальной площадки.

– Пойдем вокруг, – сказал я ему и повел за собой.

Но даже этот путь оказался преисполнен задержек, ибо многие гости желали поздороваться, а такие беседы нельзя завершить поспешно без риска показаться грубым. Уэб, как всегда обаятельный и словоохотливый, как будто утратил интерес к чужакам. Он полностью сосредотачивался на новых знакомых и демонстрировал свое обаяние, просто проявляя живой интерес к тому, кто они такие, чем зарабатывают на жизнь и веселятся ли этим вечером. Я наблюдал за происходящим в зале, но не смог отыскать чужаков взглядом.

Они не грелись у большого очага, мимо которого мы прошли. Я не увидел, чтобы они наслаждались едой или напитками, танцевали или следили за праздником, сидя на скамьях. Когда музыка стихла и волна танцоров схлынула, я решительно извинился перед беседовавшими Уэбом и леди Эссенс и быстрым шагом направился через зал туда, где видел чужаков в последний раз. Теперь я был убежден, что они не музыканты и Ивовый Лес для них не случайное место ночлега. Я пытался не давать воли своим подозрениям: полученное в детстве обучение не всегда служило добрую службу в мирной жизни.

Я ни одного из них не нашел. Тогда я выскользнул из Большого зала в относительную тишину наружного коридора и напрасно поискал их там. Ушли. Я перевел дух и решил умерить свое любопытство. Несомненно, они где-то в Ивовом Лесу – переодеваются в сухую одежду, пьют вино или, возможно, затерялись в толпе танцоров. Я снова их увижу. Пока что я был хозяином этого пира, и моя Молли слишком надолго осталась в одиночестве. Мне следовало заниматься гостями, танцевать с милой женой и наслаждаться красивым праздником. Если они музыканты или акробаты, то скоро дадут о себе знать, ибо нет сомнений в том, что они вознамерятся выиграть благосклонность и щедрые дары собравшихся гостей. Возможно, они искали меня, потому что я распоряжался кошельком, из которого платили артистам. Если я наберусь терпения, они сами появятся. А если они попрошайки или странники, то все равно им здесь рады. Отчего я вечно воображаю, будто моим любимым угрожает опасность?

Я снова погрузился в водоворот веселья, опять танцевал с Молли, пригласил Неттл присоединиться ко мне во время джиги, пока Риддл ее у меня не украл; помешал Хирсу проверить, сколько медовых пряников он сможет сложить башней на одной тарелке, чтобы повеселить миленькую девушку из Ивняков; от души наелся имбирного печенья, и в конце концов Уэб настиг меня возле бочонка с элем. Он наполнил свою кружку после меня и потом устроил так, что мы оба оказались на скамье недалеко от очага. Я поискал взглядом Молли, но они с Неттл о чем-то переговаривались, сблизив головы, и пока я смотрел, они дружно двинулись к Пейшенс, задремавшей в кресле, чтобы ее разбудить. Она вяло запротестовала, когда мои жена и дочь подняли ее и повели отдыхать.

Уэб заговорил без обиняков.

– Ты идешь против своей природы, Том, – упрекнул он меня, не заботясь насчет того, что кто-то может нас подслушать. – Ты так одинок, что мой Дар ощущает внутри тебя гулкую пустоту. Ты должен открыться для новой связи. Человеку Древней Крови опасно оставаться так долго без партнера.

– Не вижу необходимости, – откровенно сказал я ему. – У меня здесь хорошая жизнь – с Молли, Пейшенс и мальчиками. Я честно тружусь и с удовольствием отдыхаю вместе с теми, кого люблю. Уэб, я не сомневаюсь в твоей мудрости и опыте, но еще я не сомневаюсь в собственном сердце. Мне не нужно ничего сверх того, что у меня есть.

Он посмотрел мне в глаза, и я не отвернулся. Мои последние слова были почти правдивы. Если бы я мог вернуть своего волка, то да, жизнь стала бы куда милей. Если бы я мог открыть дверь и обнаружить на пороге ухмыляющегося Шута, то она бы, несомненно, сделалась полна. Но нет смысла вздыхать по тому, чего не вернешь. Это лишь отвлекает от того, что есть, а в эти дни у меня было много больше, чем за всю прошлую жизнь. Дом, моя супруга, мальчишки, превращающиеся в мужчин под моей крышей, и уютная собственная постель по ночам. Достаточно много запросов из Оленьего замка, чтобы я чувствовал, что в большом мире во мне все еще нуждаются, и достаточно мало, чтобы я понимал – на самом деле они могли бы справиться и сами, позволив мне жить в спокойствии. У меня были годовщины, достойные служить поводом для гордости. Прошло почти восемь лет с тех пор, как Молли стала моей женой. Прошло почти десять лет с тех пор, как я в последний раз кого-то убил.

Почти десять лет с тех пор, как я видел Шута.

И тут сердце мое упало, и внутри меня как будто разверзся бездонный колодец. Я не выдал этого чувства лицом или взглядом. В конце концов, эта бездна не имела ничего общего с тем, как долго я прожил без животного-компаньона. Это была совсем другая разновидность одиночества. Ведь правда?

Может, и нет. Одиночество, которое не сумеет возместить никто, кроме того, чья утрата создала пустоту, – что ж, возможно, это то же самое.

Уэб все еще наблюдал за мной. Я вдруг понял, что гляжу мимо его плеча на танцоров, но танцевальная площадка теперь была пуста. Я снова встретился с ним взглядом:

– Мне и так хорошо, дружище. Мне спокойно. Зачем нарушать это спокойствие? Неужели ты бы предпочел, чтоб я тосковал о большем, когда мне и так дано многое?

Я не смог бы придумать лучшего вопроса, чтобы заставить Уэба перестать из благих побуждений докучать мне. Я видел, как он обдумывает мои слова, а потом на его лице расцвела широкая улыбка, идущая от самого сердца.

– Нет, Том, я бы такого для тебя не хотел, честно. Я умею признавать свои ошибки, и, возможно, мне не стоило все мерить по себе.

Беседа внезапно обрела совершенно иной смысл. У меня вырвалось:

– Твоя чайка, Рииск, с ней по-прежнему все в порядке?

Он криво улыбнулся:

– Насколько это возможно. Она старая, Фитц. Двадцать три года со мной, а ей, наверное, было два или три, когда мы встретились.

Я притих; я раньше и не задумывался о том, как долго живут чайки, и теперь не стал его об этом спрашивать. Как ни спроси, казалось мне, получится слишком жестоко.

Уэб покачал головой и посмотрел куда-то в сторону от меня:

– Однажды я ее потеряю, если несчастный случай или болезнь не прикончат меня раньше. И я буду ее оплакивать. Или она будет оплакивать меня. Но еще я знаю, что если останусь в одиночестве, то рано или поздно начну искать нового спутника. Не потому что нам с Рииск плохо вместе, но потому что я человек Древней Крови. А мы не созданы для того, чтобы быть одинокими душами.

– Я хорошенько поразмыслю над тем, что ты сказал, – пообещал я из вежливости. Время сменить тему. – Так ты сумел поговорить с нашими странными гостями?

Он медленно кивнул:

– Сумел. Но недолго, и только с женщиной. Том, мне от нее сделалось тревожно. Мои чувства воспринимают ее странно, как приглушенный звон колокольчика, обернутого тканью. Она заявила, что они странствующие жонглеры и надеются развлечь нас позже. О себе она рассказывала скупно, но задавала мне множество вопросов. Она искала своих друзей, которые могли появляться здесь недавно. Она спрашивала, не слышал ли я о других чужестранцах или гостях в этом краю. А когда я сказал, что, хоть и являюсь другом хозяина дома, сам прибыл сегодня вечером, то спросила, не встречал ли я других чужестранцев по пути.

– Может, они разделились с кем-то из своих товарищей.

Уэб покачал головой.

– Не думаю. – Он слегка нахмурился. – Это было крайне странно, Том. Когда я спросил, кто...

Но тут моего локтя коснулся Джаст.

– Маме нужна твоя помощь, – негромко сказал он. Простая просьба, но что-то в том, как он ее произнес, меня встревожило.

– Где она?

– Они с Неттл в покоях леди Пейшенс.

– Уже иду, – сказал я, и Уэб кивком меня отпустил.

2. Пролитая кровь

Из всех известных разновидностей магии, доступных людям, величайшей и благороднейшей представляется та, которую именуют Силой. Безусловно, нет никакой случайности в том, что на протяжении поколений династии Видящих она часто проявляется в тех, кому предначертано стать нашими королями и королевами. Сила характера и щедрость духа, благословения и Эля, и Эды, часто сопровождают эту наследственную магию в роду Видящих. Она наделяет того, кто ей пользуется, способностью далеко посылать свои мысли, мягко влиять на суждения своих герцогов и герцогинь или вселять ужас в сердца врагов. Предания твердят, что иным Видящим правителям, чью мощь подкрепляли отвага и талант магов королевского круга Силы, удавалось чудесным образом исцелять тела и души, а еще командовать кораблями в море и нашими защитниками на суше. Королева Эффикейшес Решительная организовала для себя шесть кругов Силы, поместив по одному в каждом герцогстве, и тем самым сделала магию Силы доступной всем верным герцогам и герцогиням на протяжении своего просветленного правления, к вящей пользе всего народа.

На другом конце магического спектра располагается Дар – примитивная и порочная магия, чаще всего выпадающая низкорожденным, что живут и размножаются подле животных, коих холят и лелеют. Эта магия, ранее считавшаяся полезной для гусятниц, пастухов и подручных конюха, теперь доказала свою опасность не только для тех, кто подвергся ее влиянию, но и для всех остальных. Общение с тварями посредством соприкосновения разумов заразно и ведет к животному поведению и влечениям. И хотя автор этих строк сокрушается из-за того, что даже дети из благородных родов время от времени становятся жертвами притягательной звериной магии, мое сочувствие означает лишь то, что их следует быстро выявлять и устранять прежде, чем они смогут заразить невинных своими тошнотворными склонностями.

«О природных разновидностях магии в Шести Герцогствах», трактат писаря Красноречивого

Я почти забыл о наших странных гостях, пока спешил через залы Ивового Леса. Во мне немедленно проснулся страх за Пейшенс. За последний месяц она дважды падала, но твердила, что это «комната внезапно закружилась вокруг». Я не бежал, но шагал широко и торопливо и не постучал, а ворвался напрямиком в ее покои.

Молли сидела на полу. Неттл присела рядом, а Пейшенс стояла над ней и обмахивала какой-то тряпицей. В комнате остро пахло пряными травами, и на полу лежал на боку маленький стеклянный сосуд. Две служанки стояли в углу, явно изгнанные острым языком Пейшенс.

– Что случилось? – резко спросил я.

– Я потеряла сознание. – Голос Молли звучал одновременно раздраженно и пристыженно. – До чего глупо с моей стороны. Помогите мне подняться, Том.

– Конечно, – сказал я, пытаясь спрятать смущение.

Я нагнулся к ней, и Молли, тяжело опершись на меня, встала с моей помощью на ноги. Она чуть покачнулась, но скрыла это, вцепившись в мою руку.

– Я уже в порядке. Слишком много кружилась в танцах и, наверное, слишком много выпила.

Пейшенс и Неттл переглянулись. Слова Молли их не обманули.

– Возможно, нам с тобой стоит завершить этот вечер. Неттл и парни могут взять на себя обязанности хозяев дома.

– Чушь! – воскликнула Молли. Потом посмотрела на меня все еще слегка рассеянным взглядом и прибавила: – Разве что ты утомился?

– Так и есть, – умело соврал я, пряча растущее беспокойство. – Так много людей в одном и том же месте! И это продлится еще по меньшей мере три дня. У нас впереди предостаточно времени для разговоров, еды и музыки.

– Что ж. Если ты устал, то, любовь моя, я тебе уступаю.

Пейшенс чуть заметно кивнула мне и проговорила:

– Я собираюсь сделать то же самое, дорогие мои. Старые кости отправляются в кровать, но завтра я надену свои танцевальные туфельки!

– Спасибо, что предупредили! – сказал я и покорно принял ее шлепок веером.

Когда я повел Молли к двери, Неттл бросила на меня благодарный взгляд. Я знал, что завтра она постарается перемолвиться со мной словом наедине, и еще знал, что ничего не смогу ответить ей, кроме того, что мы с ее матерью оба стареем.

Молли опиралась на мою руку, пока мы неторопливо шли через залы. Наш путь лежал мимо празднества, где гости задержали нас короткими разговорами, комплиментами по поводу еды и музыки и пожеланиями доброй ночи. Я чувствовал изнеможение Молли по тому, как она волочила ноги и медленно отвечала, но для наших гостей она была, как обычно, леди Молли. Наконец я сумел вырвать ее из их плена. Мы медленно ковыляли вверх по лестнице, и Молли опиралась на меня, а когда мы достигли двери нашей спальни, вздохнула с явным облегчением.

– Не понимаю, почему я так устала, – пожаловалась она. – Не надо было столько пить. Теперь я все испортила.

– Ничего ты не испортила, – возразил я и, открыв дверь, обнаружил нашу спальню преобразенной.

Занавески из плюща укрывали кровать, вечнозеленые ветки украшали каминную доску и насыщали воздух ароматом. По всей комнате были расставлены толстые желтые свечи, источавшие запахи грушанки и восковницы. Новое одеяло, новый полог над кроватью – все было выполнено в зеленом и золотистом цветах Ивового Леса, с мотивом из вьющихся ивовых листьев. Я был потрясен.

– Как ты успела все это устроить?

– Наш новый управляющий – человек многих талантов, – ответила она с улыбкой, но потом вздохнула и продолжила: – Я думала, мы придем сюда после полуночи, хмельные от танцев, музыки и вина. Я планировала тебя соблазнить.

Не успел я ответить, как Молли прибавила:

– Знаю, что в последнее время я уже не такая пылкая, как когда-то. Иногда я чувствую себя пустой скорлупкой, а не женщиной, раз уж теперь у меня нет шанса подарить тебе еще одного ребенка. Я думала, сегодня ночью мы могли бы ненадолго вернуть утраченное... Но теперь у меня кружится голова, и это неприятно. Фитц, кажется, в этой постели я сумею всего лишь проспать рядом с тобой всю ночь. – Она отпустила меня, шатаясь, прошла несколько шагов и упала на край кровати. Ее пальцы принялись тереть шнурки на верхней юбке.

– Давай помогу, – предложил я. Она вопросительно приподняла бровь. – Даже мысли нет о чем-то еще! – заверил я. – Молли, того, что ты спишь рядом со мной каждую ночь, уже достаточно для исполнения моей многолетней мечты. Для большего хватит времени, когда ты не будешь так измотана.

Я ослабил тугие узлы, и она вздохнула, когда я помог ей освободиться от одежды. Пуговицы на ее блузе были миниатюрные, перламутровые. Она отвела мои грубые пальцы, чтобы растегнуть их, потом встала. Позволила юбкам упасть на пол, поверх другой сброшенной

одежды, и это было совсем не похоже на ее обычную аккуратность. Я отыскал мягкую ночную рубашку и принес ей. Молли натянула ее через голову, и рубашка зацепилась за корону из остролиста у нее в волосах. Я осторожно освободил корону и улыбнулся, рассматривая женщину, в которую превратилась моя милая Молли Красные Юбки. Мне на ум пришел давний Зимний праздник, и уверен, она тоже о нем вспомнила. Но, тяжело опустившись на край кровати, моя супруга поморщилась. Подняла руку, потерла лоб.

– Фитц, мне так жаль. Я испортила все, что задумала.

– Чепуха. Ну-ка... Позволь я тебя уложу.

Она схватилась за мое плечо, чтобы встать, и качнулась, пока я готовил для нее постель.

– Забирайся под одеяло, – велел я, и Молли не выдала в ответ чего-нибудь дерзкого, но тяжело вздохнула, садясь на кровать, потом осторожно опустилась на подушки и переместила ноги на ложе. Закрыла глаза.

– Комната кружится. И дело не в вине.

Я сел на край кровати и взял ее за руку. Она нахмурилась:

– Не шевелись. Любое движение заставляет комнату вращаться еще быстрее.

– Это пройдет, – сказал я ей, надеясь, что так и случится.

Я сидел очень неподвижно и наблюдал за ней. Свечи горели ровно, источая ароматы, которыми Молли их пропитала минувшим летом. В очаге потрескивало пламя, огонь поглощал аккуратно сложенные поленья. Ее морщины, свидетельствовавшие о недомогании, медленно разгладились. Дыхание выровнялось. Уловки и терпение, усвоенные с юности, помогли мне. Я потихоньку высвободился и когда наконец-то встал рядом с кроватью, то сомневался, что Молли почувствовала хоть какое-то движение, ибо она уже спала.

Я прошелся по комнате как призрак, погасив все ее свечи, кроме двух. Поворошил кочергой в пламени, добавил еще одно полено и установил каминный экран. Я не хотел спать, даже не устал. У меня не было ни малейшего желания возвращаться на празднество и объяснять, почему я там, а Молли – нет. Какое-то время я просто стоял, и пламя согревало мне спину. Молли была силуэтом за почти задернутым пологом кровати. Пламя потрескивало, и мои уши с трудом отличали шорох летящего снега об оконные стекла от звуков веселья внизу. Я медленно снял парадный наряд и вернулся к удобным и знакомым штанам и тунике. Потом тихонько вышел из комнаты, медленно закрыв за собой дверь.

Я не спустился по главной лестнице. Вместо этого я пошел кружным путем, по задней лестнице для слуг и через опустевший коридор, пока наконец не добрался до своего личного логова. Отпер высокие двери и проскользнул внутрь. От пламени в очаге осталась лишь горстка мерцающих углей. Я пробудил их с помощью нескольких скрученных листов бумаги со своего стола, сжег бесполезные утренние размышления, а потом добавил больше топлива. Подошел к столу, сел и положил перед собой чистый лист бумаги. Я глядел на него и спрашивал себя: почему бы просто не спать это сейчас? Зачем на нем писать, пялиться на слова, а потом все сжигать? Неужели во мне и впрямь осталось нечто такое, что я мог доверить только бумаге? У меня была жизнь, о которой я мечтал: дом, любящая жена, взрослые дети. Олений замок относился ко мне с уважением. Это была та тихая заводь, какой мне всегда не хватало. Прошло больше десяти лет с той поры, когда я хотя бы задумывался о том, чтобы кого-то убить. Я отложил перо и откинулся на спинку кресла.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я выпрямился и инстинктивно окинул комнату взглядом, спрашивая себя, не стоит ли побыстрее спрятать что-нибудь. Как глупо.

– Кто там? – Кто, кроме Молли, Неттл или Риддла, мог знать, что я здесь? Но никто из них не стал бы сперва стучать.

– Это Ревел, сэр! – Его голос как будто дрожал.

Я встал:

– Входи! В чем дело?

Запахавшийся и бледный, он распахнул дверь и замер на пороге:

– Я не знаю. Риддл велел мне бежать. Он велел передать: «Приходи, приходи быстрее в главный кабинет». Где я оставил посланницу. Ох, сэр! Там на полу кровь, и ее нигде нету. – Он судорожно втянул воздух. – Ох, сэр, мне так жаль! Я предложил комнату, но она отказалась, и...

– За мной, Ревел! – сказал я, как будто он был стражником, обязанным подчиняться.

От моей резкой команды управляющий побледнел еще сильнее, но потом немного выпрямился, с радостью уступая мне право все решать. Я, сам того не сознавая, быстро проверил, на месте ли несколько маленьких тайных видов оружия, которые всегда носил с собой. Потом мы бросились бежать по коридорам Ивового Леса. Кровь пролилась в моем доме. Кровь пролил кто-то другой, не я и не Риддл, потому что он бы тихонько прибрался, не вызывая меня. Насилие в моем доме, против гостя. Я справился со слепой яростью, что пробудилась во мне, погасил ее ледяным гневом. Он умрет. Кто бы это ни сделал, он умрет.

Я повел Ревела кружным путем, избегая коридоров, где можно было повстречаться с гостями, и мы достигли главного кабинета, помешав лишь одной молодой и нескромной парочке и испугав пьяного юнца, подыскивавшего местечко, чтобы вздремнуть. Я выругал себя за то, что впустил в свой дом скольких людей, которых толком и не знал.

И Молли спала одна, без защиты.

Я резко остановился у двери кабинета. Мой голос был хриплым от гнева, когда я вынул злодейский нож из потайных ножен в рукаве и сунул его Ревелу. Тот отпрянул в страхе.

– Возьми это! – рявкнул я. – Иди к моей спальне. Проверь, как там моя леди, убедись, что она спокойно спит. Потом встань у двери и убей любого, кто попытается войти. Ты меня понял?

– Сэр. – Он кашлянул и сглотнул. – У меня уже есть нож, сэр. Риддл заставил его взять. – Он неуклюже вытащил оружие из-под своего безупречного жакета. Нож был в два раза длиннее того, который предлагал я, – скорее честное оружие, чем маленький друг убийцы.

– Тогда ступай, – сказал я, и он ушел.

Я постучал в дверь кончиками пальцев, зная, что так Риддл меня узнает, и скользнул внутрь. Риддл, сидевший на корточках, медленно выпрямился.

– Неттл знала, что ты прячешь здесь бутылку хорошего бренди, и послала меня отыскать ее – хотела угостить лорда Кантерби. Когда я увидел бумаги на полу, а потом и кровь, то послал Ревела за тобой. Погляди-ка.

Ревел принес посланнице еду и вино и расставил все на моем столе. Почему она отказалась отправиться в гостевую комнату или присоединиться к нам в Большом зале? Знала ли, что ей угрожает опасность? Похоже, она немного поела, прежде чем поднос полетел на пол вместе с кое-какими бумагами с моего стола. Упавший бокал не разбился, но оставил полумесяц пролитого вина на полированном темном камне пола. А вокруг того полумесяца было созвездие кровавых брызг. Эти красные капли разлетелись от удара каким-то лезвием.

Я встал и внимательно оглядел кабинет. Это было все. Никто не рылся в выдвижных ящиках, ничего не передвинули и не забрали. Все до единой вещи были на своих местах. Слишком мало крови для того, чтобы она здесь умерла, но никаких признаков дальнейшей борьбы. Мы обменялись молчаливыми взглядами и двинулись к дверям за тяжелыми занавесками. Летом я иногда их распахивал настежь, чтобы взглянуть на сад, где рос вереск для пчел Молли. Риддл потянул занавеску в сторону, но она застряла.

– Складка попала между дверными створками. Они прошли этим путем.

Вытащив ножи, мы открыли двери и выглянули наружу, в снег и тьму. Половина отпечатка ступни осталась там, под нависающим карнизом. Прочие следы были едва заметными ямками на снегу, обдуваемом ветром. Пока мы стояли, пронесся новый порыв, словно сам ветер вознамерился помочь незнакомцам скрыться от нас. Риддл и я напрасно вглядывались в снежную круговерть.

– Двое или больше, – сказал он, изучая то, что осталось от следов.

– Идем, пока они не исчезли совсем, – предложил я.

Он с сожалением взглянул на свои тонкие и широкие юбка-брюки.

– Ладно...

– Нет. Погоди. Прогуляйся среди пирующих. Смотри в оба и попроси Неттл и мальчиков быть настороже. – Я помедлил. – Сегодня вечером у наших дверей появились какие-то странные люди и представились менестрелями. Но Пейшенс сказала, что не нанимала их. Уэб недолго поговорил с женщиной из этих чужаков. Он начал пересказывать мне ее слова, но меня позвали, и пришлось уйти. Они явно кого-то искали.

Лицо Риддла помрачнело. Он собрался уйти, но потом снова повернулся ко мне:

– А Молли?

– Я отправил Ревела сторожить ее дверь.

Он скривился:

– Сначала загляну к ним. У Ревела есть способности, но их еще надо развить. – Он шагнул к двери.

– Риддл. – Мой голос вынудил его остановиться. Я взял бутылку бренди с полки и вручил ему. – Никто не должен заметить неладное. Можешь рассказать Неттл, если считаешь это мудрым.

Он кивнул. Я кивнул в ответ и, когда он ушел, снял меч, висевший на каминной доске. В последние годы он служил украшением, но когда-то был оружием и делается им опять. Его тяжесть была приятна. Нет времени на плащ или ботинки. Нет времени отправляться за фонарем или факелом. Я с трудом брел сквозь снег с мечом в руке, позади меня лился свет из открытых дверей. Через двадцать шагов я узнал все, что хотел. Ветер полностью стер их следы. Я стоял, устремив взгляд во тьму, широко раскинув сети своего Дара в ночи. Никаких людей. Два маленьких существа – возможно, кролики – затаились под сенью покрытых снегом кустов. Но это было все. Никаких следов, и кто бы это ни учинил, он уже находился вне поля моего зрения и вне досягаемости моего Дара. А если это были не странные чужаки, Дар не смог бы их отыскать, даже окажись они близко.

Я вернулся в свое логово, отряхнув снег с мокрой обуви, перед тем как войти. Запер за собой дверь и позволил занавеске опуститься. Моя посланница и ее послание пропали. Она мертва? Или сбежала? Вышел кто-то из этой двери или она кого-то впустила? Ее ли это кровь на полу или чья-то еще? Ярость, которую я ощутил при мысли о том, что кто-то мог учинить насилие над гостем в моем доме, вспыхнула во мне опять. Я подавил ее. Позже, быть может, дам себе волю. Когда разыщу цель.

Разыскать цель.

Я покинул кабинет, закрыв за собой дверь. Я двигался проворно и тихо, отбросив и забыв годы, достоинство и нынешнее общественное положение. Я не издавал ни звука, и со мной не было источников света. Я держал меч при себе. Сперва в мою собственную спальню. На бегу я строил догадки. Посланница искала меня. Независимо от того, напали на нее или она напала на кого-то, это могло свидетельствовать о том, что предполагаемой целью насилия был я сам. Я взмыл по ступенькам, точно охотящийся кот, все мои чувства были начеку. Я ощутил Ревела на его посту у двери задолго до того, как он увидел, что я иду. Я приложил палец к губам, приближаясь. Он вздрогнул, увидев меня, но не издал ни звука. Я подошел к нему и спросил почти беззвучно:

– Здесь все в порядке?

Он кивнул и так же тихо ответил:

– Недавно приходил Риддл, сэр, и настоял, чтобы я его впустил. Он хотел убедиться, что с леди все хорошо. – Он уставился на меч.

– И все хорошо?

Управляющий резко перевел взгляд на меня:

– Разумеется, сэр! Разве я стоял бы здесь так спокойно, будь оно не так?

– Конечно нет. Извини за вопрос. Ревел, пожалуйста, оставайся здесь, пока я не приду, чтобы отпустить тебя, или не пришлю Риддла или одного из сыновей Молли. – Я вручил ему меч.

Он взял его, словно кочергу. Перевел взгляд с оружия на меня.

– Но наши гости... – слабым голосом начал он.

– Куда менее важны, чем наша леди. Охраняй эту дверь, Ревел.

– Будет сделано, сэр.

Я подумал, что он заслуживает большего, нежели сухое приказание.

– Мы по-прежнему не знаем, чья кровь там пролилась. Кто-то воспользовался дверьми из кабинета наружу, в сад. Не знаю, вошел он через них или вышел. Расскажи мне побольше о том, как выглядела посланница.

Он прикусил нижнюю губу, выцарапывая воспоминания из памяти:

– Девчонка, сэр. Да, точно – скорее девчонка, чем женщина. Худенькая, стройная. Волосы белокурые, распущенные. Одежда такая, словно была добротная, но здорово потрепалась. Стиль чужеземный, накидка в талии сужается, а потом расширяется, и рукава тоже расширенные книзу. Ткань зеленая и вроде как тяжелая, но не похожа на шерсть. По краю капюшона оторочка из меха неизвестной мне разновидности. Я предложил забрать у нее накидку и капюшон, но она не пожелала мне их отдать. На ней были широкие брюки, возможно, из той же ткани, но черной с белыми цветами. Ботинки не доходили до колена и казались тонкими, на них была тугая шнуровка до икры.

Столько деталей о ее наряде!

– Но как выглядела она сама?

– Она была молоденькая. Побелела от мороза и как будто обрадовалась, когда я развел для нее огонь и предложил чаю. Ее пальцы казались ледышками, когда она взяла у меня кружку... – Он умолк. Потом вдруг вскинул на меня глаза. – Она не хотела покидать кабинет, сэр. Или отдавать свой плащ. Мне следовало понять, что она испугана?

Неужели Риддл и в самом деле верит, будто сумеет сделать из этого человека нечто большее, чем простой управляющий? В его карих глазах стояли слезы.

– Ревел, ты сделал все, что следовало. Если кто и виноват, так это я. Мне надо было отправиться в кабинет, как только я узнал о посланнице. Прошу тебя, просто покарауль здесь еще недолго, пока я не пришлю кого-нибудь тебе на смену. Тогда ты займешься тем, что у тебя получается лучше всего: будешь заботиться о наших гостях. Никто не должен заподозрить неладное.

– Это я могу сделать, сэр. – Ревел говорил тихо. Был ли упрек в его собачьих глазах адресован мне или самому себе? Гадать не было времени.

– Спасибо, Ревел, – сказал я и оставил его, похлопав по плечу.

Я проворно двинулся по коридору, уже разыскивая Неттл с помощью моей магии Силы. В момент соприкосновения наших мыслей негодование дочери взорвалось в моем разуме:

Риддл мне рассказал. Да как они посмели устроить такое в нашем доме! Матушка в порядке?

Да. Я спускаюсь. Ревел караулит возле ее двери, но я бы хотел, чтоб ты или кто-то из мальчиков заняли его место.

Я иду. Извинюсь и отправлюсь наверх. – Пауза длиной с удар сердца, а потом яростное: – *Разыщи того, кто это сделал!*

Этим я и занят.

Кажется, моя хладнокровная уверенность успокоила Неттл.

Я быстро шел по коридорам Ивового Леса, и все мои чувства были настороже. Я не удивился, когда, завернув за угол, увидел поджидающего Риддла.

– Нашел что-нибудь? – спросил я его.

– Неттл отправилась наверх, в комнату матери. – Он смотрел куда-то мимо меня. – Ты ведь понимаешь, что был, скорее всего, в каком-то смысле мишенью.

– Возможно. Дело в посланнице или ее послании, или же враг отправителя решил задержать или уничтожить послание.

Мы быстро шли рядом, шагали в ногу, точно бегущие по следу волки.

Мне это нравилось.

Мысль застигла меня врасплах, и я чуть не споткнулся. Мне это нравилось? Выслеживать того, кто напал на кого-то другого, нарушив неприкосновенность моего дома? С чего вдруг мне это понравилось?

Нам всегда нравилась охота. Древнее эхо волка, которым я был и который все еще пре- бывал со мной. Охота ради мяса лучшая, но любая охота всегда остается охотой, и никогда не чувствуешь себя более живым, чем во время охоты.

– А я живой.

Риддл бросил на меня вопросительный взгляд, но, вместо того чтобы задать вопрос, сообщил:

– Ревел сам отнес еду и чай посланнице. Два пажа, встречавшие гостей у входной двери, помнят, как впустили ее. Она пришла пешком, и один говорит, что она вроде бы появилась из-за конюшни, а не со стороны подъездной дороги. Больше никто ее не видел, хотя, разумеется, поварахи помнят, как собирали для нее поднос с едой. У меня не было возможности прогуляться до конюшен и узнать, что известно конюхам.

Я окинул себя взглядом. Мой наряд едва ли подходил, чтобы появляться перед гостями.

– Я этим займусь сейчас. Предупреди мальчиков.

– Ты уверен?

– Это их дом, Риддл. И они на самом деле уже больше не мальчики. Последние три месяца они говорили об уходе. Думаю, весной выпорхнут из гнезда.

– И тебе больше некому доверять. Том, когда все закончится, мы снова поговорим. Тебе нужны несколько домашних солдат, несколько мужчин, способных применять грубую силу, когда понадобится, а в остальное время открывать двери и подавать гостям вино.

– Поговорим потом, – согласился я, но с неохотой.

Риддл не первый раз указывал мне, что Ивовому Лесу требуется что-то вроде домашней стражи. Мне идея не нравилась. Я больше не был убийцей, живущим ради того, чтобы охранять короля и выполнять за него тайную работу. Я был теперь уважаемым землевладельцем, обладателем виноградников и овец, и пользовался плугами и ножницами, а не ножами и мечами. И еще, следовало признать, я тщеславно рассчитывал, будто сумею защитить своих домашних от тех немногочисленных угроз, что могут достичь моих дверей.

Но сегодня мне это не удалось.

Я оставил Риддла и поспешил по коридорам особняка в сторону конюшни. Ничто не указывало на то, что кровопролитие завершилось чьей-то смертью. И вообще, оно могло быть не связано со мной или моими близкими. Возможно, посланницу преследовали ее собственные враги. Я достиг входа для слуг, отворил тяжелую дверь и метнулся через заснеженный внутренний двор к дверям конюшни. Бежать было недалеко, но снег успел набиться мне за шиворот и в рот. Я отодвинул засов на дверях конюшни и приоткрыл одну створку ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь.

Внутри было тепло от животных в стойлах, приятно пахло лошадьми, а притененный фонарь на крючке излучал мягкий свет. Увидев меня, Толлмен Дылда заковылял в мою сторону. Работой в конюшне теперь по большей части руководил его сын, Толлермен Орясина, но

Толлмен все еще считал себя главным. В такие дни, как сегодня, при большом наплыве гостей, он строго следил, каких животных в какие стойла определяли. Старый конюх очень переживал из-за упряжных лошадей, которые весь вечер стояли в сбруе. Он уставился на меня через царивший в конюшне полумрак и вздрогнул, узнавая.

– Помещик Том! – вскричал он своим надтреснутым голосом. – Разве тебе не следует танцевать с нарядными людьми в Большом зале?

Как многие другие старики, с годами он постепенно перестал учитывать разницу в нашем положении. Или быть может, он видел, что я могу лопатой разгрести стойло вместе с добрыми работниками, и оттого уважал меня как равного.

– Очень скоро пойду туда, – ответил я. – Танцы продолжатся до зари, ты же знаешь. Но я подумал, стоит заглянуть сюда и убедиться, что с лошадьми все в порядке в такую метель.

– У нас все хорошо. Эту конюшню построили на совесть два десятилетия назад, и, сдастся мне, она простоит еще с дюжину.

Я кивнул:

– Управляющий Ревел сказал, что у тебя сегодня вечером были неприятные гости.

Его заинтригованное лицо сделалось сердитым.

– Да. Если кто ведет себя как конокрад, я говорить с ним буду как с конокрадом. Не надо шнырять и разнюхивать что-то в моих конюшнях, а потом заявлять мне, будто ты менестрель. Они такие же менестрели, как наш Коппер – пони. Чем-то от них пахло, вот я и потащил их прямо к дверям. – Он изучающе уставился на меня. – Этот малый, Ревел, должен был тебя предупредить. Только не говори, что ты впустил их в дом!

Я кивнул, хоть мне и тяжело было признавать свою ошибку.

– Это же Зимний праздник. Я всех впускаю. – Я кашлянул под его мрачным взглядом. – А до того, как они появились, в конюшне ничего странного не случилось?

– Ты говоришь о девочке-чужестранке?

Я кивнул.

– Ну да, было дело. Она сюда зашла, как в главный дом. «Мне надо поговорить с хозяином», – сказала одному из работников, ну он и привел ее ко мне, думая, что я ей нужен. Но она взглянула на меня и сказала: «Нет, с хозяином, у которого нос кривой и волосы как у барсука». Так что, прощенья просим, мы поняли, что она имеет в виду тебя, и послали ее к парадному входу.

Я уронил руку, коснувшись спинки носа в том месте, где был старый перелом. Происходящее делалось все более странным. Исчезнувшая посланница явилась сюда, зная лишь, как я выгляжу, но не зная имени...

– И все? – спросил я.

Толлмен задумчиво нахмурился:

– Да. Разве что ты хочешь послушать о том, как торговец Коттлби пытался принудить меня поставить его лошадей в стойла, в то время как у обеих признаки парши. Бедные создания. Я поставил их под навес в деревянном сарае, но к нашим они и на шаг не приблизятся. А если его возница начнет жаловаться, я расскажу ему все, что думаю о его способностях управляться с лошадьми. – Конюх свирепо посмотрел на меня, словно я мог подвергнуть сомнению его мудрость.

Я улыбнулся ему:

– Сделай доброе дело, Толлмен. Ради блага лошадей, отложи для них немного жидкой мази по твоему рецепту.

Он на миг задержал на мне взгляд, потом кивнул:

– Это я могу. Животные не виноваты, что за ними плохо смотрят.

Я собрался уходить, но повернулся:

– Толлмен... Сколько времени прошло между появлением девочки и тех, кого ты принял за конокрадов?

Он пожал костлявыми плечами:

– Она пришла перед тем, как прибыл Коул Тоэли. Потом явился тот малый, портной, и сестры Уиллоу на своих пони. Эти леди никогда не ездят в карете, верно? Затем мальчишки Купер и их мать, и...

Я посмел его перебить:

– Толлмен, как ты думаешь, они за ней следили?

Конюх замолчал. Я нетерпеливо дожидался, пока он все обдумает. Потом Толлмен кивнул, напряженно сжав губы:

– Мне стоило догадаться. Сапоги у них одинаковые, и они пришли напрямик к конюшне и пытались заглянуть внутрь. Они не лошадей украсть хотели, а следили за той девочкой. – Взгляд его сердитых глаз встретился с моим. – Они ее обидели?

– Не знаю, Толлмен. Она исчезла. Я хочу выяснить, ушли те трое или все еще здесь.

– Выясни. Если их тут нет, они не могли уйти далеко в такую погоду. Если хочешь, я пошлю парня во владение Стокера, пусть попросит в долг ищеек. – Он покачал головой и угрюмо прибавил: – Сколько раз я говорил, что нам не помешала бы собственная охотничья свора...

– Спасибо, Толлмен, но никаких собак. Снег так валит, что они бы все равно уже ничего не смогли почуять.

– Если передумашь, Том, дай знать. Я могу послать сына, и он приведет этих гончих в мгновение ока. И... – он уже кричал мне вслед, – если передумашь по поводу наших собственных собак, дай знать! Я знаю отличную суку, оценится к весне! Ты только дай мне знать!

– Позже, Толлмен! – прокричал я в ответ с улицы и тут же наглотался снега.

Снегопад все еще продолжался, и ветер усиливался. Я вдруг ощутил уверенность в том, что те, кого я ищу, все еще в пределах Ивового Леса. Никто бы не отчаялся до такой степени, чтобы попытаться сбежать, когда так метет.

Я потянулся к Неттл:

С твоей матерью по-прежнему все хорошо?

Я оставила ее спать, Хирс сидит в кресле у камина. Я велела ему запереть дверь на засов за мной и слышала, что он так и сделал. Я с Риддлом и Джастом и нашими гостями. Мы ничего необычного не обнаружили. Никаких следов посланницы.

Мертва? Сбежала? Прячется где-то в Ивовом Лесу? Одно из трех.

Припозднившихся менестрелей было трое. Двое мужчин и женщина. Уэба они, похоже, встревожили. Они по-прежнему среди наших гостей? Я передал ей их мысленные образы.

Я их видела раньше. Но они не показались мне музыкантами и вели себя не как музыканты. Неподобно было, будто они ждут своей очереди выступить на помосте.

Пришли ко мне Джаста, пожалуйста. Мы быстренько обыщем незанятые помещения. И сообщите, если вы или Риддл найдете троих чужаков.

Мы с Джастом разделили Ивовый Лес и стали проверять комнату за комнатой в поисках признаков вторжения в незанятых частях особняка. В хаотичном старом доме это было простым делом, и я полагался на свой Дар в той же степени, что и на глаза, определяя, на самом ли деле комната пуста. Неттл и Риддл не обнаружили чужаков, и, когда она спросила гостей, видел ли их кто-нибудь, ответы так противоречили друг другу, что оказались бесполезны. Даже наши слуги, которые иногда раздражали меня излишне пристальным вниманием к семейным делам, ничего не смогли сообщить. Эти трое и посланница исчезли, как будто никогда и не навещали нас.

Ближе к рассвету, когда наши гости, насытившись едой и музыкой, отправились по домам или в выделенные им для ночлега комнаты, я прекратил поиски. Риддл и мальчишки помогли

Ревелу проверить, что все наружные двери надежно заперты на ночь, а потом тихонько прошлись дозором по той части особняка, где разместили гостей. Пока они этим занимались, я решил ускользнуть в свое личное логово в западном крыле. Оттуда я мог попасть в сеть шпионских коридоров, о существовании которой знали только Пейшенс, Молли и я. В мои низменные намерения входило побродить там сегодня ночью, подглядывая за спящими гостями, чтобы понять, не дал ли кто приют чужакам в своих комнатах.

Так я собирался поступить. Но когда я приблизился к дверям в свой кабинет, шерсть у меня на загривке встала дыбом. Еще до того, как прикоснуться к дверной ручке, я знал, что дверь не до конца заперта. Между тем я точно помнил, что запер ее за собой, прежде чем вместе с Ревелом направиться к Риддлу. Кто-то побывал здесь после того, как я ушел.

Прежде чем приоткрыть дверь, я достал нож. В комнате было темно, свечи догорели и огонь погас. Я постоял, изучая помещение с помощью всех чувств. В комнате никого нет, твердил мне Дар, но я вспомнил, как чуть раньше чужаки показались Уэбу почти невидимыми, а ведь он обладал куда более тонким магическим чутьем, чем мое. И потому я стоял, наострив уши, и ждал. Запах – вот что пробудило во мне звериную злость. Кровь. В моем логове.

Я двинулся вперед, выставив перед собой нож. Свободной рукой зажег новую свечу, кочергой разбудил пламя в камине. Замер, оглядывая комнату. Они побывали тут. Они пришли сюда, в мое логово, покрытые все еще влажными пятнами чьей-то крови.

Если бы Чейд не приучил меня посредством тысячи упражнений в точности запоминать комнату такой, какой я ее оставил, их визит мог бы остаться незамеченным. Я учуял кровавый след на углу моего стола и заметил пятнышко побуревшей красноты там, где передвинули мои бумаги. Но даже если не учитывать запах крови и ее брызги – чужаки были здесь, трогали мои бумаги, двигали свиток, который я переводил. Они пытались открыть выдвижной ящик моего стола, но не нашли тайную задвижку. Кто-то взял с каминной полки статуэтку из камня памяти, сделанную для меня Шутом десятилетия назад, а потом поставил обратно так, что теперь к комнате была обращена грань, изображавшая мое лицо. Когда я взял ее, чтобы поправить, моя губа приподнялась от негодования. На изображении Шута неуклюжий палец оставил кровь, размазанную по его щеке. Меня захлестнула безрассудная ярость.

Подняв статуэтку, я ощутил прилив хранившихся в ней воспоминаний. Последние слова Шута, обращенные ко мне, запечатлелись в камне и тревожили мою память. «Мне никогда не хватало мудрости», – сказал он. Напоминание о безрассудствах нашей юности или обещание того, что однажды он забудет об осторожности и вернется? Я отгородил свой разум от этого послания. Не сейчас.

И совершил глупость, попытавшись стереть кровь с его лица большим пальцем.

Камень памяти – не простой камень. В старые времена круги Силы отправлялись в дальнюю каменоломню в Горном Королевстве, где высекали из этого камня драконов, наполняя его воспоминаниями, прежде чем слиться со своими творениями, наделив их подобием жизни. Я однажды видел, как это произошло. Верити, мой король, отдал себя каменному дракону, а потом в этом облике взлетел, чтобы нести ужас и войну врагам Шести Герцогств. На острове Аслевджал я обнаружил кубики из блестящего черного материала, которые Элдерлинги использовали для хранения песен и стихов.

Я сам пробудил дремлющих драконов предыдущих поколений, предложив им кровь и призвав к оружию, использовав одновременно Дар и Силу, слитые в единую магию.

Кровь на камне памяти, и мое прикосновение. Сила и Дар, кипящие во мне. Кровавое пятно впиталось в камень...

Шут разинул рот и закричал. Я увидел, как растянулись его губы, увидел его оскаленные зубы и напряженный язык. Это был вопль неослабевающей мучительной боли.

Ни один звук не достиг моих ушей. Это было нечто более глубинное. Меня охватила явившаяся из ниоткуда стойкая, бесконечная, безнадежная и беспощадная агония системати-

ческой пытки. Она залила все мое тело и обожгла кожу, как будто я превратился в сосуд, до краев полный черного отчаяния. Это было слишком знакомо, ибо это была не острая боль от физических истязаний, но обескураживающее, охватывающее разум и душу осознание того, что ничто не может предотвратить пытку. Мои собственные воспоминания пробудились вопящим хором. Я снова распростерся на холодном каменном полу темницы принца Регала, мое избитое тело подавляло измученный пыткой разум. Я отделил свое сознание от этого воспоминания, отказался от связи с ним. Резные глаза Шута слепо уставились на меня. На мгновение наши взгляды встретились, и тут все поглотила тьма, и мои глаза обожгло. Мои обессиленные руки вертели резную статуэтку, я чуть ее не уронил, но вместо этого прижал к себе, падая на колени. Я прижал ее к груди, чувствуя, как далекий-предалекий волк поднял морду и яростно зарычал.

– Прости, прости, прости! – слепо забормотал я, словно причинил боль самому Шуту.

Пот выступил из каждой поры на моем теле, я весь взмок. Все еще прижимая к себе резной камень, повалился на бок. Зрение медленно вернулось ко мне. Я уставился в умирающий огонь, окруженный пугающими образами тускло-красных пыточных приспособлений, накаляющихся в пламени, обоняя кровь, старую и новую, смешанную с едкой вонью ужаса. Я вспомнил, как надо закрывать глаза. Я почувствовал, что волк пришел и встал надо мной, угрожая разорвать на части любого, кто приблизится. Постепенно отголоски боли схлынули. Я судорожно вздохнул.

Кровь обладала силой пробуждать камень памяти, будь то высеченный Элдерлингами дракон или миниатюрное изваяние, вырезанное Шутом. И эта краткая связь позволила мне узнать, что девушка мертва. Я почувствовал ужас, вызванный тем, как ее выслеживали и загоняли в угол, ее воспоминания о прошлых пытках и агонию ее смерти. К тому моменту я узнал в ней молоденькую посланницу, описанную Ревелом, а не обученную солдатскому делу женщину, которую видел с двумя мужчинами. Они преследовали ее, охотились на нее в моем доме и убили. Я не знал, что за послание они уничтожили и почему, но я должен был их отыскать и все выяснить.

Я перекатился на живот, по-прежнему прижимая резную фигурку к груди. Перед глазами все плыло. Я подтянул колени к груди, приподнялся и сумел встать, держась за стол. Шатаясь, добрался до кресла и сел. Поставил резную фигурку перед собой и пригляделся. Она не изменилась. Неужели я вообразил себе то движение, беззвучный крик Шута и его взгляд? Разделил ли я какой-то давний опыт Шута, или фигурка выразила предсмертные ужас и боль посланницы?

Я поднял было фигурку, чтобы приложить ее ко лбу и снова увидеть простые воспоминания, которые он вложил в нее для меня. Но руки мои задрожали, и я поставил ее на стол. Не сейчас. Если я как-то вложил боль девушки в камень и сохранил там, я не хотел ни убеждаться в этом сейчас, ни снова разделять эту агонию. Меня ждала охота.

Я спрятал руки в рукава и вернул фигурку на ее место на каминной полке. Все еще слегка дрожа, изучил свое логово, выискивая другие признаки пребывания незваных гостей, но ничего не обнаружил.

Кто-то пришел сюда, в мое тайное логово, взломал двери и потревожил кое-что очень личное из моего имущества. Лишь немногие вещи могли пронять меня до глубины души, как эта резная фигурка; драгоценные немногие вещи, связывавшие меня с прошлым, со временем, когда я служил моему королю вместе с двумя самыми близкими друзьями, какие только у меня были. То, что какой-то чужак посмел коснуться ее и осквернил пролитой кровью, привело меня на грань убийственной ярости, а когда я подумал о том, что ее легко могли украсть, перед глазами у меня на мгновение возникла багровая пелена.

Я сердито тряхнул головой, вынуждая себя остыть. Как они нашли это место? Ответ очевиден. Они за следили за Ревелом, когда тот отправился за мной. Но если найти меня было

их подлинной целью, почему они не напали в тот момент? И как я умудрился не ощутить их присутствия? Были ли они «перекованными», как сперва заподозрил Уэб, людьми, в которых не осталось ничего человеческого? Я в этом сомневался; в бальном зале они двигались единой группой, настороженно и с признаками самоконтроля, какого я никогда не видел у «перекованных». Возможно, они каким-то образом способны скрывать свой магический «запах», различимый для Одаренных? Если подобная магия и существовала, я о ней не знал. Когда мой волк был жив, мы с трудом научились держать свое общение в секрете. Но едва ли это было то же самое, как полностью скрыть себя от Дара.

Я ненадолго выкинул эту тревогу из головы. Потянулся к Неттл при помощи Силы и быстро передал ей бо́льшую часть того, что узнал. О крови на резной фигурке не упомянул. Это было личное.

Я с матушкой, – ответила она. – Риддл забрал с собой Хирса и Джаста. Он сказал Джасту, что тот должен стеречь дверь Пейшенс, пока они с Хирсом проверяют каждую незанятую комнату в поместье.

Отлично. Как твоя мать?

Все еще спит. Она выглядит как обычно, и я не ощущаю в ней ничего неправильного. Но я очень встревожилась, когда она потеряла сознание. Куда сильнее встревожилась, чем мне хотелось бы показать ей. Ее отец умер, когда был всего на два года старше, чем она сейчас.

Он разрушил свое здоровье выпивкой, а еще драками и дурацкими выходками, к которым его подталкивало все то же пьянство, – напомнил я.

Ее мать умерла очень молодой.

Я прижал ладони к глазам и уперся пальцами в лоб. Это слишком пугало. Я не мог о таком думать.

Побудь с ней, пожалуйста. Мне осталось осмотреть всего несколько мест, и потом я приду сменить тебя.

Мне здесь хорошо. Можешь не спешить.

Подозревала ли она, что я задумал? Сомнительно. Только Пейшенс, Молли и я знали о тайном лабиринте в Ивовом Лесу. Хотя смотровые отверстия в этих коридорах не позволяли мне заглянуть в каждую спальню, они давали возможность проверить многие из них и увидеть, не прячется ли где-то больше гостей, чем мы пригласили.

Время приближалось к рассвету, когда я выбрался из лабиринта. Я был облеплен паутиной, продрог до костей и устал. Я ничего не узнал, если не считать того факта, что по меньшей мере две горничные согласились – по случаю, по прихоти или, возможно, ради нескольких монет – провести ночь в чужих постелях. Я видел молодую жену, которая плакала, пряча лицо в ладонях, в то время как ее муж пьяно храпел, водрузив на кровать лишь верхнюю часть тела; а одна пожилая пара курила такой крепкий табак, что у меня закружилась голова в моем секретном коридоре, когда сквозняк потянул туда дым.

Никаких следов странных менестрелей или тела посланницы.

Я вернулся в свою комнату и позволил Неттл отправиться в свою. Той ночью я не спал и даже не прилег, но сидел в кресле у камина, наблюдал за Молли и размышлял. Неужели незваные гости достаточно безумны, чтобы сбежать в метель, забрав с собой труп посланницы? По меньшей мере один оставался в Ивовом Лесу достаточно долго, чтобы проследить за Ревелом и войти в мое логово. Почему? Для чего? У меня ничего не забрали, не причинили вреда никому из моих домашних. Я был полон решимости докопаться до самой сути.

Но на протяжении следующих дней все шло так, словно бродячие менестрели и посланница нам приснились. Молли пришла в себя и веселилась, танцевала и смеялась с нашими гостями остаток Зимнего праздника, не выказывая признаков болезни или слабости. Я чувствовал себя грязным из-за того, что скрыл от нее кровавую тайну, и даже хуже – принудил

ее сыновей к молчанию, но Неттл и Риддл со мной согласились. Ей сейчас лишние тревоги были не нужны.

Снегопад продолжился еще день и ночь и скрыл следы любого, кто мог прийти или уйти. Когда с пола вытерли кровь, не осталось и намека на наших чужестранных посетителей. Риддл, Неттл и я решили, что осмотрительные расспросы могут предоставить нам больше сведений, чем если мы примемся трубить о своем беспокойстве; Ревел, к моему удивлению, никому не проболтался. Кое-кто из гостей заметил, что какие-то незнакомцы покинули пиршество, не разделив ни с кем веселье, но больше мы ничего не узнали. Уэб мало что мог сказать сверх того, что уже поведал мне. Он счел странным, что женщина не сообщила ему имя «друга», которого разыскивала. И это было все.

Неттл, Риддл и я обсудили, надо ли рассказывать Чейду о происшествии. Я этого не хотел, но в конце концов они меня убедили. В первый тихий вечер после Зимнего праздника, когда наши гости разъехались и Ивовый Лес сделался относительно тих, я отправился в свой кабинет. Неттл сопровождала меня, Риддл был с ней. Мы сели, она соединила свои мысли с моими, и вместе мы с помощью Силы передали нашу историю Чейду. Неттл молчаливо присутствовала, пока я представлял свой детальный отчет. Я подумал, что она могла бы предложить больше деталей, но почувствовал от нее лишь тихое подтверждение своего рассказа. Чейд задал мало вопросов, но я ощутил, что он запомнил каждую деталь. Я знал, что он соберет любые возможные сведения с помощью своей широкой шпионской сети и поделится ими со мной. И все же он меня удивил, сказав:

Советую тебе набраться терпения. Кто-то направил посланницу, и он может снова обратиться к тебе, когда она не вернется. Пусть Риддл отправится в Ивняки и побродит вечер-другой по тавернам. Если будут какие-то разговоры, он услышит. А я осторожно расспрошу кое-кого. Помимо этого, думаю, ты сделал все, что мог. Не считая того, разумеется, что я, как и раньше, советую тебе подумать над тем, чтобы нанять нескольких домашних охранников. Таких, которые одинаково ловко могут подавать чай и резать глотки.

Едва ли это необходимо, – твердо сказал я и ощутил его далекий вздох.

Как знаешь, – подытожил он и отъединил свой разум от наших.

Я сделал, как он предложил. Риддл отправился по тавернам, но ничего не услышал. Никто не прислал сообщения, спрашивая, что случилось с посланницей. На протяжении некоторого времени я держал ухо востро, бдительно ожидая чего-то хоть самую малость необычного. Но по мере того как текли дни и месяцы, происшествие все больше отступало в дальние тайники памяти. Предположение Риддла о том, что все участники этой истории ввали о своих мотивах и что мы сделались мимолетными свидетелями улаживания какого-то старого долга, казалось все более похожим на правду.

Спустя годы мне предстояло изумиться своей глупости. Как я мог не понять? На протяжении многих лет я ждал и надеялся на послание от Шута. И когда послание наконец-то прибыло, я его не получил.

3. Падение Фаллстара

*Секрет остается твоим лишь до тех пор, пока ты им не поделишься.
Поведай его одному человеку – и он перестает быть секретом.
Чейд Фаллстар*

Цыплята пищали, козлята блеяли, и аппетитный запах шкворчащего мяса витал в летнем воздухе. Купол синего летнего неба простерся над рыночными прилавками на рынке Дубов-у-воды, самого большого торгового города вблизи от Ивового Леса. Дубы-у-воды стояли на перекрестке путей, в долине вокруг них располагались фермы, а рядом проходил охраняемый Королевский тракт, который вел к порту на Оленьей реке. Товары приходили из верховий и низовий реки, а еще из окрестных деревень. Ярмарки десятого дня были самыми многочисленными, и телеги фермеров заполняли ярмарочный круг, в то время как продавцы поскромнее устанавливали прилавки или расстилали одеяла на деревенской лужайке под раскидистыми дубами у веселого ручья, давшими городку его название. Самые простые торговцы раскладывали свежие овощи или кустарные изделия прямо на ковриках, расстеленных на земле, в то время как фермеры с более крупных владений устанавливали временные лавки, предлагая корзины с крашеной шерстью, сырные круги или ломти копченой свинины.

Позади прилавков ярмарки десятого дня располагались торговые заведения жителей Дубов-у-воды. Была там мастерская сапожника, ткацкая лавка и лавка лудильщика, а также большая кузница. Трактир «Королевские псы» расставил скамьи и столы снаружи, в тени. Торговец тканями разложил на козлах материю и мотки крашеной шерсти на продажу, кузнечная мастерская предлагала товары из жести, железа и меди, а сапожник поставил свою скамью рядом с лавкой и шил, сидя на ней, красную дамскую туфельку из мягкой кожи. Приятный гул, рождавшийся от того, как люди торговались и обменивались слухами, волнами прибывал и убывал, касаясь моих ушей.

Я сидел за одним из трактирных столов под дубом, у моего локтя стояла кружка с сидром. Мои дела были завершены. Пришло послание от Джаста – первое, достигшее нас за много месяцев. Они с Хирсом покинули дом почти три года назад. Со свойственным юности изысканным пренебрежением к тревогам старшего поколения парни посылали письма лишь от случая к случаю. Джаст закончил первый год обучения у тележника в Дюнах, и учитель был весьма доволен им. Он написал, что Хирс нанялся на речной паром и эта работа его, похоже, устраивает. Мы с Молли обрадовались новости, что Хирст наконец-то нашел себе место и у него все в порядке. Но Джаст прибавил, что потерял свой любимый поясной нож, с костяной рукоятью и тонким, слегка изогнутым лезвием, который кузнец в Дубах-у-воды сделал для него, когда ему было тринадцать. Две недели назад я заказал нож на замену и сегодня забрал его. Этот единственный маленький пакет был у моих ног, рядом с целой кучей покупок Молли.

Я наблюдал за сапожником и гадал, не захочет ли Молли пару красных туфелек. Но эта пара явно была предназначена для кого-то другого. Пока я смотрел, стройная молодая женщина с копной непослушных темных кудрей неторопливым шагом отделилась от рыночной толпы и остановилась перед мастером. Я не слышал, о чем они говорили, но он сделал еще три стежка и узел, откусил нить и протянул ей туфельку вместе с парной. Лицо девушки озарила широкая и дерзкая улыбка, она положила на скамью столбик медяков и немедленно присела, чтобы примерить свои новые туфли. Обувшись, встала, приподняла юбки почти до колен и сделала на пыльной улице несколько танцевальных па.

Я ухмыльнулся и огляделся вокруг в поисках кого-то, кто разделит бы мое удовольствие от ее беззастенчивой радости. Но два старых пахаря за другим концом стола жаловались друг другу, что дождь то ли будет, то ли нет, а моя Молли была где-то среди посетителей рынка,

увлеченно торговалась у немудреных прилавков. В прошлом, когда мальчики были моложе, а Пейшенс еще жива, рыночные дни становились куда более сложными путешествиями. Но менее чем за год мы потеряли мою мачеху, а потом парни уехали, чтобы начать самостоятельную жизнь. Первый год, думаю, мы с Молли оба были потрясены резкой переменой. Почти два года после этого дом казался нам слишком большим, и мы в тоске бродили по пустым коридорам. Лишь недавно мы осторожно начали исследовать нашу новую свободу. Сегодня мы бежали от ограничений, свойственных жизни хозяев имения, чтобы посвятить день самим себе. Мы все хорошо спланировали. У Молли был короткий список покупок. Мне не требовался список для напоминания о том, что этот день предназначен для праздности. Я предвкушал музыку за ужином в трактире. Если мы слишком задержимся, можем даже остаться на ночь и отправиться в путь в Ивовый Лес на следующее утро. Что интересно, мысль о том, что мы с Молли останемся наедине ночью на постоялом дворе пробудила во мне чувства, которые больше подошли бы пятнадцатилетнему мальчишке, а не пятидесятилетнему мужчине. Это заставило меня улыбнуться.

Фитц Чивэл!

Зов Силы был криком в моем разуме, нетерпеливым возгласом, неслышим для кого-то еще на рынке. Я мгновенно понял, что это Неттл и что ее переполняет беспокойство. Такова природа Силы: множество сведений передается в один миг. Часть моего разума отметила, что дочь назвала меня Фитцем Чивэлом, не Томом Баджерлоком, просто Томом или даже Сумеречным Волком. Она никогда не звала меня отцом или папой. Я утратил право на эти звания много лет назад. Но «Фитц Чивэл» означало, что речь о делах, скорее связанных с короной Видящих, нежели с нашими семейными узами.

Что случилось?

Я устроился на скамье и нацепил пустую улыбку, одновременно потянувшись с помощью Силы далеко-далеко, к Оленьему замку на побережье. Я видел вздымавшиеся ветви дуба на фоне синего неба – и ощущал вокруг себя темную комнату, где находилась Неттл.

С Чейдом беда. Мы думаем, он упал и, возможно, ударился головой. Его нашли этим утром распростертым на ступеньках, ведущих к Саду Королевы. Мы не знаем, как долго он там пролежал, и мы не сумели привести его в чувство. Король Дьютифул желает, чтобы ты немедленно явился.

Я готов, – заверил я свою дочь. – Позволь мне увидеть его.

Я сейчас к нему прикасаюсь. Ты его чувствуешь? Я не смогла, и Дьютифул не смог, а Олх в полном замешательстве. «Я его вижу, но он не здесь», – так он нам сказал.

Холодные щупальца страха потянулись к моему сердцу. Старое воспоминание о королеве Верити, Кетриккен, упавшей с той же лестницы – она стала жертвой заговора, целью которого было убийство ее нерожденного ребенка, – всплыло из глубин моей памяти. Мне сразу же пришел на ум вопрос, было ли падение Чейда случайностью. Я попытался спрятать эту мысль от Неттл, когда через нее попробовал нащупать Чейда. Ничего.

Я его не чувствую. Он жив? – спросил я, цепляясь за видимость спокойствия.

Я задействовал больше Силы и лучше рассмотрел комнату, где Неттл сидела рядом с кроватью под балдахином. Шторы на окнах были задернуты, в комнате царил полумрак. Где-то рядом горела маленькая жаровня – я ощущал острый запах укрепляющих трав. Я сидел на свежем воздухе, но чувствовал вокруг себя душное, запертое помещение. Неттл перевела дух и показала мне Чейда, каким видела его. Мой старый наставник лежал под одеялами такой прямой, словно его уложили на погребальном костре. Лицо у него было бледное, глаза запали, на виске темнел синяк, и лоб с той стороны опух. Я видел советника короля Дьютифула глазами своей дочери, но не испытывал полного ощущения его присутствия.

Он дышит. Но не просыпается, и ни один из нас не ощущает, чтобы он был здесь. Я как будто касаюсь...

Грязи, – закончил я ее мысль. Так это выразил Олух много лет назад, когда я умолял его и Дьютифула применить Силу и помочь мне исцелить Шута. Для них он был мертв. Мертв и уже начал снова превращаться в землю. – Но он дышит?

Я уже сказала тебе, что да! – Яростное нетерпение, граничащее с гневом, проскальзывало в ее словах. – Фитц, мы бы не обратились к тебе, если бы дело было в простом исцелении. А если бы он умер, я бы так и сказала. Дьютифул хочет, чтобы ты пришел как можно скорее. Даже с помощью Олуха круг Силы не смог до него дотянуться. Если мы не сможем дотянуться, мы не сможем его исцелить. Ты – наша последняя надежда.

Я на рынке в Дубах-у-воды. Мне придется вернуться в Ивовый Лес, упаковать кое-какие вещи и взять выючную лошадь. Я приеду через три дня или быстрее.

Так не пойдет. Дьютифул знает, что эта идея тебе не понравится, но он хочет, чтобы ты пришел через монолиты.

Ни за что. – Я заявил это с уверенностью, уже зная, что ради Чейда рискну, чего не делал за все годы с той поры, как потерялся в камнях.

От мысли о том, чтобы войти в ту блестящую черноту, волоски у меня на задней стороне шеи и руках встали дыбом. Я испытывал почти болезненный ужас, просто думая об этом. Ужас. И искушение.

Фитц. Тебе придется. Это единственная надежда, какая у нас есть. Лекари, которых мы призвали, совершенно бесполезны, но в одном они пришли к согласию. Чейд... тонет. Мы не можем достичь его с помощью Силы, и лекари твердят, что, согласно их опыту, через пару дней он умрет, его глаза вылезут из орбит от удара по голове. Если ты явишься сюда через три дня, то увидишь, как он горит на погребальном костре.

Я приду. – Я послал эту мысль вяло. Смогу ли себя заставить? Придется.

Через камни, – настаивала она. – Если ты в Дубах-у-воды, то до камня Правосудия на Висельном холме недалеко. Наши карты показывают, что там есть знак для наших Камней-Свидетелей. Ты легко можешь оказаться здесь до заката.

Через камни. – Я попытался скрыть горечь и страх в своих мыслях. – Твоя мать здесь, на рынке со мной. Мы приехали в двуколке. Придется отослать ее домой одну.

Снова нас разлучали дела Видящих, снова простые удовольствия в виде совместного ужина и вечера с песнями менестреля в трактире были украдены у нас.

Она поймет. – Неттл старалась успокоить меня.

Поймет. Но ей это не понравится. – Я освободил свои мысли от Неттл.

Я не закрывал глаз во время разговора, но теперь почувствовал себя так, словно открыл их. Свежий воздух и шум летнего рынка, пестрые пятна яркого солнечного света, падавшего сквозь дубовую листву, даже девушка в красных туфельках как будто вторглись в мою мрачную реальность. Я понял, что, пока был во власти Силы, мой невидящий взгляд был устремлен на девушку. Теперь она смотрела в ответ, вопросительно улыбаясь. Я поспешно опустил глаза. Пора идти.

Я быстро допил остатки сидра, с шумом поставил пустую кружку обратно на стол и поднялся, взглядом выискивая в суете рынка Молли. Заметил ее в тот же миг, когда она заметила меня. Когда-то она была такой же стройной, как девушка в красных туфельках. Теперь Молли перешагнула тот рубеж, что принято звать средним возрастом. Она двигалась сквозь толпу уверенно, пусть и не проворно, маленькая, крепкая, с яркими темными глазами и решительным выражением рта. Она несла отрез мягкой серой ткани, перебросив его через руку, как военный трофей, добытый с большим трудом. Залюбовавшись Молли, я на миг забыл обо всем – просто стоял и смотрел, как она приближается. Она улыбнулась и похлопала по своей покупке. Я пожалел лавочника, не сумевшего победить ее в искусстве торга. Она всегда была бережливой и хозяйственной; превращение в леди Молли из Ивового Леса ничего в этом смысле не изменило. Солнечный свет играл на серебряных нитях в ее темных волосах.

Я наклонился, чтобы поднять остальные покупки Молли, лежавшие у моих ног. Там был горшочек с ее любимым мягким сыром и пучок листьев калки для душистых свечей, а еще аккуратно завернутый пакет с яркими красными перцами, которые, как она предупредила меня, нельзя было трогать голыми руками. Молли купила их для бабушки нашего садовника – та уверяла, будто знает рецепт снадобья, способного облегчить боль в узловатых старых пальцах, и Молли хотела попробовать. В последнее время у нее ныла поясница. Рядом с пакетом был закупоренный сосуд с чаем от малокровия.

Подхватив с земли покупки, я повернулся и столкнулся с девушкой в красных туфельках.

– Простите, – сказал я, отступив от нее, но она взглянула на меня с веселой улыбкой.

– Ничего страшного, – заверила она меня, склонив голову набок. Потом губы незнакомки еще круче изогнулись в улыбке, и она прибавила: – Но если вы хотите возместить то, что едва не наступили на мои новехонькие туфли, можете купить кружку сидра и разделить его со мной.

Я ошеломленно уставился на незнакомку. Она думала, что я глазел на нее, когда на самом деле погружался в Силу. Впрочем, да, я и правда любовался ей, но она перепутала это с заинтересованностью, какую мог проявить мужчина к миловидной девушке. Каковой она и была. Миловидная, молодая – куда моложе, чем мне показалось, когда я впервые ее заметил. В точности как я был намного старше, чем предполагал ее заинтересованный взгляд. Ее предложение одновременно льстило и сбивало с толку.

– Могу принести в качестве возмещения только свои извинения. Меня ждет моя леди. – Я кивком указал на Молли.

Девушка обернулась, взглянула прямо на Молли и снова посмотрела на меня.

– Ваша леди-супруга? Или вы имели в виду свою матушку?

Я уставился на девушку. Всякое очарование, каким для меня обладали ее молодость и красота, покинуло мое сердце.

– Простите, – холодно проговорил я и направился от нее к Молли.

Знакомая боль стиснула мое сердце. С этим страхом я сражался каждый день. Молли старела и удалялась от меня, годы уносили ее все дальше и дальше, будто медленное и непреклонное течение. Я приближался к пятидесяти, но мое тело упрямо удерживало форму тридцатипятилетнего мужчины. Исцеление Силой, случившееся много лет назад, все еще неослабно пробуждалось и неистовствовало во мне, когда бы я ни причинил вред самому себе. Из-за его влияния я редко болел, а порезы и синяки заживали быстро. Прошлой весной я свалился с сеновала и сломал предплечье. Той ночью я отправился спать с рукой в крепком лубке, а проснулся, обуреваемый жутким голодом и худой, как зимний волк. Рука болела, но я мог ей пользоваться. Нежеланная магия сохраняла меня сильным и моложавым – жуткое проклятие, ведь на моих глазах Молли медленно сгибалась под гнетом прожитых лет. После обморока во время Зимнего праздника ее старение как будто ускорилося. Она быстрее уставала и время от времени испытывала приступы дурноты, а зрение ее тускнело. Это печалило меня, ибо она предпочитала не обращать внимания на проявления нездоровья и отказывалась обсуждать их позже.

Приближаясь к Молли, я заметил, что ее улыбка застыла. Она не упустила из вида обмен репликами, случившийся между мной и девушкой. Я заговорил прежде нее, так, чтобы только ее уши расслышали в шуме рынка мои слова:

– Неттл призвала меня с помощью Силы. Это Чейд. Он тяжело ранен. Они хотят, чтобы я отправился в Олений замок.

– Уедешь сегодня?

– Нет. Прямо сейчас.

Молли посмотрела на меня. Переживания сменяли друг друга на ее лице. Досада. Гнев. А потом, о ужас, – смирение.

– Ты должен идти, – сказала она.

– Боюсь, должен.

Она напряженно кивнула и взяла несколько своих покупок из моих нагруженных рук. Мы вместе прошли через рынок к трактиру. Наша маленькая двуколка стояла снаружи. Лошадь я сразу поставил в стойло, лелея надежду, что мы проведем здесь ночь. Теперь, складывая покупки под сиденье, я сказал:

– Знаешь, тебе не обязательно спешить домой. Можешь остаться и повеселиться вечером.

Молли вздохнула:

– Нет. Я скажу конюху, чтоб вывел нашу лошадь прямо сейчас. Я не ради рынка приехала, Фитц. Я приехала, чтобы провести день с тобой. А эти планы теперь рухнули. Если мы отправимся домой сейчас, успеешь пуститься в дорогу до вечера.

Я прочистил горло и сообщил ей неприятную новость:

– Дело слишком срочное для такого. Мне придется воспользоваться монолитом на Висельном холме.

Молли уставилась на меня с открытым ртом. Я встретил ее взгляд, пытаюсь спрятать собственный страх.

– Мне бы этого не хотелось, – проговорила она сбивчиво.

– Мне тоже, но придется.

Ее глаза еще некоторое время вглядывались в мое лицо. На миг Молли сжала побледневшие губы, и я решил, что она начнет со мной спорить. Потом она сухо проговорила:

– Приведи лошадь. Я отвезу тебя туда.

Я и пешком без труда дошел бы до холма, но не стал спорить. Молли хотела быть там. Хотела увидеть, как я войду в камень и скроюсь от ее глаз. Она никогда не видела, как я это делаю, и не хотела смотреть. Но раз уж пришлось, она посмотрит, как я уйду. Я знал, о чем она думает. Если моя Сила выйдет из-под контроля, больше Молли меня не увидит. Я предложил ей единственное утешение, какое мог:

– Я попрошу Неттл послать птицу из Оленьего замка, как только окажусь там в безопасности. Так что тебе не надо переживать.

– О, я буду переживать. Полтора дня, пока птица не долетит ко мне. Это у меня получается лучше всего.

Тени только начали удлиняться, когда я помог ей спуститься с повозки подле вершины Висельного холма. Молли держала меня за руку, пока мы шли по крутой тропинке на самый верх. Дубы-у-воды не могли похвастать кругом стоячих камней, как Баккип. Здесь была только старая виселица, чьи серые потрескавшиеся доски жарились на летнем солнцепеке, а вокруг опор росли неподобающие веселые маргаритки. А позади виселицы, на самом гребне холма, имелся единственный стоячий камень, мерцающий чернотой и пронизанный жилами серебра: камень памяти. Высотой он был почти в три человеческих роста. У него было пять граней, и на каждой – единственный высеченный знак. С той поры как мы открыли истинное предназначение монолитов, король Дьютифул разослал отряды очистить каждый камень, перерисовать знаки и записать, куда обращен каждый из них. Знаки символизировали место назначения. Мы знали смысл лишь отдельных знаков из множества. И даже после десяти лет изучения свитков о забытой магии Силы, большинство тех, кто применял ее, считали путешествия через порталы опасными и подтачивающими здоровье.

Мы с Молли обошли вокруг камня, рассматривая его. Солнце ударило мне в глаза, когда я увидел знак, который должен был отправить меня к Камням-Свидетелям возле Оленьего замка. Я уставился на него, чувствуя, как в животе сгущается холодный ком страха. Я не хотел этого делать. Но должен был.

Монолит стоял, черный и неподвижный, и манил меня, как спокойный пруд в жаркий летний день. И, как глубокий водоем, он мог затянуть в свои бездны и утопить навсегда.

– Возвращайся ко мне, как только сможешь, – прошептала Молли. А потом заключила меня в объятия и неистово сжала. Проговорила, уткнувшись мне в грудь: – Ненавижу дни, когда нам приходится расставаться. Ненавижу долг, который по-прежнему тебя не отпускает, и ненавижу то, как нам из-за него вечно приходится отделяться друг от друга. Ненавижу, как ты бросаешься по первому зову, чтобы исполнить его. – Она говорила эти слова яростно, и каждое вонзалось мне в сердце маленьким ножом. Потом она прибавила: – Но я люблю то, что ты из тех людей, кто всегда верен своему долгу. Наша дочь зовет, так иди же к ней. Мы оба знаем – ты должен. – Она глубоко вздохнула и покачала головой из-за собственной вспышки. – Фитц, Фитц, я по-прежнему ревниво требую каждую минуту твоего времени. И чем больше я старею, похоже, тем сильнее цепляюсь за тебя. Но иди. Сделай, что должен, и возвращайся ко мне как можно быстрее. Но не через камни. Возвращайся ко мне безопасным путем, радость моя.

Простые слова, и я по сей день так и не понял, почему они так придали мне храбрости. Я прижал ее ближе к себе и собрался с духом.

– Со мной все будет хорошо, – заверил я. – В тот раз я потерялся в камнях только потому, что перед тем слишком много ими пользовался. Сейчас будет легко. Я войду здесь и неуклюже вывалюсь из Камней-Свидетелей возле Оленьего замка. И первым делом велю послать птицу в Ивовый Лес, чтобы сообщить тебе, что я на месте.

– Ей понадобится по меньшей мере день, чтобы попасть сюда. Но я буду ждать ее появления.

Я снова поцеловал Молли и высвободился из ее объятий. Колени мои дрожали, и внезапно я пожалел, что не помочился перед путешествием. Одно дело – оказаться лицом к лицу с внезапной и неизвестной опасностью, но совсем другое – намеренно обречь себя на ранее испытанное и точно опасное для жизни предприятие. Все равно что осознанно войти в большой костер. Или прыгнуть за борт корабля во время шторма. Я мог умереть. Или хуже – не умереть и остаться навсегда в той холодной, черной неподвижности.

Еще четыре шага. Я не мог потерять сознание. Я не мог показать свой ужас. Я должен был это сделать. Два шага. Я поднял руку и помахал Молли на прощание, но не осмелился оглянуться на нее. Во рту у меня пересохло от чистейшего ужаса. Я опустил ладонь той же руки на поверхность монолита, прямо под знаком, который должен был перенести меня в Олений замок.

Грань камня была холодна. Меня неописуемым образом наполнила Сила. Я не вошел в камень; он поглотил меня. Мгновение черноты и искрящейся пустоты. Не поддающееся определению чувство благодати ласкало и искушало меня. Я был на пороге понимания чего-то чудесного; всего один миг – и я бы мог постичь его целиком. Я бы не просто его понял. Я бы сделался им. Стал бы целым. Ничто и никто уже не удостоилось бы моего внимания никогда. Я бы достиг совершенства.

Потом я вывалился наружу. Первая моя связная мысль, когда я выпал из камня на поросший влажной травой склон холма возле Оленьего замка, была такой же, как последняя мысль перед тем, как я вошел. Я спрашивал себя, что видела Молли, когда я покинул ее.

Выйдя из монолита, я упал на колени – ноги не держали меня. Поначалу я даже не пытался шевельнуться. Потом огляделся, вдохнул воздух с легким привкусом морской воды из Оленьей бухты. Здесь было прохладнее и воздух был более влажным. Недавно прошел дождь. На холме передо мной паслись овцы. Одна подняла голову, посмотрела на меня и снова принялась щипать траву. Я видел черные стены замка за неровными каменистыми пастбищами и редкими деревьями, искореженными ветром. Крепость из черного камня стояла, словно была тут всегда, ее башни смотрели на бескрайнее море. Я не видел, но знал, что к крутым скалам под замком липнет город Баккип, точно ползучий лишайник из людей и построек. Дом. Я был дома.

Мое сердце постепенно успокоилось и забилося ровно. Скрипучая повозка заехала на холм и направилась к воротам замка. По стене крепости над воротами медленно вышагивал часовой. Время было мирное, но Дьютифул оставил караул в силе. Хорошо. Хоть Калсида и занята собственной гражданской войной, ходят слухи, что герцогиня уже подчинила себе большую часть своенравных провинций. И как только Калсида помирится сама с собой, она, несомненно, опять попытается затеять войну с соседями.

Я обернулся и посмотрел на монолит. Меня охватило внезапное желание войти в него снова, опять окунуться в то тревожное блаженство искрящейся черноты. Там было нечто огромное и чудесное, нечто, с чем я жаждал соединиться. Я мог шагнуть назад и отыскать его. Оно ждало меня.

Я глубоко вздохнул и потянулся Силой к Неттл:

Отправь птицу в Ивовый Лес. Сообщи Молли, что я здесь, живой и здоровый. Выбери самую быструю, которая точно долетит домой.

Сделано. А почему ты мне не сообщил перед тем, как войти в камень? – Я услышал, как моя дочь говорит кому-то в комнате: «Он здесь. Пошлите за ним парня с лошастью, сейчас же». Потом она снова сосредоточилась на мне. – *Что, если бы ты выбрался оттуда без чувств и онемев, как было много лет назад?*

Я пропустил упрек мимо ушей. Она была права, конечно, и Чейд на меня всерьез разозлится. Нет. Мысль пришла с леденящим душу волнением. Чейд, возможно, больше никогда на меня не разозлится. Я пошел в сторону замка и против воли пустился трусцой. И снова связался с Неттл с помощью Силы:

Часовые на воротах знают, что я иду?

Сам король Дьютифул приказал им ждать помещика Баджерлока с важным сообщением для меня от моей матери. Никто тебя не задержит. Я пошлю мальчика с лошастью.

Пока он выведет ее из конюшни, я буду уже на месте.

Я бросился бежать.

Спальня Чейда выглядела величественной. И оцепенелой, как сама смерть. Она располагалась на том же этаже, что и королевские покои Дьютифула, но я сомневался, что комнаты моего короля столь же отвечают его склонностям, как те, в которых обитал старый убийца, ныне – советник. Мои ноги утопали в толстых коврах цвета мха. Тяжелые шторы на окнах не пропускали ни единого луча дневного света. Вместо них мигающие свечи наполняли помещение запахом тающего пчелиного воска. Из мерцающей латунной жаровни возле кровати лился дым укрепляющих трав, делая воздух еще тяжелей. Я кашлянул и на ощупь пробрался к прикроватному столику. Там стояли кувшин и полная чашка.

– Только вода? – спросил я у топтавшихся рядом лекарей, и кто-то ответил утвердительно.

Я осушил чашку и опять закашлялся – так и не отдышался после того, как взбежал по широкой замковой лестнице.

Король Дьютифул шел где-то позади меня, как и Неттл. Олух сидел на табурете в углу, кончик его языка лежал на нижней губе, и заплаканное простецкое лицо источало печаль. Его музыка Силы была приглушенной погребальной песнью. Он задержал на мне взгляд прищуренных глаз, и его лягушачий рот растянулся в приветственной улыбке.

– Я тебя знаю, – сказал он мне.

А я знаю тебя, старый друг, – ответил я посредством Силы.

Я скрыл из своих мыслей то, что время его не пощадило; с такими, как он, обратное случалось редко. Он и так прожил дольше, чем предполагал любой целитель в Баккипе.

Старик Чейд ведет себя так, словно умер, – нетерпеливо сообщил мне Олух.

Мы сделаем все возможное, чтобы его разбудить, – заверил я маленького человечка.

Стеди, сводный брат моей Неттл и маг королевского круга Силы, стоял рядом с Олухом. Я быстро кивнул ему в знак приветствия. Протолкался через толпившихся лекарей и их разнообразных помощников к кровати Чейда. В комнате было нечем дышать от запаха обеспокоенных людей: они давили на мой Дар, словно я бродил по загону, полному животных, ожидавших своей очереди на бойню.

Я отбросил сомнения:

– Раздвиньте эти занавески, и окна тоже откройте. Впустите сюда немного света и воздуха!

Один из лекарей сказал:

– Мы рассудили, что темнота и тишина могут наилучшим образом способствовать...

– Откройте их! – рявкнул я, внезапно испытав прилив воспоминаний о моем первом короле, Шрюде: как он лежал в душной комнате, полной укрепляющих средств и снадобий. Лекарственный запах наполнил меня старым страхом.

Лекари уставились на меня с неприязнью, ни один из них не пошевелился. Кто этот чужак, что вошел в комнату лорда Чейда, выпил из его кружки и принялся распоряжаться ими? Они с трудом сдерживали негодование.

– Откройте их, – сказал Дьютифул, точно мое эхо, войдя в комнату, и лекари с помощниками бросились выполнять королевский приказ.

Я повернулся к нему и спросил:

– Можно их всех убрать отсюда?

Кто-то ахнул.

– Пожалуйста, мой король, – поспешно добавил я.

В пылу момента я забыл, что во мне видят всего лишь Тома Баджерлока, помещика из Ивового Леса. Вполне возможно, они понятия не имели, с чего вдруг меня вызвали советовать по поводу здоровья Чейда. Я попытался взять себя в руки и заметил, как Дьютифул криво и устало улыбнулся краем рта, отдавая распоряжения, чтобы очистить комнату от скопища лекарей. Когда свет и воздух освежили помещение и народа стало поменьше, давление на мои чувства ослабело. Не спросив разрешения, я распахнул балдахин над кроватью. Неттл помогла мне. Последние лучи заката озарили постель и черты моего бывшего учителя, моего старого друга, моего двоюродного деда, Чейда Фаллстара. Во мне всколыхнулось отчаяние.

Он выглядел как труп. Рот его распахнулся, нижняя челюсть свисала набок. Закрытые глаза запали. Синяк, который я заметил во время сеанса Силы с Неттл, расплылся на половину лица. Я взял старика за руку и обрадовался, когда Дар принес ощущение жизни. Пусть слабое, но оно было! Орда скорбящих лекарей, когда я только вошел, не дала мне сразу ощутить его. Губы Чейда выглядели пересохшими, язык казался сероватой подушечкой во рту. Я нашел возле кровати чистую тряпицу, намочил ее водой из кувшина и коснулся его губ, одновременно закрыв ему рот. Вытер его морщинистое лицо. Он воспользовался Силой, чтобы замедлить старение, но никакая магия не могла обратить вспять течение времени или стереть следы, оставленные им прежде. Сколько же ему лет? Он казался мне старым, когда только взял меня в ученики примерно сорок лет назад. Решив, что лучше не знать ответ, я сосредоточился на том, что действительно могло помочь. Снова смочив тряпку и аккуратно приложив ее к синяку, я спросил:

– Вы уже пытались исцелить это? Даже если мы не можем дотянуться до него с помощью Силы, исцеление тела может освободить его разум, и он вернется к нам.

– Конечно, мы пытались. – (Я простил Дьютифулу раздражение в голосе. Вопрос был очевидным, и он дал мне очевидный ответ.) – Мы пытались проникнуть внутрь его, но безуспешно.

Я отложил тряпку и присел на край кровати. Рука Чейда в моей руке была теплой. Я закрыл глаза. Своими пальцами я ощущал кости, мышцы и плоть. Я пытался прорваться сквозь

физическое осознание его тела к Силе, чего не делал много лет. Я пытался мысленно проникнуть в него и достучаться до самой жизни в течении его крови и шелесте его дыхания. Я не мог. Я давил, но барьеры не поддавались.

Барьеры. Я отпрянул от них и открыл глаза. Вслух сказал то, что вызвало во мне испуг:

– Он огорожен стенами. Намеренно закрыт от воздействия Силы. Как Баррича закрыл Чивэл.

Олух раскачивался в углу. Я посмотрел на него, и он сильнее втянул свою круглую голову в плечи. Его маленькие глаза встретились с моими.

– Да. Да. Закрыт, как ящик. Не могу залезть внутрь. – Он мрачно покачал головой, вытянул кончик языка над верхней губой.

Я окинул комнату взглядом. Король молча стоял возле постели Чейда, его молодой волкодав вольготно привалился к колену хозяина. Из королевского круга Силы присутствовали только Неттл и Стеди. Это подсказало мне, что его официальный круг уже собирался и пытался пробиться внутрь Чейда. И потерпел неудачу. То, что Неттл вызвала меня и привела Олуха, говорило весьма о многом. Как мастер Силы, она решила, что все обычные виды магии не возымели действия. Те из нас, кто собрался здесь, были способны прибегнуть к опасным и малоизученным способам применения Силы, если понадобится.

Олух, любимый наш дурачок, был необычайно талантлив в магии, хотя и обращался с ней не очень изобретательно. Способности короля были внушительными, в то время как наиболее сильным даром Неттл было управление снами. Ее сводный брат Стеди был для нее резервуаром Силы, и ему можно было доверить любой секрет. И все они глядели на меня, одиночку, незаконнорожденного Видящего с диким и хаотичным талантом, – глядели так, как если бы я один знал, что надо делать.

Но я не знал. Мне было известно не больше, чем в прошлый раз, когда мы пытались использовать Силу, чтобы исцелить запечатанного человека. Мы не преуспели. Баррич умер. В молодости Баррич был правой рукой Чивэла и источником сил для будущего короля. И потому король запечатал Баррича, чтобы враги Видящих не использовали его в качестве ключа к открытию секретов Чивэла. Но вышло так, что стена не пропустила магию, которая могла бы его спасти.

– Кто это сделал? – Как я ни старался говорить ровно, в моем голосе послышались обвинительные интонации. – Кто так запечатал его от Силы?

Предательство внутри круга было самым правдоподобным объяснением. Я похолодел при одной лишь мысли об этом. Мой разум убийцы уже связал запечатывание с его падением: двойное предательство, чтобы убить старика. Отрезать его от магии, чтобы он не смог позвать на помощь, а потом позаботиться о том, чтобы он получил тяжелую травму. Если Чейд стал мишенью для такой измены, не король ли окажется следующим?

Дьютифул скривился, выражая изумление и смятение:

– Если его и правда запечатали, то я впервые слышу об этом. Но ты ошибаешься. Всего пару дней назад мы с ним провели маленький эксперимент по использованию Силы. Я дотянулся до Чейда без усилий. В тот раз он точно не был запечатан! Даже несмотря на весь его опыт, он так и не обрел значительных способностей к применению Силы, хотя с тем скромным талантом, какой у него есть, обращается весьма умело. Но чтоб отгородиться от всех нас? Сомневаюсь, что он... – Я увидел, как Дьютифула охватили те же подозрения, что и меня. Король подтащил стул к другой стороне кровати Чейда. Сел и уставился на меня через его постель. – Кто мог сотворить с ним такое?

– Что это был за «маленький эксперимент»? – резко спросил я.

Все взгляды устремились на короля.

– Ничего дурного! У Чейда был небольшой брусок черного камня, камня памяти из древней цитадели Элдерлингов на острове Аслевджал. Он вложил в камень мысль и через посланца

передал камень мне. Я сумел вытащить сообщение из камня. Это был просто маленький стишок, что-то про то, где искать фиалки в Оленьем замке. Я связался с Чейдом при помощи Силы, чтобы он подтвердил правильность послания. Он без особых трудностей вложил тот стишок в камень памяти и получил мой ответ. В тот день он не был запечатан.

Мой взгляд привлекло легкое движение. Едва заметное. Седи открыл рот и снова закрыл. Неважная зацепка, но я решил ее проверить. Я резко посмотрел на него, ткнул пальцем и требовательно спросил:

– Что Чейд тебе велел никому не рассказывать?

Его рот снова приоткрылся лишь на один предательский миг и опять закрылся. Седи безмолвно покачал головой и стиснул зубы. Он был сыном Баррича. Он не мог солгать. Я набрал воздуха, чтобы прижать Седи, но его сводная сестра оказалась проворней. Неттл пересекла комнату в два шага, схватила младшего брата за плечи и попыталась встряхнуть. Выглядело это, как будто котенок напал на быка. Седи не шелохнулся под ее стремительной атакой, лишь втянул голову в широкие плечи.

– Расскажи нам свой секрет! – потребовала она. – Я знаю это выражение твоего лица. Ты все расскажешь, и немедленно, Седи!

Он опустил голову и закрыл глаза. Его загнали на мост, который рушился с обоих концов. Он не мог солгать и не мог нарушить обещание. Я проговорил медленно, спокойным тоном, больше обращаясь к Неттл, чем к нему:

– Седи не нарушит слово. Не проси его об этом. Но дай-ка я угадаю. Талант Седи заключается в том, чтобы одалживать Силу тому, кто ее применяет. Быть так называемым «человеком короля», если тому потребуется дополнительная мощь в минуту великой нужды в магии Силы.

Седи наклонил голову – это было явное согласие с тем, что мы уже знали про него. Когда-то я служил в этом же качестве королю Верити. Он нуждался, а я был неопытен и позволил ему осушить себя, и он рассердился, обнаружив, как близко подошел к тому, чтобы причинить мне невозполнимый ущерб. Но Седи был не таким, как я; его специально учили для этой роли.

Я старательно громоздил одно умозаключение на другое, опираясь на знания о Чейде:

– Итак, Чейд вызвал тебя. И воспользовался твоей Силой... для чего? Чтобы сделать нечто такое, что выжгло из него магию?

Седи сидел совершенно неподвижно. Значит, дело не в этом. Меня вдруг осенило:

– Чейд воспользовался твоей Силой, чтобы запечатать самого себя?

Седи сам не заметил, как его голова чуть качнулась вперед, и я понял, что угадал. Дьютифул вмешался, разгневанный моим предположением:

– Это какая-то бессмыслица. Чейд всегда желал получить больше Силы, а не огораживаться от ее использования.

Я тяжело вздохнул:

– Чейд любит свои секреты. Вся его жизнь – замок, полный тайн. Сила – это путь в разум человека. Если могучий мастер Силы застигнет кого-то врасплох, он может вложить в его голову любую идею, и человек в нее поверит. Скажут, что корабль повстречался с сильной бурей, – и внушаемый повернет обратно, к безопасной гавани. Убедят военачальника, что его армия уступает противнику числом, – и тот изменит тактику. Твой отец, король Верити, провел множество дней, используя Силу именно таким способом, чтобы отвратить от наших берегов красные корабли. Подумай обо всех путях, какими мы использовали Силу на протяжении этих лет. Нам известно, как поднимать стены, чтобы другие мастера Силы не могли проникать в наши жизни. Но тот, чей талант невелик... – Я не договорил.

Дьютифул застонал:

– Он найдет помощника и выстроит стену помощнее. Такую, которую нельзя будет сломать без его согласия и которую лишь он сам сможет опустить, если захочет.

– Если будет пребывать в сознании, – тихо уточнил я.

По щекам Седи текли слезы. Он был так похож на своего отца, что у меня перехватило дыхание. Неттл бросила попытки сломить младшего брата и уткнулась лбом ему в грудь. Магическая музыка Олуха превратилась в бурю отчаяния. Я пробился сквозь нее, навел порядок в мыслях и обратился к Седи:

– Мы знаем, что случилось. Ты не нарушил своего обещания, не выдал секрет. Но у меня есть еще один вопрос. Если ты помог мастеру Силы запечатать самого себя, знаешь ли, как пробиться сквозь эту стену?

Он плотно сжал губы и покачал головой.

– Человек, достаточно сильный для того, чтобы построить стену, должен быть достаточно сильным и для того, чтобы ее сломать, – сухо предположил Дьютифул.

Седи опять покачал головой. Когда он заговорил, его голос был полон боли. Теперь, когда мы знали секрет, он почувствовал, что может объяснить детали.

– Лорд Чейд прочитал про такую защиту в одном из старых свитков. Она предназначена для магов королевского круга, защищает их от внешнего воздействия. Она создает стену, которую может опустить только сам мастер Силы. Или король, или королева, или тот, кто знает ключевое слово.

Я тут же обратил взгляд на Дьютифула. Он сказал:

– Я его не знаю! Чейд не говорил мне никакого ключевого слова!

Король уперся локтем в колено, положил лоб на ладонь и внезапно сделался очень похожим на встревоженного мальчика. Это меня не обнадежило.

Заговорила Неттл:

– Если он не сказал Дьютифулу, то должен знать ты, Фитц. Ты всегда был к Чейду ближе всех. Слово знает один из вас двоих. Кому бы еще он его доверил?

– Не мне, – резко ответил я.

Я не стал уточнять, что мы не разговаривали друг с другом несколько месяцев даже при помощи Силы. Между нами не случилось размолвки, просто так сложилось со временем. Мы медленно теряли связь на протяжении последних лет. О, в смутные времена Чейд без колебаний обращался к моему разуму и требовал моего мнения или даже моей помощи. Но с годами ему пришлось смириться с тем, что меня не удастся втянуть назад в замысловатый танец, каким была жизнь в Оленьем замке. Теперь я сожалел о том, что мы так отделились друг от друга.

Я потер лоб и обернулся к Олуху:

– Лорд Чейд не говорил тебе особенного слова, Олух? Чтобы ты запомнил? – Я сосредоточился на нем, попытался ободряюще улыбнуться. Услышал, как позади открылась дверь, но не отвел взгляда.

Олух поскреб свое маленькое ухо. От сосредоточенности высунул язык. Я велел себе быть терпеливым. Потом он улыбнулся, встрепенулся. Подался вперед и сказал мне:

– Пожалуйста! Он велел мне запомнить слово «пожалуйста». И «спасибо». Эти слова нужны, чтобы получить от людей то, чего ты хочешь. Нельзя просто хватать вещи. Надо говорить «пожалуйста», прежде чем возьмешь что-то.

– Неужели все так просто? – изумленно спросила Неттл.

У меня за спиной раздался голос Кетриккен:

– В деле замешан Чейд? Полагаете, что все просто? Безусловно, нет. Этот человек никогда не делает ничего простого.

Я повернулся, чтобы взглянуть на мою прежнюю королеву, и, несмотря на сложность нашего положения, не смог не улыбнуться ей. Кетриккен была такой же прямой и царственной, как всегда. Королева-мать одевалась с простотой, подобающей скорее служанке, нежели особе ее положения, только вот носила она свои одежды с куда большим достоинством. И властью. Ее светлые волосы, рано посеребренные сединой, струились незаплетенными по

спине, по синему платью, в цветах Оленьего замка – еще одна необычность. Она поощряла Шесть Герцогств заниматься торговлей, и за свою жизнь я увидел, как наше королевство приняло все, что огромный мир мог предложить. Экзотическая еда и приправы с островов Пряностей, причудливые стили одежды из Джамелии и земель за ее пределами, а еще чужеземные техники работы со стеклом, железом и глиной изменили каждую сторону жизни в Оленьем замке. Шесть Герцогств поставляли пшеницу и овес, железную руду и чугунные чушки, бренди из Песчаных пределов и отличные вина из Внутренних герцогств. Строевой лес из Горного Королевства превращался в древесину, которую мы, в свою очередь, отправляли в Джамелию. Мы процветали и с радостью принимали перемены. Но вот передо мной бывшая королева, невосприимчивая к собственным нововведениям, одетая просто и старомодно, как служанка из моего детства, даже без диадемы, символизирующей ее положение матери короля.

Кетриккен подошла ко мне через всю комнату, и мы с ней крепко обняли друг друга.

– Фитц, – сказала она мне на ухо. – Спасибо. Спасибо, что пришел и что так сильно рисковал, чтобы явиться побыстрей. Когда я услышала, что Дьютифул велел Неттл призвать тебя немедленно, то пришла в ужас. И преисполнилась надежды. До чего же мы эгоистичны, что отрываем тебя от безусловно заслуженного покоя и требуем, чтобы ты снова пришел к нам на помощь.

– Всегда готов помочь вам, чем могу.

Затянувшееся раздражение из-за того, что меня вынудили воспользоваться монолитами, исчезло при ее словах. Таков был ее талант. Королева Кетриккен всегда признавала жертвы, совершенные другими на службе трону Видящих. Взамен она была неизменно готова поступиться собственным комфортом и безопасностью ради тех, кто был ей верен. В ту минуту ее благодарность казалась справедливой платой за опасность, которой я подвергся.

Она отпустила меня и отступила на шаг:

– Итак. Думаешь, ты сумеешь ему помочь?

Я с сожалением покачал головой:

– Чейд запечатал самого себя – это похоже на то, как Чивэл запечатал Баррича от действия Силы. Чейд воспользовался Силой Стеди, чтобы сделать это. Если бы мы смогли сломать барьер, то сумели бы использовать нашу объединенную Силу, чтобы помочь его телу исцелиться. Но он отгородился от нас и лишился сознания, а без сознания он не может ни выпустить нас, ни исцелиться самостоятельно.

– Понимаю. И что с ним происходит?

– Он слабеет. Я почувствовал, как убывает его жизненная сила, даже за то короткое время, что провел здесь.

Кетриккен вздрогнула от моих слов, но я знал, что она высоко ценит честность. Бывшая королева развела руками, словно указывая на всех собравшихся:

– Что мы можем сделать?

Заговорил король Дьютифул:

– Почти ничего. Мы можем призвать лекарей обратно, однако они, похоже, способны только пререкаться друг с другом. Один говорит, что надо охладить его при помощи влажных тряпич, другой – зажечь очаг и укрыть одеялами. Один хотел пустить ему кровь. Не думаю, что кто-то из них на самом деле знает, как исцелить такую травму. Если мы ничего не предпримем, подозреваю, Чейд умрет меньше чем через две ночи.

Он снял корону, пробежался пальцами по волосам и снова ее надел чуть набекрень.

– Ох, Чейд... – сказал он с упреком и мольбой и повернулся ко мне. – Фитц, ты уверен, что не получал сообщений на бумаге или посредством Силы, в которых содержался бы намек на то, какой ключ откроет его для нас?

– Никаких сообщений. Вот уже много месяцев.

Кетриккен окинула комнату взглядом:

– Один из нас знает. – Она говорила медленно и уверенно. Она посмотрела на каждого, неспешно и вдумчиво, а потом прибавила: – Сдается мне, это все-таки ты, Фитц.

Вероятно, она была права. Я посмотрел на Седи:

– Как использовать это ключевое слово, если знать его?

Молодой человек выглядел неуверенным.

– Об этом он мне ничего не говорил, но я подозреваю, что слово надо передать при помощи Силы, тогда оно позволит войти.

Сердце мое упало. Неужели и у Баррича было ключевое слово – что-то, что могло бы позволить мне достичь его? Ключ, который Чивэл унес в могилу после своего «несчастливого случая» во время поездки верхом? Мне подурнело при мысли о том, что я мог бы спасти Баррича от смерти, если бы знал этот ключ. Что ж, такое не должно повториться. Кетриккен права. Чейд – слишком умный человек, чтобы запереться на замок, не доверив кому-то из нас ключ.

Я заключил руку Чейда в свои ладони. Посмотрел на его осунувшееся лицо, на губы, чуть подрагивавшие с каждым вздохом. Сосредоточился на нем и снова потянулся к нему с помощью Силы. Моя мысленная хватка была нетвердой, скользила, как будто я пытался схватить стеклянный шар намыленными руками. Я стиснул зубы и сделал то, что он всегда порицал. Я отыскал его при помощи Дара, сосредоточился на животной жизни, на ее токе сквозь тело, а потом вонзил в него Силу, как иглу.

Я начал со списка имен:

Чивэл. Верити. Шрюд. Фаллстар. Видящий. Баррич. Кетриккен.

Я назвал каждого, кто был нам дорог, надеясь хотя бы на судорогу в знак ответа. Ничего не произошло. Под конец я упомянул леди Тайм, лорда Голдена и Проныру.

Потерпев неудачу со списком, я открыл глаза. В комнате вокруг меня было тихо. Король Дьютифул по-прежнему сидел по другую сторону кровати. В окне позади него солнце клонилось к закату.

– Я отослал всех, – тихонько проговорил он.

– У меня ничего не вышло.

– Я знаю. Я слушал.

Воспользовавшись тем, что мы остались наедине, я присмотрелся к своему королю. Они с Неттл были почти одного возраста, и между ними существовало определенное сходство, заметное для сведущего человека. У обоих были темные кудрявые волосы, типичные для Видящих. У нее был прямой нос и решительный рот, как и у него. Но Дьютифул вымахал выше меня, в то время как Неттл была лишь чуть-чуть выше матери. Дьютифул сейчас сидел, сложив руки пирамидкой и кончиками пальцев касаясь рта, взгляд у него был мрачный. Мой король. Третий Видящий король, которому я служил.

Дьютифул встал, со стоном размял спину. Его собака, подражая хозяину, встала и потянулась, низко припав на передние лапы. Он прошел к двери, открыл ее и сказал:

– Еды, пожалуйста. И миску воды для Гонца. И немного хорошего бренди. Две чашки. Передайте матушке, что пока наши действия не возымели успеха. – Он закрыл дверь и повернулся ко мне. – Что? Почему ты улыбаешься?

– Каким же ты стал королем, Дьютифул! Верити бы гордился тобой. Он тоже мог сказать «пожалуйста» слуге, занимающему самое низкое положение, без намека на иронию. Итак. Мы не разговаривали много месяцев. Как тебе корона?

Вместо ответа он ее снял и тряхнул головой. Положил на прикроватный столик Чейда и сказал:

– Иногда кажется тяжелой. Даже эта, а официальная, которую я должен надевать, когда рассматриваю споры, еще хуже. Но кто-то должен ее носить.

Я знал, что он говорит не о весе как таковом.

– А твоя королева и принцы?

– С ними все хорошо. – Он вздохнул. – Она скучает по дому и той свободе, что была у нее, когда она еще не стала королевой Шести Герцогств, а оставалась нарческой. Теперь вот снова отправилась с мальчиками навестить материнский дом. Знаю, это в традиции ее народа, материнская линия имеет главенствующее значение. Но моя мать и Чейд оба считают, что я безумец, раз позволяю так часто рисковать обоими сыновьями в море. – Он печально улыбнулся. – Однако мне по-прежнему тяжело отказывать жене, когда она чего-то желает. И, как она отметила, они в той же степени ее сыновья, как и мои. После того как Проспер прошлой зимой неудачно упал с лошади во время охоты, она сравнила то, что я с ними делаю, с тем, как берет их с собой в путешествие по воде. И она переживает, что так и не родила дочь для своего материнского дома. А ведь мне в каком-то смысле легче из-за того, что у нас только сыновья. Если мне не придется решать, где моя дочь будет расти, я сочту это благословением. Но она волнуется, что вот уже четыре года не беременеет. Вот такие дела.

– Она еще молода, – уверенно сказал я. – Тебе сколько, чуть за тридцать? А она еще моложе. У вас есть время.

– Но у нее было два выкидыша... – Он умолк и уставился на тень в углу. Пес у его ног заскулил и посмотрел на меня с укоризной. Дьютифул наклонился и погладил его. На минуту мы все затихли. Потом, явно меняя тему разговора, король кивком указал на Чейда. – Он тонет, Фитц. Что нам теперь делать?

Нас прервал стук в дверь. На этот раз я поднялся и отправился открывать. Вошел паж, неся поднос с едой. За ним еще трое, один нес графин теплой воды, тазик и полотенца, другой – бренди и чашки. Последней, немного пыхтя от натуги под тяжестью столика, вошла девочка. Дьютифул и я молча ждали, пока нам подготовят трапезу и воду для умывания. Пажи построились, дружно поклонились и подождали благодарностей Дьютифула, прежде чем уйти. Когда дверь закрылась, я взмахом руки указал на столик. Гонец уже был у своей миски и шумно лакал.

– Поедим. Попьем. И попробуем опять, – сказал я королю.

Так мы и сделали.

Глубокой ночью, при свете свечей, я намочил тряпицу и увлажнил губы Чейда. Теперь я чувствовал себя так, словно совершал бдение у смертного одра. Я давно забросил поиски отдельного слова и просто завел с ним длинный разговор обо всем, что помнил с той поры, когда он учил меня быть убийцей. Меня постепенно унесло с рассказа о том, как он учил меня смешивать яды, к нашей сумасбродной поездке к Кузнице. Я прочитал наизусть несколько учебных стишков о целительных свойствах растений. Я вспомнил наши ссоры, а еще минуты, когда мы были наиболее близки, все еще надеясь, что случайное слово окажется ключом. Ничего не сработало. Дьютифул бодрствовал вместе со мной. Другие появлялись и исчезали на протяжении ночи, входя и выходя из комнаты, точно тени, движущиеся вместе с прохождением солнца. Олух посидел с нами немного, бестолково предлагая слова, которые мы уже опробовали. Неттл наведалься в старый кабинет Чейда и перерыла свитки и другие предметы на его столе. Принесла их нам, чтобы изучить. Ни один не дал зацепки. Напрасные часы сдирали с нас надежду, как пропитанную гноем повязку с незаживающей раны. Мой робкий оптимизм сменился желанием, чтобы все закончилось.

– Названия растений мы пробовали?

– Да. Помнишь?

– Нет, – признался Дьютифул. – Я слишком устал. Не могу думать о том, что мы пробовали, а чего не пробовали.

Я положил руку Чейда на медленно вздымавшуюся и опускавшуюся грудь старика и перешел к столику, где в беспорядке громоздились предметы с его рабочего стола. Наполовину сгоревшие свечи озаряли свиток о том, как вложить сообщение в камень с помощью Силы,

свиток об изготовлении сыра и старый пергамент о предсказании будущего по изображению в миске с водой. Вдобавок к этому имелся брусок камня памяти, чистый от каких-либо воспоминаний или сообщений, сломанное лезвие ножа и винный бокал с засушенными цветами в нем. Дьютифул встал и присоединился ко мне.

– Сломанное лезвие? – спросил он.

Я покачал головой:

– Пустяки. Он всегда спешил, пытаясь открыть что-нибудь при помощи ножа. – Я ткнул брусок камня памяти. – Откуда это? С Аслевджала?

Дьютифул кивнул:

– За последние пять лет он совершил несколько путешествий туда. Его в высшей степени интересовало все, что ты ему рассказал о цитадели Кебала Робреда и Элдерлингах, которые ее создали и жили там много веков назад. Никто из нас не одобрял его поисков приключений, но ты же знаешь Чейда. Ему не нужно ничье согласие, кроме собственного. Потом он внезапно перестал туда ездить. Подозреваю, что-то случилось, он испугался и вспомнил о здравомыслии, но никогда об этом не говорил. Наверное, гордость не позволяла ему признаться, ведь тогда кто-то из нас мог бы сказать: «Мы же тебя предупреждали». Во время одного из путешествий на остров он нашел комнату с разбросанными брусками камня памяти и привез обратно небольшой мешок с образцами оттуда. В некоторых нашлись воспоминания, в основном поэзия и песни. Другие оказались пусты.

– И недавно он что-то поместил в один из них и послал тебе.

– Да.

Я уставился на Дьютифула. Он медленно выпрямился, испытывая смятение пополам с облегчением.

– Ох! Так это и есть ключ, верно?

– Ты помнишь, о чем там говорилось?

– Безусловно. – Он подошел к кровати Чейда, присел и взял его за руку, чтобы легче установить связь посредством Силы. Произнес вслух: – Где фиалка на платье у леди цветет, мудрый старый паук ловушку плетет.

Мы оба улыбались. Но когда улыбка на лице Дьютифула поблекла, я спросил его:

– Что не так?

– Никакого ответа. Он все так же невидим для моей Силы.

Я быстро пересек комнату, сел и взял Чейда за руку. Сосредоточился на нем и использовал голос и Силу одновременно:

Где фиалка на платье у леди цветет, мудрый старый паук ловушку плетет.

Ничего не произошло. Рука Чейда безвольно лежала в моей.

– Может, он слишком слаб, чтобы ответить, – предположил Дьютифул.

– Тише.

Я выпрямился и надолго умолк. «Фиалка на платье у леди... Фиалка на платье у леди...» Было в этом что-то, что-то давно забытое. Потом я вспомнил. Статуя в Женском саду. В дальнем углу, под густой сенью сливового дерева. Там, где тени были густыми и холодными даже в разгар лета, стояло изваяние Эды. Богиня сидела, небрежно сложив руки на коленях. Она была там уже давно. Я припомнил маленькие папоротники, проросшие в мшистых складках ее платья. И да, у нее на коленях были фиалки.

– Мне нужен факел. Я знаю, где он спрятал ключ. Я пойду в Женский сад, к статуе Эды.

Чейд внезапно судорожно втянул воздух. На миг я испугался, что это его последний вздох. Потом Дьютифул, оживившись, проговорил:

– Вот и ключ! Старый паук – это Чейд. Эда, в Женском саду.

Когда он произнес имя богини, как будто разошлись тяжелые шторы и Чейд открылся Силе. Дьютифул отправил магический призыв Неттл, Олуху и Стеди, но не стал ждать, пока прибудет остаток королевского круга.

– Ему хватит сил? – резко спросил я, отлично зная, что принудительное исцеление безжалостно выжигает резервы человеческого тела. Сама магия не исцеляет; она всего лишь вынуждает тело ускорить процесс.

– Мы можем позволить, чтобы остаток его сил был медленно поглощен умиранием, или можем сжечь все, пытаясь его исцелить. Что бы ты предпочел на месте Чейда?

Я стиснул зубы и не ответил. Я не знал. Но зато знал, что Чейд и Дьютифул однажды приняли это решение за меня и его последствия все еще сказывались на мне: мое тело рьяно восстанавливалось после любого ущерба, хотел я того или нет. Но разумеется, я могу сделать так, чтобы Чейда не постигла подобная участь: я пойму, когда остановить исцеление. Я пообещал это себе и отказался гадать, что выбрал бы сам Чейд.

Я установил с Дьютифулом крепкую магическую связь, и мы вместе окунулись в Чейда. Я смутно осознавал, что Неттл пришла и присоединилась к нам, а потом появился Олух, растерянный спросонок, но покорный зову, и наконец Стеди влился и прибавил свою Силу к нашим совместным усилиям.

Я был ведущим. Я не был среди них самым могущественным мастером Силы. Им был Олух, чей природный талант прятался за внешностью простофили. За ним шел Стеди, кладезь мощи для мастера Силы, пусть даже сам он не мог проникнуть внутрь и использовать ее по своему усмотрению. Дьютифул был лучше обучен различным видам использования Силы, чем я, а Неттл, моя дочь, владела ею с большим искусством. Но я вел, опираясь на опыт прожитых лет и дорогой ценой полученные знания об устройстве человеческого тела. Сам Чейд обучил меня этим вещам, пусть и не как лекаря, но как ученика убийцы – ведь убийце необходимо знать, где прижать палец, чтобы человек задохнулся, или где вонзить нож так, чтобы с каждым ударом сердца из раны извергался фонтан крови.

Но, несмотря на все это, я не мог «заглянуть» внутрь тела Чейда при помощи Силы. Скорее я прислушался к его телу и почувствовал, где оно пыталось исправить себя. Я наделился эти попытки силой и целью и воспользовался своими знаниями, чтобы применить их там, где нужда была наиболее серьезной. Боль – не всегда лучший указатель ущерба. Сильная боль может обмануть разум, который решит, что она возникла там, где повреждения сильнее всего. И потому, связанные с Чейдом посредством Силы, мы плыли против течения его боли и страха, чтобы увидеть скрытое повреждение внутри его черепа – место, где раньше кровь текла свободно, а теперь ей что-то препятствовало, и она собралась там ядовитым пузырем.

За мной стояла совокупная сила умелого круга, чего я раньше никогда не испытывал. Это было опьяняющее чувство. Я привлек их внимание к тому, что хотел исправить, и они объединили усилия, чтобы убедить тело Чейда сосредоточить там свою энергию. Это было так просто... Передо мной, точно роскошный гобелен, развернулись безграничные возможности, искушая. Что я мог сделать! Я мог переделать человека, вернуть ему молодость! Но тело Чейда не принадлежало мне, чтобы я мог распоряжаться его богатством. У нас Силы хватало с запасом для такого дела, но не у Чейда. И потому, когда я почувствовал, что мы одолжили его телу столько своей магии, сколько оно могло использовать и действенным образом перенаправить, я отвел круг назад, выгнал из плоти Чейда, словно они были стайкой цыплят, забредшей в запретный сад.

Я открыл глаза и увидел темную комнату и встревоженные лица, озаренные свечами. По лицу Стеди текли струйки пота, и воротник его рубашки промок. Он дышал, точно гонец, который только что доставил сообщение по эстафете. Неттл подпирала подбородок обеими руками, растопыренными пальцами обхватив щеки. Олух разинул рот, а мой король покрылся

потом с ног до головы. Я моргнул и почувствовал далекий барабанный бой приближающейся головной боли. Я улыбнулся всем тем, кто помогал мне.

– Мы сделали, что могли. Теперь надо оставить его в покое и позволить телу восстановиться не спеша. – Я медленно поднялся. – Идите. Идите и сейчас же отдохните. Ступайте же. Здесь теперь нам нечего делать. – Я выгнал их из комнаты, не обращая внимания на то, как неохотно они уходили.

Стеди теперь опирался на руку сестры.

– Покорми его, – шепнул я, когда они проходили мимо, и моя дочь кивнула.

– Ага, – от всего сердца согласился Олух и последовал за ними.

Только Дьютифул осмелился воспротивиться мне и снова сел рядом с кроватью Чейда. Пес зевнул и упал на пол у ног короля. Я покачал головой, глядя на них, сел на свое место и, забыв отданные кругу приказы, потянулся к сознанию Чейда:

Чейд?

Что случилось? Что случилось со мной? – Его разум был растерян и блуждал в потемках.

Ты упал и ударился головой. Потерял сознание. И поскольку ты запечатал себя от Силы, нам пришлось попотеть, чтобы добраться до тебя и исцелить.

Я ощутил его мгновенную панику. Он потянулся к своему телу, как человек, который охлопывает карманы, чтобы убедиться, что его не ограбил какой-нибудь воришка. Я знал, что он обнаружил следы, оставленные нами, и что они обширны.

Я очень ослабел. Я почти умер, верно? Дай воды, пожалуйста. Почему вы позволили мне уйти так глубоко?

От его укора я на миг разозлился, но сказал себе, что сейчас не время для обид. Поднес чашку к губам Чейда, одновременно приподняв ему голову. Не открывая глаз, он слабо коснулся губами края чашки и шумно всосал воду. Я снова наполнил чашку, и на этот раз он пил медленнее. Когда Чейд отвернулся от нее, давая понять, что выпил достаточно, я поставил чашку на столик и спросил:

– Почему ты повел себя так бестолково? Даже не сообщил никому из нас, что запечатал себя от воздействия Силы. И зачем вообще ты это сделал?

Он был все еще слишком слаб, чтобы ответить вслух. Я снова взял его за руку, и его мысли коснулись моих:

Защищал короля. Я знаю слишком много его секретов. Слишком много секретов Видящих. Не могу оставлять такую щель в доспехах. Все круги следует запечатать.

Тогда как мы сможем общаться друг с другом?

Защита действует только во сне. Бодрствуя, я бы почувствовал, кто ко мне тянется.

Ты не спал. Ты был без сознания и нуждался в нас.

Маловероятно. Просто... немного не повезло. И даже если так... ты пришел. Ты разгадал загадку.

Его мысли таяли. Я знал, как он устал. Мое собственное тело взывало ко мне об отдыхе. Магия Силы – тяжелый труд. Такой же выматывающий, как охота. Или бой. Это и был бой, верно? Вторжение в личные владения Чейда...

Я вздрогнул и проснулся. Я все еще держал руку Чейда в своей, но теперь он погрузился в глубокий сон. Дьютифул, распростершись в своем кресле по другую сторону кровати, тихонько похрапывал. Его пес поднял голову и на миг уставился на меня, а потом снова опустил ее на передние лапы. Мы все были без сил. При свете догорающих огарков свечей я изучил изнуренное лицо Чейда. Он выглядел так, словно постился много дней. Лицо так исхудало, что были видны кости черепа. Рука, которую я все еще держал, была связкой костей в мешке из кожи. Он будет жить, но ему придется много дней восстанавливать свое тело и силы. Завтра им овладеет ненасытный голод.

Я со вздохом откинулся на спинку, но спина ныла после сна в кресле. Ковры на полу комнаты выглядели толстыми и манящими. Я вытянулся возле кровати Чейда, точно верный пес. И уснул.

Я проснулся оттого, что Олух наступил мне на руку. Я подскочил, выругавшись, и чуть не выбил поднос у него из рук.

– Нельзя спать на полу! – упрекнул он меня.

Я сел, сжимая пострадавшие пальцы другой рукой. Возразить Олуху мне было нечего. С трудом поднявшись, я рухнул в знакомое кресло. Чейда уже успели немного приподнять в постели. Старик был худ как скелет, и ухмылка на его изможденном лице при виде моего неудобства выглядела жутковато. Кресло Дьютифула пустовало. Олух устраивал поднос на коленях Чейда. Я унюхал чай с печеньями и подогретым джемом. В миске на подносе были яйца всмятку с небольшим количеством масла, сдобренные солью и перцем, бок о бок с рядком толстых ломтей бекона. Мне захотелось броситься на еду и все съесть. Думаю, это отразилось на моем лице, потому что костлявая усмешка Чейда сделалась шире. Он не заговорил, но взмахом руки отпустил меня.

В былые времена я бы первым делом отправился на кухню. Мальчишкой я был любимчиком поварахи. Сделавшись юношей, а затем и молодым мужчиной, я стал есть со стражниками в их шумной и неопрятной столовой. Теперь я связался с Дьютифулом при помощи Силы и спросил, поел ли он. Меня немедленно пригласили присоединиться к нему и королеве-матери в их личных покоях. Я пошел, предвкушая еду и хорошую беседу в придачу.

Кетриккен и Дьютифул меня ждали. Кетриккен, верная традициям Горного Королевства, встала рано и уже слегка перекусила. И все же она сидела с нами за одним столом, и перед ней исходила паром чашка с прозрачным чаем. Дьютифул был столь же голоден, как и я, и устал сильнее, потому что пробудился раньше, чтобы поделиться с матерью подробностями об исцелении Чейда. Прибыл маленький караван пажей с едой. Они накрыли на стол, Дьютифул отпустил их, и дверь закрылась, оставив нас в относительном уединении. Не считая утреннего приветствия, Кетриккен хранила молчание, пока мы наполняли свои тарелки, а потом и животы.

Когда мы опустошили первые блюда, Дьютифул начал говорить, иногда с набитым ртом, а я продолжал есть. Лекари навестили лорда Чейда, пока я спал. Они были в ужасе от того, как он похудел, но его аппетит и вспыльчивость убедили их в том, что он поправится. Король запретил Седи одалживать Чейду силы, если он снова попытается запечатать себя. Дьютифул надеялся, что этого хватит для предотвращения будущих несчастных случаев. Втайне от него я подозревал, что Чейд всегда сможет отыскать способ подкупить или обмануть Олуха, чтобы тот ему помог.

Когда мы начали есть помедленнее и Кетриккен в третий раз наполнила наши чашки чаем, она тихонько проговорила:

– И опять, Фитц Чивэл, ты ответил на наш отчаянный зов. Видишь, как сильно мы по-прежнему нуждаемся в тебе. Знаю, ты теперь наслаждаешься своей спокойной жизнью, и я не стану подвергать сомнению то, что ты ее заслужил. Но я попрошу тебя подумать о том, чтобы проводить, быть может, один месяц каждого времени года здесь, в Оленьем замке, с нами. Уверена, леди Молли понравится быть ближе к Неттл и Седи на протяжении этого времени. Свифт тоже часто бывает здесь наездами. Она, наверное, скучает по сыновьям, а я знаю, что мы бы с удовольствием приняли тебя здесь.

Это был старый разговор. Мне делали это предложение множество раз, во всевозможных формах. Нам обещали комнаты в замке, милый дом на скалах, с удивительным видом на воды внизу, уютный коттедж на краю овечьих лугов, а теперь предлагали гостить здесь четыре раза в год. Я улыбнулся им обоим. Они прочли ответ в моих глазах.

Для меня вопрос заключался не в том, где я жил. Я просто не желал каждодневной близости с политикой, без которой не обходилась жизнь любого Видящего. Дьютифул ранее высказал мнение, что прошло достаточно времени, чтобы лишь малое количество людей заметило чудесное воскрешение из мертвых Фитца Чивэла Видящего, какой бы позор в прошлом ни навлекли на меня. Я в этом сомневался. Но, даже будучи скромным помещиком Томом Баджерлоком, даже в качестве лорда Баджерлока, как они предлагали, я не хотел снова отправляться в плавание по этим водам. Их течения неизбежно утопили бы меня, увлекли прочь от Молли и затащили в политику Видящих. Дьютифул и Кетриккен это понимали так же отчетливо, как я.

И потому я лишь сказал:

– Если я вам срочно понадоблюсь, то всегда приду. Я доказывал это раз за разом. И если уж пришлось использовать монолиты, чтобы быстро добраться сюда, если будет нужда, я, вероятно, сделаю это опять. Но не думаю, что когда-нибудь снова поселюсь в замке или стану советником при троне.

Кетриккен, похоже, хотела что-то ответить, но Дьютифул тихонько сказал:

– Мама.

Это был не упрек. Может, напоминание, что по этой тропе мы уже ходили. Кетриккен посмотрела на меня и улыбнулась.

– Очень мило с вашей стороны пригласить меня, – сказал я ей. – Мне правда приятно. Если бы вы этого не сделали, я бы испугался, что теперь вы считаете меня бесполезным.

Она ответила мне улыбкой, и мы закончили трапезу. Когда мы вставали, я сказал:

– Я собираюсь навестить Чейда и, если увижу, что за него можно не беспокоиться, хочу отправиться в Ивовый Лес сегодня.

– Через камни? – спросила Кетриккен.

Я отчаянно хотел оказаться дома. Может, поэтому мысль о камнях искушала меня? Или меня манил быстрый и могучий ток Силы, скрывающийся за их резными поверхностями? Король и его мать внимательно смотрели на меня. Дьютифул негромко проговорил:

– Помни, что тебе сказал Черный Человек. Использовать монолиты слишком часто в течение недолгого времени опасно.

Я знал это и без него. Воспоминание о потерянных внутри монолита неделях заставило меня содрогнуться. Я чуть тряхнул головой, с трудом понимая, как я вообще задумался о том, чтобы использовать порталы Силы для возвращения домой.

– Могу я одолжить лошадь?

Дьютифул улыбнулся:

– Ты можешь взять себе любую лошадь в конюшне, Фитц. Ты это знаешь. Выбери хорошую, чтобы прибавить ее к своему табуну.

Я впервые услышал об этом, но не мог не оценить такой жест по достоинству.

Было уже за полдень, когда я отправился навестить старика. Чейд полулежал, опираясь на множество бархатных подушек всех оттенков зеленого. Полог его кровати был раздвинут и закреплен тяжелыми шнурами из витого шелка. Шнурок звонка поместили в пределах досягаемости больного, как и прикроватный столик с миской оранжерейных фруктов. Там были и незнакомые мне плоды и орехи – доказательство нашей оживленной торговли с новыми партнерами с юга. Волосы старика недавно расчесали и стянули в воинский хвост. Когда я впервые повстречался с Чейдом, в этом хвосте посверкивали серые пряди; теперь он ровно серебрился. Лиловый отек и синяк исчезли, оставив после себя лишь желтовато-коричневые тени. Его зеленые глаза были яркими, как полированный нефрит. Но эти признаки здоровья не могли восстановить плоть, потерянную из-за нашего принудительного исцеления. Он выглядит, подумал я, как весьма довольный жизнью скелет. Чейд читал какой-то свиток и отложил его, когда я вошел.

– Что это на тебе надето? – с любопытством спросил я.

Он окинул себя взглядом без тени неловкости.

– Кажется, это называется «ночная кофта». Подарок от джамелийской аристократки, которая прибыла вместе с торговым караваном несколько месяцев назад. – Он провел пальцами по рукаву, богато изукрашенному вышивкой. – Вообще-то, очень удобно. Она предназначена для того, чтобы согревать плечи и спину, если хочешь оставаться в постели и читать.

Я подтащил к его кровати табурет и сел:

– Похоже, у этого предмета одежды весьма узкое назначение.

– В этом он очень джамелийский. Ты знал, что они надевают особую одежду, когда молятся своему двуликому божеству? У нее нет переда или спинки, ее надевают одной стороной вперед, если о чем-то просят мужской аспект, или другой, если молятся женскому аспекту. И... – он прямее сел в постели, его лицо оживилось, как случалось каждый раз, когда он оседлывал какого-нибудь любимого конька, – если женщина ждет ребенка, она носит одну одежду, чтобы родился мальчик, и другую – чтобы родилась девочка.

– И это помогает? – Мне не верилось.

– Считается, что да, но не во всех случаях. А что? Вы с Молли все еще пытаетесь зачать ребенка?

С тех пор как Чейд узнал о моем существовании, он отказывался признавать, что какие-то стороны моей жизни его не касаются. И так будет всегда. Было проще ответить, чем упрекнуть его за вмешательство не в свое дело.

– Нет. Мы уже оставили надежду. Ее детородные годы далеко позади. Неттл останется нашей единственной дочерью.

Его лицо смягчилось.

– Мне жаль, Фитц. Мне говорили – ничто не делает жизнь человека такой полной, как дети. Знаю, что ты хотел...

Я перебил:

– Мне довелось вырастить Неда. Лыцу себя надеждой, что справился неплохо для мужчины, заботам которого без предупреждения поручили восьмилетнего сироту. Он все еще поддерживает со мной связь, насколько это позволяют его путешествия и менестрельские дела. Неттл выросла хорошей, и Молли разделила со мной всех своих младших детей. Хирс и Джаст мужали у меня на глазах, и мы наблюдали, как они вместе уезжают. Это были хорошие годы, Чейд. Что проку тосковать по несбывшемуся? У меня есть Молли. И по правде говоря, мне ее достаточно. Она мой дом.

Последними словами я успешно опередил Чейда, не дав ему предложить немного задержаться или переехать обратно в замок всего лишь на сезон или на год-два. Его однообразные просьбы были столь же знакомыми, что и речи Кетриккен, с той лишь разницей, что он давил на совесть, а не на чувство долга. Чейд был старым человеком и все еще мог многому меня научить. Я всегда был его самым многообещающим учеником. Дьютифулу по-прежнему требовался вышколенный убийца, а я был уникальным оружием в том смысле, что молодой король мог общаться со мной безмолвно, посредством Силы. И была еще Сила как таковая. Столько неразгаданных загадок. Столько непереуловленного, столько новых секретов и техник, которые можно было почерпнуть из клада со свитками, добытого нами на Аслевджале...

Я знал все его доводы и уговоры наизусть. За годы слышал их все. И выстоял. Но игру надо было продолжать. Таков был наш прощальный ритуал, входили в него и новые поручения Чейда.

– Что ж, если ты не останешься и не займешься со мной делом, – сказал он, как будто мы уже все обсудили, – тогда, быть может, хотя бы заберешь с собой часть?

– Как обычно, – заверил я.

Он улыбнулся:

– Леди Розмари упаковала для тебя несколько свитков и договорилась на конюшне о муле, чтобы их перевезти. Она собиралась сложить их в сундук, но я ей сказал, что ты отправишься верхом.

Я молча кивнул. Прошли годы с той поры, как Розмари заняла мое место в качестве ученицы Чейда. Она служила ему вот уже двадцать лет, выполняя «тихую работу» убийцы и шпионки при королевской семье. Нет. Еще дольше. Я рассеянно спросил себя, не взяла ли она теперь собственного ученика.

Но голос Чейда вернул меня к действительности: старик начал перечислять, какие травы и корни я должен втайне достать для него. Потом опять вернулся к своей идее о том, что королю следует поселить в Ивовом Лесу ученика мастера Силы, чтобы обеспечить быструю связь с Оленьим замком. Я напомнил ему, что могу обеспечить это сам, не привечая в своем доме шпиона. Он улыбнулся в ответ и увлек меня в беседу о том, как часто можно пользоваться монолитами и насколько это безопасно. Как единственный живой человек, который заблудился в камнях и выжил, я был более склонен к осторожности, чем экспериментатор Чейд. На этот раз, по крайней мере, он не подвергал сомнениям мою точку зрения.

Я прочистил горло:

– Секретное ключевое слово – плохая идея, Чейд. Если ты в нем нуждаешься, пусть его запишут и поместят под охрану короля.

– Все записанное можно прочитать. Все спрятанное можно отыскать.

– Это правда. Вот тебе еще одна правда: если кое-кто умрет, то уже не оживет.

– Я хранил верность Видящим всю свою жизнь, Фитц. Лучше мне умереть, чем допустить, чтобы меня использовали в качестве оружия против короля.

Мне было неприятно с этим соглашаться. И все же...

– Тогда, следуя твоей логике, каждого члена круга следует запечатать. Каждого – отдельным словом, скрытым в загадке.

Его руки, большие и все еще проворные, пробрались вдоль края покрывала, точно два костяных паука.

– Так было бы лучше всего, да. Но пока я сумею убедить остальных членов круга в том, что это необходимо, приму меры, чтобы защитить от тлетворного влияния самого ценного члена круга.

Чейд никогда не страдал от избытка скромности.

– Выходит, этот член – ты.

– Разумеется.

Я выразительно уставился на него. Он возмутился:

– Что? Ты не согласен? Знаешь, сколько секретов мне доверила семья? Сколько сведений относительно семейной истории и родословной, сколько знаний о Силе сейчас находятся только в моем разуме да в нескольких гниющих свитках, которые большей частью почти невозможно прочитать? Представь себе, что я окажусь под чьим-то влиянием. Представь, что кто-то похитит эти секреты из моего разума и использует их против Видящих.

Я похолодел, осознавая, что он абсолютно прав. Я ссутулился и погрузился в раздумья.

– Ты можешь просто сказать мне слово-ключ и поверить, что я сохраню его в тайне? – Я уже смирился с тем, что он разыщет способ повторить содеянное.

Чейд слегка подался вперед:

– Ты согласишься запереть свой разум при помощи Силы?

Я поколебался. Мне не хотелось идти на это. Я слишком живо помнил, как умер Баррич, отгороженный печатью от любых попыток его спасти. И как едва не умер Чейд. Я всегда полагал, что, имея выбор между исцелением при помощи Силы и смертью, выберу смерть. Вопрос Чейда заставил меня посмотреть правде в глаза: я хотел оставить за собой выбор. А сохранить

возможность выбора скорее получится, если мой разум не будет отгорожен от тех, кто мог бы меня спасти.

Чейд прочистил горло:

– Что ж, пока ты не решишься, я буду поступать, как сочту наилучшим. Полагаю, ты тоже.

Я кивнул:

– Чейд, я...

Он пренебрежительно махнул рукой и сердито проговорил:

– Я все знаю, мальчик. И буду вести себя осторожнее. Займись этими свитками, как только сможешь, хорошо? Перевод сложный, но тебе вполне по силам. А теперь мне надо отдохнуть. Или поесть. Не могу понять, проголодался ли я или еще сильнее устал. Это исцеление Силой... – Он покачал головой.

– Знаю, – напомнил я ему. – Я верну каждый свиток, как только переведу. И сохраню копию в тайнике в Ивовом Лесу. Тебе надо отдохнуть.

– Я отдохну, – пообещал Чейд.

Он откинулся на свои многочисленные подушки и закрыл глаза в изнеможении. Я тихонько выскользнул из комнаты. И еще до захода солнца преодолел немалую часть пути домой.

4. Меры предосторожности

Я не знал своего отца, покуда не прибыл в Олений замок. Мать моя была пехотинцем в армии Видящих на протяжении тех двух лет, пока силы Шести Герцогств были собраны на границе Фарроу и Калсиды. Звали ее Гиацинт Фаллстар. Ее родители были фермерами. В год удушающей лихорадки они оба умерли. Моя мать не сумела одна содержать ферму и потому сдала землю кузенам, а сама отправилась в Притопье, искать счастья. Там она стала солдатом герцогини Эйбл из Фарроу. Обучилась владению мечом и показала к этому природную склонность. Когда в приграничье разразилась война и король Шести Герцогств сам прибыл, чтобы вести войска в битву, она была там. Она оставалась с отрядами на калсидской границе, пока армию завоевателей не отбросили на их собственную территорию и не установили новую границу.

Вернувшись на ферму в Фарроу, она родила меня. Человек по имени Роган Хардхэндз последовал за ней на ферму, и она взяла его в мужья. Он служил в армии вместе с ней. Он ее любил. Ко мне, ее сыну-ублюдку, в котором не было его крови, он был не очень-то благосклонен, и я рьяно отвечал ему тем же. И все же мы оба любили мою мать, а она любила нас, так что я буду говорить о нем справедливо. Он ничего не смыслил в фермерстве, но пытался быть полезным. Он был моим отцом до того дня, когда моя мать умерла, и, хотя он был черствым человеком, считавшим меня лишь обузой, видал я отцов куда хуже. Он делал то, что, по его мнению, должен делать отец с сыном: научил меня подчиняться, трудиться как следует и не спорить со старшими. Более того, он трудился изо всех сил бок о бок с моей матерью, чтобы заработать денег и отправить меня к местному писарю учиться читать и писать – сам он этими навыками не владел, но мать считала их жизненно важными. Не думаю, что он когда-нибудь размышлял о том, любит меня или нет. Он делал то, что считал правильным. Я его ненавидел, разумеется.

Но в те последние дни жизни моей матери скорбь нас объединила. Ее смерть потрясла нас обоих, ибо никуда не годная и дурацкая судьба постигла эту сильную женщину. Взбираясь на чердак коровника, она поскользнулась на старой лестнице, и глубоко в ее запястье вонзилась щепка. Мать ее вытянула, и рана почти не кровоточила. Но на следующий день вся рука распухла, а на третий день она умерла. Вот так быстро все случилось. Вместе мы ее похоронили. На следующее утро он посадил меня на мула, дал мешочек с поздними яблоками, сухим печеньем и двенадцатью полосками вяленого мяса. Еще он дал мне две серебряные монеты и велел не сходить с Королевского тракта, который в конце концов приведет к Оленьему замку. В руки мне он вложил свиток, весьма потрепанный, и наказал отдать королю Шести Герцогств. Я не видел этого свитка с того дня, как передал его из рук в руки королю. Знаю, что Роган Хардхэндз был неграмотным. Наверное, его написала моя мать. Я прочел лишь одну строчку, что была снаружи: «Пусть это откроет лишь король Шести Герцогств».

Чейд Фаллстар, «Мои ранние годы»

Вторжение Чейда было подобно шепоту на ухо. Только вот шепот не разбудил бы меня. Нельзя перевернуться на другой бок и заснуть снова, если в твой разум вторгаются посредством Силы.

Ты когда-нибудь жалел о том, что все записал, Фитц?

Чейд никогда не спал. Так было, когда я был парнишкой, а сейчас мне казалось, что чем старше он становился, тем меньше времени ему требовалось на сон. В итоге он предполагал, что я никогда не сплю, и, если я дремал после тяжелого дня физического труда и мой разум не прикрывали крепкие стены, Чейд норовил ворваться в мои сонные мысли с той же бесцеремонностью, с какой входил в мою спальню в Оленьем замке. Когда я был мальчишкой, он просто открывал потайную дверь в моей комнате, спустившись по секретной лестнице из своего логова на башне. Теперь, спустя целую жизнь и на расстоянии многих дней пути, он мог входить в мои мысли. Сила, думал я втайне, воистину чудесная магия, но с ее помощью старик способен сделаться невероятно назойливым.

Я заворочался в кровати, не понимая, где я и что со мной. Голос Чейда всегда звучал в моих мыслях гулко, с теми же командными и нетерпеливыми интонациями, как в те времена, когда я был мальчишкой, а он – куда более молодым человеком и моим наставником. Но это происходило не только из-за силы его слов. Магический контакт наших разумов позволял мне чувствовать отголоски его мнения обо мне. Неттл однажды восприняла меня в большей степени как волка, чем как человека, и до сих пор, когда мы разговаривали при помощи Силы, видела во мне дикого и опасного зверя. А для Чейда я так и остался двенадцатилетним учеником, полностью в его распоряжении.

Я собрал свою Силу и ответил ему:

Я спал.

Но ведь еще совсем рано!

Я почувствовал обстановку вокруг Чейда. Уютная комната. Он откинулся на спинку мягкого кресла, глядя на слабый огонь в очаге. Возле его локтя столик, красное вино в изящном бокале распространяет аромат, а в камине горят яблоневые дрова. Как не похоже на мастерскую убийцы над моей мальчишеской спальней в Оленьем замке... Тайный шпион, служивший королевской семье Видящих, теперь был уважаемым престарелым государственным мужем, советником короля Дьютифула. Не наскучила ли ему эта новая респектабельность? Не утомила, это уж точно!

Совсем рано для тебя, старик. Но я сегодня вечером провел много часов над бухгалтерскими книгами Ивового Леса, а завтра надо встать на рассвете, чтобы отправиться на рынок в Дубы-у-воды и поговорить с покупателем шерсти.

Нелепость! Что ты знаешь о шерсти и овцах? Пошли кого-нибудь из твоих овцепасов, чтобы поговорил с ним.

Не могу. Это моя забота, не их. И вообще-то, я много чего успел узнать об овцах и шерсти, пока живу здесь.

Я осторожно отодвинулся от Молли, прежде чем выбраться из-под одеяла и ногой нащупать рубаху, которую бросил на пол. Нашел, подкинул, поймал и натянул через голову. Бесшумно ступая, пересек погруженную во тьму комнату.

Я не говорил вслух, мне не хотелось потревожить Молли. В последнее время она плохо спала, и несколько раз я застал ее разглядывающей меня, словно из любопытства, с улыбкой на лице. Что-то занимало ее мысли днем и не давало покоя ночью. Я жаждал узнать ее секрет, но не рисковал давить на нее. Когда будет готова, она поделится со мной. По крайней мере, сегодня она спала крепко, и я был этому рад. Жизнь была тяжелей для моей Молли, чем для меня; ноющие и острые боли терзали ее стареющее тело, в то время как мне не приходилось платить такую цену. «Несправедливо», – подумал я и, выскользнув из нашей спальни в коридор, изгнал эту мысль.

Слишком поздно.

Молли нездоровится?

Она не больна. Просто годы берут свое.

Чейд, похоже, удивился:

Ей не обязательно страдать от болей. Круг будет рад помочь с маленькой перестройкой ее тела. Речь не о больших изменениях, просто...

Она не потерпит такого, Чейд. Мы об этом говорили, и таково было ее решение. Она справится со старением на своих условиях.

Как пожелаешь. – Я чувствовал, что он считает глупым мое невмешательство.

Нет. Как пожелает Молли.

Сила действительно могла покончить со многими ее недугами. Сам я иной раз отправлялся в постель с приступами ревматизма, но к утру был совершенно здоров. Платить за эти маленькие исцеления приходилось тем, что ел я как портовый грузчик. В самом деле, ерундовая цена.

Но ты прервал мой крепкий сон не ради того, чтобы поговорить о здоровье Молли. С тобой все хорошо?

Неплохо. Все еще набираю вес после исцеления Силой. Но поскольку это исцеление заодно побороло и множество других мелких недугов, я по-прежнему считаю, что сделка была хорошей.

Я шел по темным коридорам со стенами, обшитыми деревянными панелями, удаляясь от наших удобных покоев в главном здании. Я направлялся в западное крыло, ныне почти заброшенное. Жильцов в нашем особняке становилось все меньше, а для нас с Молли и наших редких гостей вполне хватало и главного здания. Западное крыло было самой старой частью особняка, зимой там царил холод, а летом – прохлада. С той поры как мы закрыли большую его часть, оно превратилось в последнее пристанище для скрипучих стульев, шатких столов и всего, что Ревел счел слишком обветшалым для ежедневного использования, но все еще слишком хорошим, чтобы выбросить. Поеживаясь от холода, я быстро прошел по темному коридору, открыл узкую дверь и во мраке спустился на один пролет по лестнице для слуг. Перешел в куда более узкий коридорчик, легко касаясь пальцами стены, а потом открыл дверь в свой личный кабинет. Несколько углей еще моргали в очаге. Я прошел мимо стеллажей со свитками и присел у огня, чтобы зажечь от углей свечу. Отнес ее к своему столу и одну за другой зажег несколько тонких свечек в канделябрах. На столе лежал перевод, которым я занимался минувшим вечером. Я сел в кресло и широко зевнул.

К делу, старик.

Я и правда разбудил тебя не для того, чтобы поговорить о Молли, – признал он, – хотя я беспокоюсь о ее здоровье, потому что оно влияет на твое счастье и сосредоточенность Неттл. Я разбудил тебя, чтобы задать вопрос. Все твои журналы и дневники, написанные на протяжении многих лет... ты когда-нибудь жалел о том, что сделал все эти записи?

Я ненадолго задумался. Неровно горящие свечи бросали легкомысленные отблески на края нагруженных свитками стеллажей позади меня. Многие из накрученных на стержни свитков были старыми, кое-какие просто древними. Их края истрепались, пергамент покрывали пятна. Теперь я делал копии на хорошей бумаге, часто переплетал их вместе со своими переводами. Сохраняя то, что было написано на ветшающем пергаменте, я получал удовольствие от работы, а Чейд все еще считал это дело моим долгом перед ним.

Но Чейд говорил не об этих записях. Он намекал на мои многочисленные попытки написать хронику собственной жизни. Я видел много перемен в Шести Герцогствах с той поры, как появился в Оленьем замке в качестве королевского бастарда. На моих глазах мы превратились из изолированного и, как сказали бы некоторые, отсталого королевства в могущественную торговую державу. За годы, что прошли между тем и этим, я стал свидетелем предательства, порожденного злом, и верности, оплаченной кровью. Я видел, как убили короля, и в качестве убийцы свершил свое возмездие. Я не единожды жертвовал жизнью и смертью ради своей семьи. У меня на глазах умирали друзья.

Были периоды в моей жизни, когда я пытался записать все, что видел и делал. И довольно часто мне приходилось поспешно уничтожать эти записи, когда я боялся, что они попадут не в те руки. Я поморщился, подумав об этом.

Я сожалел о времени, потраченном на эти записи, лишь когда мне приходилось их жечь. Досадно долгими часами корпеть над записями только для того, чтобы они за минуты превратились в пепел.

Но ты всегда начинал заново, – заметил он.

Я чуть не рассмеялся вслух.

Начинал. И каждый раз оказывалось, что история изменилась сообразно тому, как изменились мои взгляды на жизнь. Было несколько лет, когда я воображал себя настоящим героем, а в другое время думал, что родился под несчастливой звездой, что жизнь несправедливо меня потрепала.

Я ненадолго отвлекся, погружившись мыслями в прошлое. На глазах у всего двора я гнался за убийцами моего короля по Оленьему замку. Отважно. Глупо. По-дурацки. Так было нужно. Я не мог сосчитать, сколько раз менял мнение об этом случае за все годы.

Ты был молод, – предположил Чейд. – Молод и полон праведного гнева.

Я испытывал боль, был убит горем, – уточнил я. – Сильно устал оттого, что все мои планы рушились. Устал от необходимости следовать правилам, когда никто другой их не соблюдал.

И это тоже, – согласился он.

Внезапно мне расхотелось думать о том дне – о том, кем я был и что сделал, но главное – о том, почему я это сделал. Это было в другой жизни, которая уже не могла меня тронуть. Старые обиды больше не причиняли мне боль. Или причиняли?

Я вернул Чейду вопрос:

Почему ты спрашиваешь? Собираешься написать воспоминания о собственной жизни?

Возможно. Будет занятие на время выздоровления. Думаю, теперь я чуть лучше понимаю, почему ты предостерегал нас по поводу исцелений Силой. Клянусь яйцами Эля, мне понадобилось слишком много времени, чтобы снова почувствовать себя самим собой. Одежда висит на мне, так что я почти стыжусь показываться людям на глаза. Ковыляю, как человек из палочек. – Я почувствовал, как Чейд резко меняет тему разговора, словно поворачиваясь ко мне спиной. Он никогда не признавал своих слабостей. – Когда ты все записывал, почему ты начинал этим заниматься? Ты всегда все записывал.

Легкий вопрос.

Это из-за Федврена. И леди Пейшенс.

Писарь, который меня учил, и женщина, которая хотела бы стать моей матерью.

Они оба часто говорили, что кто-то должен написать упорядоченную историю Шести Герцогств. Я решил, будто их слова означают, что это выпало сделать мне. Но каждый раз, когда я пытался писать о королевстве, в конце концов оказывалось, что я пишу о самом себе.

Кто, по-твоему, мог бы это прочитать? Твоя дочь?

Еще одна старая рана. Я ответил честно:

Поначалу я не думал о том, кто может это прочитать. Я все писал для себя, как будто просто для того, чтобы лучше разобраться в случившемся. Все старые сказки, известные мне, имели смысл; добро побеждало, или, возможно, герой трагически погибал, но чего-то добивался своей смертью. И я записывал свою жизнь как сказку, искал для нее счастливый конец. Или смысл.

И вновь мысли мои разбрелись. Я вернулся на много лет назад, к мальчику, который учился ремеслу убийцы ради служения семье, хоть и знал, что эта семья никогда не признает родства с ним. К воину, который с топором в руках сражался против завоевателей, прибывших на кораблях. К шпиону, который служил своему отсутствующему королю, когда вокруг воца-

рился хаос. Я спросил себя: был ли это я? Так много жизней прожито. Так много имен я носил. И всегда, всегда желал другой жизни.

Я снова потянулся к Чейду:

Все те годы, пока я не мог поговорить с Неттл или Молли, я иногда обещал самому себе, что однажды они смогут все прочесть и понять, почему я не был с ними. Даже если бы я никогда к ним не вернулся, возможно, однажды они бы узнали, что я всегда хотел это сделать. Так что сначала, да, это было что-то вроде длинного письма к ним, объясняющего, что держало меня вдали от них.

Я укрепил свои стены, не желая, чтобы Чейд почуял мою тайную мысль о том, что я, возможно, был не так уж честен в тех ранних попытках, как мог бы. Я был молод, я нашел для себя оправдания, и кто бы не представил себя в лучшем свете из возможных, записывая историю для любимого человека? Или извиняясь перед тем, с кем был несправедлив. Я отбросил эту мысль и адресовал вопрос Чейду:

А ты для кого бы написал свои мемуары?

Его ответ меня удивил до глубины души:

Возможно, со мной все обстоит так же. – Он помедлил, а когда заговорил опять, я почувствовал, что мой бывший наставник передумал о чем-то мне рассказывать. – Возможно, я пишу их для тебя. Ты настолько близок к тому, чтобы быть моим сыном, что прочее для меня не имеет значения. Возможно, я хочу, чтобы ты узнал, каким я был в молодости. Возможно, я хочу объяснить, почему направил твою жизнь в то русло, в какое направил. Может, я хочу оправдаться перед тобой за те свои давние решения.

Сказанное потрясло меня, и не потому что Чейд заговорил обо мне как о сыне. Неужели он искренне верил, что я не знал и не понимал, что им двигало, когда он меня учил и давал мне поручения? Хотел ли я объяснений? Скорее, нет. Я защитил свои мысли, размышляя над ответом. Потом я почувствовал его тихий и беззлобный смех. Выходит, это была проверка?

Ты считаешь, что я недооцениваю Неттл. Она бы не захотела, чтобы я перед ней полностью раскрылся, – заметил я.

Верно. Однако я понимаю тягу к тому, чтобы объяснить свое поведение. Что для меня сложнее понять, так это то, как ты заставил себя сесть и взяться за дело. Я пытался, потому что думаю, что мне нужно это сделать, в большей степени для себя, чем для того, кто придет после меня, кем бы он ни оказался. Может, как ты выразился, чтобы как-то упорядочить свое прошлое или придать ему смысл. Но это трудно. Что мне записать, о чем умолчать? Где моя история начинается? О чем надо рассказать в первую очередь?

Я улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

Я обычно начинаю с чего-то другого, а в конце концов оказывается, что пишу о себе. – Меня вдруг посетило внезапное озарение. – Чейд, вот о чем я бы хотел узнать – не для того, чтобы что-то объяснить, просто мне всегда было интересно. Ты кое-что о своей жизни мне рассказал. Но... кто решил, что ты станешь королевским убийцей? Кто был твоим учителем?

Подул холодный ветер, и на миг я почувствовал себя так, словно меня безжалостно душили. Ощущение пропало так же внезапно, как появилось, но я почувствовал, как Чейд спешно воздвиг стену. За ней таились темные, жестокие воспоминания. Неужели наставник Чейда вызывал у него такой же ужас и страх, как Гален – у меня? Гален был больше заинтересован в том, как бы потихоньку меня убить, а не обучить Силе. И так называемый мастер Силы почти преуспел. Под предлогом создания нового круга Силы для короля Верити, чтобы помочь ему противостоять пиратам красных кораблей, Гален избивал и унижал меня и почти убил мой магический талант. И он подорвал верность круга истинному монарху Видящих. Гален был орудием королевы Дизайер, а потом и принца Регала, которые пытались избавиться

от бастарда-Видящего и посадить Регала на трон. То были темные дни. Я знал, что Чейд понимает, куда унеслись мои мысли. Я признался ему в этом, надеясь, что он немного раскроется:

Да уж. Об этом «старом друге» я не думал много лет.

Едва ли он друг. Но раз уж мы вспомнили о старых друзьях, не получал ли ты недавно весточки от своего давнего приятеля? Шута?

Намеренно ли он так резко сменил тему, пытаясь застичь меня врасплох? Это сработало. Я спрятал от него свои чувства, хоть и понимал, что это само по себе подскажет старому убийце все, что я пытаюсь скрыть. Шут. Я уже много лет ничего о Шуте не слышал.

Я обнаружил, что гляжу на последний подарок, сделанный мне Шутом, – резную фигурку, изображавшую нас троих: его, меня и моего Ночного Волка. Я протянул к ней руку, потом отдернул. Я больше не хотел видеть, как выражение его лица станет иным, нежели застывшая язвительная полуулыбка. Лучше я буду помнить его таким. Мы путешествовали на протяжении многих лет, вместе переносили невзгоды и едва не умерли. Смертей было много, подумал я про себя. Мой волк умер, и мой друг покинул меня, не попрощавшись, и не прислал с той поры ни одного письма. Я гадал, не считает ли он меня мертвым. Я и помыслить не смел о том, не умер ли он сам. Шут не мог умереть. Однажды он признался мне, что на самом деле гораздо старше, чем я думаю, и рассчитывает прожить намного дольше меня. Он назвал это одной из причин своего ухода. Он предупредил, что уходит, перед тем, как мы в последний раз расстались. Он убедил себя, что освобождает меня от уз и обязанностей, наконец-то отпускает на свободу, чтобы я мог следовать собственным наклонностям. Но незавершенное прощание оставило рану, и за годы она превратилась в шрам из тех, что болят на рубеже времен года. Где же Шут сейчас? Почему не прислал мне хоть одно письмо? Если он считал меня мертвым, почему оставил мне подарок? Если верил, что я снова появлюсь, почему не связался со мной? Я оторвал взгляд от резной фигурки.

Я не видел его и не получал известий с той поры, как покинул Аслевджал. Это было... сколько, четырнадцать лет назад? Пятнадцать? Почему ты спрашиваешь сейчас?

Так я и думал. Ты ведь помнишь, что меня интересовали истории о Белом Пророке задолго до того, как Шут объявил себя таковым.

Помню. Я впервые услышал о пророках от тебя.

Я обуздал свое любопытство, отказавшись от расспросов. Когда Чейд впервые начал показывать мне записи о Белом Пророке, я отнесся к ним как к еще одной странной религии из далеких краев. Эду и Эля я понимал достаточно хорошо. Эль, морской бог, был божеством безжалостным и требовательным, из тех, с кем лучше не иметь дела. Эда, богиня возделанных земель и пастбищ, была щедрой и по-матерински любящей. Но даже к этим богам Шести Герцогств Чейд внушил мне лишь малое почтение, а еще меньшее – к Са, двуликому и двуполому богу Джамелии. Так что его увлеченность легендами о Белом Пророке озадачила меня. Согласно свиткам, в каждом поколении рождается бесцветный ребенок, наделенный даром предвидения и способностью влиять на устройство мира, манипулируя великими и малыми событиями. Чейд был заинтригован этой идеей и легендами о Белых Пророках, людях, которые предотвращали войны или свергали королей, запуская каскад малых событий, превращавшихся в великие. В одной хронике описывалось, как некий Белый Пророк прожил тридцать лет у реки лишь ради того, чтобы предупредить определенного путешественника в определенную ночь, что мост рухнет, если он попытается перейти его во время бури. Путешественник, как оказалось, стал отцом великого генерала, и тот сыграл важную роль в победе над войском противника в одной далекой стране. Я считал все это очаровательной чушью, пока не встретил Шута.

Когда он объявил себя Белым Пророком, я не поверил и еще больше усомнился в его словах, когда Шут заявил, будто я стану его Изменяющим, то есть изменю ход истории. И все-таки, несомненно, именно это мы и сделали. Если бы Шут не оказался в Оленьем замке при

моей жизни, я бы умер. Его вмешательство неоднократно спасало мою жизнь. В горах, когда я лежал в снегу, умирая от лихорадки, он отнес меня в свой тамошний домик и выхаживал, пока я не поправился. Он сохранил мне жизнь, чтобы драконы сумели вновь занять свое законное место в мире. Я все еще не был уверен, что человечеству это во благо, но нельзя было отрицать, что без него этого бы не случилось.

Я понял, как глубоко погрузился в воспоминания, лишь когда мысленная речь Чейда вынудила меня резко осознать, что он все еще со мной.

Дело в том, что недавно в Баккипе побывали странные люди. Дней двадцать назад. Я не слышал о них, пока они не ушли, иначе нашел бы способ узнать больше. Парень, который мне про них рассказал, говорит, что они назвались странствующими торговцами, но предложить могли лишь дешевые побрякушки и очень заурядные предметы на обмен – стеклянные украшения, латунные браслеты и все такое прочее. Ничего по-настоящему ценного, и, хотя они говорили, будто явились издалека, мой знакомый заметил, что все это показалось ему обычным хламом вроде того, какой городской торговец везет на деревенскую ярмарку, чтобы предложить хоть что-нибудь парню или девушке с половиной медяка в кошельке. Никаких пряностей из далеких земель или редких драгоценных камней. Всего лишь мусор, как у бродячих кустарей.

Выходит, твой шпион решил, что они просто притворяются торговцами. – Я пытался скрыть нетерпение.

Чейд верил в предельно подробные отчеты, ибо правда всегда таится в деталях. Я признавал его правоту, но сейчас мне бы хотелось, чтобы он скорее перешел прямо к сути вопроса, а словесным украшательством занялся позже.

Он подумал, что они на самом деле рассчитывали что-то купить, а не продать, а скорее, бесплатно услышать какие-то сведения. Они расспрашивали, не видал ли кто-нибудь их друга, очень бледного человека. Но странность заключалась в том, что описаний этого «бледного друга» было несколько. Один сказал, что он молодой мужчина и путешествует в одиночку. Другой – что это взрослая женщина с бледным лицом и волосами, путешествует с юношей, рыжеволосым и веснушчатым. Еще один расспрашивал о двоих молодых мужчинах, у одного волосы русые, очень светлые, а у другого – темные, но белая кожа. Как будто они знали только, что ищут необычайно бледного человека, который путешествует один или со спутником.

Или они предполагали, что те, кого они ищут, прибегнут к маскировке. Однако похоже, что они искали Белого Пророка. Но почему в Баккипе?

Они ни разу не произнесли слов «Белый Пророк» и не выглядели праведными пилигримами на пути паломничества. – Чейд помедлил. – Мой парень склонялся к мысли, что они им заплатили или пообещали вознаграждение за поимку жертвы. Один из них как-то ночью напился и, когда друзья пришли в таверну, чтобы его увести, выругал их. На калсидийском.

Интересно. Я и не думал, что у Белых есть последователи в Калсиде. В любом случае Шут не живет в Баккипе вот уже несколько десятилетий. А когда он там был в последний раз, то выглядел скорее смуглым, чем белым. Он пользовался личиной лорда Голдена.

Да, разумеется! Я все это знаю! – Чейд принял мои размышления за попытку освежить его стареющую память и рассердился. – Но мало кто еще знает. Даже если так, их расспросы пробудили кое-какие старые байки про бледного шута короля Шрюда. Но «торговцев» такие старые новости не интересовали. Они хотели узнать о ком-то, кто прошел через Баккип недавно.

И ты решил – возможно, Шут вернулся?

Я не мог не задать себе такой вопрос. И я подумал, что, если так, он бы первым делом искал встречи с тобой. Но если ты о нем не слышал, выходит, это загадка с малым количеством подсказок.

Куда отправились эти «торговцы»?

Я ощутил его досаду, когда Чейд ответил:

Отчет попал ко мне слишком поздно. Мой парень не думал, что это окажется так важно для меня. Ходят слухи, что они отправились по Речной дороге вглубь суши.

К Ивнякам. Ты сказал – двадцать дней назад. Больше о них не было известий?

Они, похоже, знают толк в том, как надо исчезать.

Выходит, не торговцы.

Нет.

Мы оба помолчали, осмысливая те крупницы сведений, что у нас были. Если они направлялись в Ивовый Лес, то должны были уже прибыть. Может, так оно и вышло, а потом они прошли через поселок и двинулись дальше. Фактов было слишком мало даже для описания головоломки, не говоря уже о ее решении.

Вот тебе еще кое-что интересное, – снова заговорил Чейд. – Когда мои шпионы доложили, что у них нет новостей ни о бледном страннике, ни о тех торговцах, один спросил, не интересуют ли меня истории о других удивительно бледных людях. Когда я сказал, что интересуют, он поведал об убийстве на Королевском тракте четыре года назад. Там нашли два трупа, оба в чужеземной одежде. Их обнаружили королевские стражи во время обычного патрулирования. Парня забили дубинками насмерть. Рядом с ним нашли другое тело – жертву описали как молодую девушку, бледную как рыбае брюхо, с волосами цвета сосулек. Она тоже была мертва, но никто не учинил над ней насилия. Похоже, она умерла от какой-то изнуряющей болезни. Она была худой как скелет, но прожила дольше мужчины, судя по тому что пыталась перевязать его рану, оторвав полосы от своего плаща. Возможно, компаньон ухаживал за ней в болезни, и, когда его убили, она тоже умерла. Ее нашли на некотором расстоянии от его трупа, рядом с маленьким походным костром. Если у них и были припасы или лошади, все украли. Никто их не разыскивал. Моему шпиону это убийство показалось странным. Прикончили мужчину, но не тронули и оставили в живых больную женщину. Какие разбойники с большой дороги на такое способны?

От этой истории меня почему-то пробрал озноб.

Может, она пряталась, когда на них напали. Это может оказаться ерундой.

Или наоборот. – Взвешенный тон Чейда предлагал мне поразмыслить. Малая толика сведений. – На ней были желтые сапоги. Как на твоей посланнице.

У меня волосы на голове зашевелились от беспокойства. Воспоминания о ночи Зимнего праздника снова ожили. Как Ревел описал посланницу? Руки белые как лед. Я решил, что они были обескровлены от холода. А если она была Белой? Но новость Чейда была об убийстве, случившемся четыре года назад. Моя посланница появилась три зимы назад. А его шпионы сообщили про еще одного посланца – или, возможно, двух – всего двадцать дней назад. Итак, возможно, это цепь посланников, возможно, Белых. Возможно, от Шута? Я хотел поразмыслить над этим в одиночку. Я не хотел, чтобы это оказалось правдой. Мысль о том, что я пропустил его послание, рвала мне сердце на части. Я отверг известие от него.

Или это может оказаться что-то, не имеющее никакого отношения ни к одному из нас, – ответил я Чейду.

Почему-то я в этом сомневаюсь. Но я теперь позволю тебе отправиться обратно в постель. Ты всегда делался раздражительным, если не высыпался.

Твоими стараниями, как правило, – парировал я, и Чейд, к пущей моей досаде, рассмеялся, прежде чем исчезнуть из моего разума.

Одна из свечей почти догорела. Я ее затушил. До утра осталось недолго; лучше уж зажечь еще одну, уснуть все равно уже не получится. Зачем Чейд вызвал меня при помощи Силы? Спросить о моих записях или подразнить крупницей новостей о чужеземных странниках, то ли связанных, то ли не связанных с Шутом? У меня было слишком мало сведений, чтобы

размышлять, но в самый раз, чтобы бодрствовать. Возможно, мне стоит остаться за столом и вернуться к переводу; этой ночью мне точно не знать больше покоя, благодаря Чейду. Я медленно встал и огляделся. В комнате было грязно. Пустой бокал из-под бренди на столе, и два пера, которые я испортил прошлым вечером, когда точил. Надо бы тут прибраться. Я не пускал в свой кабинет слуг; я бы весьма удивился, узнав, что кто-то из них помимо Ревела в курсе того, как часто я пользуюсь этой комнатой. Я редко приходил сюда в дневное время или долгими вечерами – их мы делили с Молли. Нет. Здесь я прятался от беспокойных ночей, от тех периодов, когда меня покидал сон или беспощадно осаждали кошмары. И я всегда приходил сюда один. Чейд привил мне скрытность, и эта привычка меня так никогда и не покинула. Я был единственным хранителем этой комнаты в полузаброшенном крыле дома. Я приносил дрова и выносил пепел. Я подметал и мыл... ну, время от времени подметал и мыл. Комната сейчас отчаянно нуждалась в уборке, но я почему-то не мог собраться с силами, чтобы заняться этим.

Вместо этого я потянулся где стоял, потом замер с поднятыми над головой руками, не сводя глаз с меча Верити на каминной полке. Меч сделала Ходд, и она была лучшей из всех кузнецов, каких когда-либо знал Олений замок. Она умерла, защищая короля Верити. Потом Верити отказался от человеческой жизни ради народа и вошел в своего дракона. Теперь он спал в камне, навсегда удалившись за пределы моей досягаемости. Внезапная острая боль потери была почти физической. Пришлось быстро выйти из комнаты – в тех стенах слишком многое соединяло меня с прошлым. Я позволил себе еще раз медленно обвести ее взглядом. Да. Здесь я хранил свое прошлое и все смущающие разум чувства, которые оно во мне пробуждало. Сюда я приходил, пытаюсь разобраться в своей истории. И здесь я мог преградить ей путь, закрыв дверь на засов, чтобы вернуться к своей жизни с Молли.

И впервые я спросил себя – почему? Почему я все собрал здесь, подражая старым покоям Чейда в Оленьем замке, и почему приходил сюда в одинокие бессонные ночи, чтобы предаваться размышлениям о трагедиях и катастрофах, о том, что уже не исправить? Почему я не покинул эту комнату, не закрыл за собой дверь, чтобы больше никогда не возвращаться? Меня кольнуло чувство вины, и я схватился за него, как за кинжал, пытаюсь разобраться: почему? Почему моим долгом стало вспоминать тех, кого я утратил, и по-прежнему их оплакивать? Я так отчаянно сражался, чтобы отвоевать собственную жизнь, и одержал триумфальную победу. Жизнь теперь была моей, она была в моих руках. И вот я стоял в комнате, заваленной пыльными свитками, испорченными перьями и напоминаниями о прошлом, в то время как наверху в одинокой теплой постели дремала та, что любила меня.

Взгляд мой упал на последний подарок Шута. Трехликая резная фигурка из камня памяти стояла на каминной полке. Когда бы я ни поднял глаза, работая за столом, наши с Шутом взгляды встречались. Я бросил вызов самому себе; медленно взял ее в руки. Я не трогал эту фигурку с того Зимнего праздника три зимы назад, когда услышал крик. Теперь я баюкал ее в ладонях и смотрел в резные глаза. Дрожь ужаса пробежала по моему телу, но я приложил палец к его лбу. Я «услышал» те же слова, которые он всегда говорил мне: «Мне никогда не хватало мудрости». Только и всего. Лишь эти прощальные слова, сказанные его голосом. Исцеление и рана одновременно. Я осторожно поставил фигурку обратно на каминную полку.

Я подошел к одному из двух высоких и узких окон. Отвел в сторону тяжелую штору и выглянул наружу. Вид на кухонный огород Ивового Леса был скромный, подходящий для комнаты писаря, но все равно милый. Ночь выдалась лунная, и жемчужный свет озарял листья и бутоны. Дорожки из белой гальки бежали между клумбами и как будто светились сами по себе. Я поднял глаза и посмотрел на то, что было за огородом. Позади величественного особняка, коим был Ивовый Лес, простирались луга, а в отдалении – поросшие лесом горы.

Летняя ночь была красивой, долина – спокойной, и овец выпустили попасись. Пятна побольше были взрослыми овцами, рядом с ними собирались подрастающие ягнята. В черном небе блестели звезды, сами чем-то похожие на разбредшуюся по пастбищу отару. Я не видел

виноградников на холмах позади овечьего пастбища или Ивовой реки, которая струилась через владения, чтобы в конце концов соединиться с Оленьей. Называть Ивовую «рекой» было в каком-то смысле тщеславием, потому что в большинстве мест через нее и без труда проскакала бы лошадь, и все-таки летом она никогда не пересыхала. Ее щедрое и шумное течение поило всю плодородную маленькую долину. Ивовый Лес был мирным и спокойным именем, местом, где даже отошедший от дел убийца мог бы оттаять. Пусть я и сказал Чейду, что должен отправиться в город обсуждать цены на шерсть, на самом деле он был прав. Старый пастух Лин и трое его сыновей скорее терпели меня, чем полагались на мои слова; я очень многому у них научился, но настаивал на посещении поселка и разговорах с торговцем шерстью во многом из гордости. Лин будет сопровождать меня и своих сыновей, и, хотя мое рукопожатие может закрепить сделку, именно кивок Лина подскажет, когда протягивать руку.

Я вел очень хорошую жизнь. Когда подступала грусть, я знал, что дело не в моем настоящем, но лишь во тьме из прошлого. И унылые сожаления были всего-навсего воспоминаниями, бессильными меня ранить. Я подумал об этом и вдруг зевнул. Что ж, решил я, теперь можно и поспать.

Я позволил шторе опуститься на прежнее место и чихнул, когда с нее взлетело облако пыли. В самом деле, пора хорошенько прибраться в комнате. Но не этой ночью. Может, и не следующей. Возможно, сегодня я покину этот кабинет навсегда, закрою за собой дверь, и пусть прошлое развлекает само себя. Я поиграл с этой мыслью, как некоторые мужчины играют с дерзким замыслом бросить пить. Если бы я ушел, это пошло бы мне на пользу. Это было бы к лучшему для нас с Молли. Но я знал, что не сделаю этого. Я не мог сказать почему. Я медленно затушил пальцами оставшиеся свечи. Когда-нибудь, пообещал себе, зная, что лгу.

Когда я закрыл позади себя дверь, прохладная тьма коридора поглотила меня. Пол был холодным. По комнатам блуждал случайный сквознячок; я вздохнул. Ивовый Лес был беспорядочно построенным особняком, нуждавшимся в постоянном уходе и ремонте. Помещику Баджерлоку было некогда скучать. Я тихонько улыбнулся. Неужели мне хотелось, чтобы сегоднешний полуночный вызов Чейда оказался приказом убить кого-то? Куда лучше посвятить завтрашний день совещанию с Ревелом по поводу забившегося дымохода в гостиную.

Я спешно прошлепал тем же путем через спящий дом. Тихонько приоткрыл дверь спальни и так же тихо закрыл ее за собой. Моя рубашка снова упала на пол, когда я забрался под покрывала. Теплое тело и сладкий запах Молли манили меня. Я дрожал в ожидании, пока одеяла изгонят из моего тела озноб, и пытался ее не разбудить. Однако она сама повернулась ко мне лицом и заключила меня в объятия. Ее маленькие теплые ступни оказались поверх моих заледеневших, и голову она устроила у меня под подбородком, на груди.

– Не хотел тебя будить, – прошептал я.

– Ты и не разбудил. Я проснулась, а тебя нет. Я тебя ждала. – Она говорила тихо, но не шепотом.

– Прости, – сказал я. Она ждала. – Это был Чейд, он обратился ко мне посредством Силы. Я скорее почувствовал, чем услышал ее вздох.

– Все в порядке? – негромко спросила Молли.

– Ничего не случилось, – заверил я ее. – Просто старик страдает бессонницей, ему то и дело хочется с кем-то поговорить.

– Мм, – согласно пробормотала она. – Это я отлично понимаю. Я тоже сплю хуже, чем в молодости.

– И я. Мы все стареем.

Она вздохнула и прильнула ко мне. Я обнял ее и закрыл глаза.

Молли тихонько кашлянула:

– Раз уж ты не спишь... и если ты не слишком устал...

Она с намеком шевельнулась возле меня, и, как обычно, у меня перехватило дыхание. Я улыбнулся во тьме. Такова была моя Молли, какой я ее знал давным-давно. В последнее время она сделалась такой задумчивой и тихой, что я испугался, не ранил ли каким-то образом ее чувства. Но когда я ее спросил, она покачала головой, глядя вниз и тихонько улыбаясь. «Я еще не готова тебе сказать», – проговорила она, дразня. Чуть раньше в тот день я вошел в комнату, где она занималась медом и делала свечи, предназначенные для нашего дома. Молли стояла неподвижно и глядела в пустоту, забыв про длинный конус, который окунала в мед...

Молли кашлянула, и я осознал, что сам теперь замечтался. Я поцеловал ее в шею, и она издала звук, очень похожий на мурлыканье.

Я прижал ее ближе:

– Я не слишком устал. И надеюсь никогда не состариться до такой степени.

Сейчас в этой комнате мы были такими же молодыми, как когда-то, за исключением того, что благодаря многолетнему познанию друг друга не испытывали неловкости или нерешительности. Знал я одного менестреля, который похвалялся тем, что овладел тысячей женщин и с каждой был по одному разу. Он так и не узнал того, что знал я: овладеть одной женщиной тысячу раз, каждый раз обнаруживая в ней иное удовольствие, намного лучше. Я знал теперь, что светилось в глазах пожилых пар, когда они видели друг друга через комнату. Не раз я ловил на себе взгляд Молли на многолюдной семейной встрече и узнавал по изгибу ее улыбки и тому, как ее пальцы касались рта, что именно она задумала для нас, когда мы останемся одни. То, как я узнал ее, оказалось более мощным любовным эликсиром, чем любое зелье какой-нибудь ведьмы с окраины, купленное на рынке.

Простой и приятной была наша физическая близость, и очень совершенной. После всего волосы Молли лежали на моей груди, точно сеть, ее груди тепло прижимались к моему боку. От тепла и удовольствия я задремал. Она пощекотала мне ухо своим дыханием, прошептав:

– Любовь моя?

– Мм?

– У нас будет ребенок.

Я резко открыл глаза. Не от радости, какую когда-то надеялся испытать, но от потрясения и испуга. Трижды медленно вдохнул, пытаюсь подыскать слова, пытаюсь разобраться в своих мыслях. Я как будто вошел в теплую реку, сделал шаг – и очутился во власти холодного глубокого течения. Закувыркался и начал тонуть. Я промолчал.

– Ты не спишь? – упорствовала она.

– Нет. А ты? Ты говоришь во сне, моя дорогая? – Я подумал, не задремала ли она, не вспомнила ли другого мужчину, которому когда-то прошептала такие важные слова.

– Я не сплю. – И она прибавила, судя по голосу, слегка раздосадованная: – Ты слышал, что я тебе сказала?

– Слышал. – Я собрался с духом. – Молли. Ты знаешь, что этого не может быть. Ты сама мне сказала, что твои детородные дни остались позади. Прошли годы с той поры...

– И я ошиблась! – Теперь досаду в ее голосе нельзя было ни с чем перепутать. Она схватила мое запястье и положила мою ладонь на свой живот. – Ты должен был заметить, что я округлилась. Я почувствовала, как ребенок шевелится, Фитц. Я не хотела ничего говорить, пока не буду абсолютно уверена. И этот день настал. Я знаю, это странно, я знаю, что невозможно забеременеть через столько лет после того, как прекратились месячные. Но я знаю, что не ошибаюсь. Я чувствовала, как плод начал шевелиться. Я ношу под сердцем твоего ребенка, Фитц. Еще до конца этой зимы у нас будет малыш.

– Ох, Молли... – сказал я. Мой голос дрожал, и, когда я притянул ее ближе, руки мои тряслись. Я держал ее, целовал ее лоб и глаза.

Моя жена обняла меня.

– Я знала, ты будешь рад. И потрясен, – весело проговорила она и устроилась возле меня. – Я прикажу слугам принести колыбель с чердака. Пару дней назад я ходила на ее поиски. Она все еще там. Это отличный старый дуб, и ни один стык не разошелся. Наконец-то она послужит для дела! Пейшенс бы так взволновалась, узнав, что в Ивовом Лесу наконец-то появится дитя Видящего. Но я не стану пользоваться ее детской. Она слишком далеко от нашей спальни. Думаю, переделаю одну из комнат на первом этаже в особую детскую для меня и нашего ребенка. Возможно, комнату Воробья. Знаю, когда я сделаюсь тяжелей, мне не захочется слишком часто взбираться по лестницам...

Она взахлеб сыпала деталями своих планов, говорила о том, как перенесет ширмы из старой швейной комнаты Пейшенс, и о том, что надо хорошенько почистить гобелены и ковры, и о ягнячьей шерсти, которую она велит спрясть тонко и покрасить специально для нашего ребенка. Я слушал ее, от ужаса утратив дар речи. Она уплывала от меня, ее разум отправился туда, куда мой последовать не мог. Я видел, как она старела в последние несколько лет. Я заметил, как припухли ее суставы и как она время от времени останавливалась на лестнице, чтобы перевести дух. Я не раз слышал, как она назвала Тавию, нашу кухарку, именем ее матери. А потом – как Молли принималась за какую-нибудь работу и уходила прочь, бросив ее сделанной лишь наполовину. Или входила в комнату, озиравлась и спрашивала меня: «Ну и зачем же я сюда пришла?»

Мы со смехом относились к таким промахам. Но теперь, когда ее разум так помутился, было совсем не смешно. Я прижимал ее к себе, пока она щебетала о планах, которые явно составляла месяцами. Мои руки обнимали ее, держали ее, но я боялся, что потеряю свою Молли.

И останусь в одиночестве.

5. Прибавление в семействе

Общеизвестно, что едва женщина выходит из детородного возраста, она становится более подверженной разнообразным недугам плоти. Когда ежемесячные циклы становятся более редкими, а потом прекращаются, многие женщины испытывают внезапные приливы жара или приступы сильной потливости, зачастую это происходит по ночам. Сон может их покинуть, и ими овладевает общая усталость. Кожа рук и ступней становится тоньше, от чего порезы и раны конечностей случаются чаще. Желание обычно увядает, и женщина может даже начать вести себя несколько мужеподобно, груди ее при этом сохнут, а на лице появляются волосы. Даже самым сильным фермершам становится сложнее справляться с тяжелой работой, прежде дававшейся им легко. Кости становятся более хрупкими и могут сломаться, даже если просто споткнуться на кухне. Женщина также может потерять зубы. У некоторых появляется горб у основания шеи, и ходят они, прищуриваясь и приглядываясь. Все это обычные признаки женского старения.

Менее известно то, что женщины могут сделаться более подверженными приступам меланхолии, гнева или глупым побуждениям. В напрасном стремлении вернуть утраченную молодость даже самые крепкие из женщин могут обзавестись склонностью к безвкусным украшениям и расточительным занятиям. Обычно эти бури минуют менее чем за год, и женщина с вновь обретенным достоинством и спокойствием принимает свое старение.

Иногда, однако, эти симптомы могут предшествовать распаду разума. Если женщина становится забывчивой, зовет людей неправильными именами, оставляет обычную работу недоделанной и иногда перестает узнавать членов собственной семьи, тогда семья должна признать, что ее больше нельзя считать надежной. Ее уходу нельзя доверять маленьких детей. Забытая на печи еда может стать причиной пожара в кухне, а скот останется без воды и еды в жаркий день. Увещевания и упреки не изменят этого поведения. Тут более уместна жалость, нежели гнев.

Пусть такой женщине доверяют работу не самую важную и ответственную. Пусть она сидит у огня и мотает шерсть или занимается каким-то другим подобным делом, неопасным для нее и окружающих. Довольно скоро за ослаблением разума последует телесный распад. Семья испытает меньше скорби от смерти женщины, если во время ее заката к ней будут относиться с терпением и добротой.

Если женщина начнет причинять чрезмерное беспокойство, открывать двери по ночам, уходить во время грозы или демонстрировать вспышки гнева, когда уже не сможет понимать свое окружение, то дайте ей крепкий чай из валерианы – он сделает ее покладистой. Это лекарство может принести покой не только старушке, но и семье, изнуренной уходом за ней.

Целитель Молингал, «О старении плоти»

Безумие Молли было еще трудней переносить из-за того, что она оставалась такой практичной и здравомыслящей во всем, что касалось других сторон ее жизни.

Месячные у Молли прекратились вскорости после нашей свадьбы. Она тогда сказала мне, что никогда не сможет снова понести. Я попытался успокоить ее и себя, подчеркивая, что у нас есть общая дочь, пусть я и пропустил ее детство. Было глупо просить у судьбы больше, чем она нам уже подарила. Я сказал, что смирился с тем, что у нас не будет последнего ребенка, и я действительно думал, что она тоже с этим смирилась. В Ивовом Лесу у нас была полноценная и налаженная жизнь. Мои многочисленные невзгоды остались в прошлом, и я отдалился от политики и интриг Оленьего замка. Наконец-то у нас появилось время друг для друга. Мы могли развлекаться, слушая странствующих менестрелей, позволять себя все, что пожелаем, и устраивать по очередным поводам праздники настолько расточительные, насколько нам хотелось. Мы вместе выезжали верхом на прогулки, обозревали отары овец, цветущие сады, сенокосные угодья и виноградники, испытывая от этих умиротворенных пейзажей ленивое блаженство. Мы возвращались, когда уставали, ужинали как хотели и спали допоздна, когда нам это доставляло удовольствие.

Наш домашний управляющий Ревел сделался настолько умелым, что моего участия в делах почти не требовалось. Риддл не ошибся, когда выбрал его, пусть даже Ревел так и не стал нашим домашним стражником, как надеялся Риддл. Управляющий еженедельно встречался с Молли, чтобы поговорить о трапезах и припасах, и беспокоил меня так часто, как осмеливался, со списками вещей, которые считал нужным отремонтировать, обновить или, клянусь Эдой, поменять просто потому, что ему нравились перемены. Я прислушивался к нему, выделял средства и большей частью оставлял дело в его способных руках. Дохода от наших земель более чем хватало для их содержания. И все же я внимательно следил за счетами и выделял столько, сколько мог, для будущих нужд Неттл. Несколько раз она упрекала меня за то, что я трачу собственные деньги на ремонт, хотя можно было бы заплатить за него из дохода имения. Но корона выделила мне щедрое содержание в благодарность за годы службы принцу Дьютифулу. По правде говоря, у нас всего было в достатке и с лихвой. Я поверил, что мы вошли в тихую заводь наших жизней, время мира для нас обоих. Обморок Молли в тот Зимний праздник меня встревожил, но я отказался видеть в этом мрачное предзнаменование грядущих дней.

В год после смерти Пейшенс Молли сделалась более задумчивой. Она часто казалась отрешенной и рассеянной. Дважды у нее были приступы головокружения, а один раз она провела в постели три дня, прежде чем полностью поправилась. Она худела и двигалась все медленней. Когда последние из ее сыновей решили, что пришла пора им искать собственные пути в мире, она их отпустила с улыбкой, а вечером при мне тихо плакала: «Я за них рада. Это время начала для них. Но для меня это конец, причем трудный». Она стала больше времени уделять спокойным занятиям, чаще проявляла слабость, чем в прежние годы, и сделалась очень чуткой ко мне.

В следующем году она немного пришла в себя. Когда наступила весна, Молли вычистила позабытые перед тем улы и даже поймала новый пчелиный рой. Ее повзрослевшие дети приходили и уходили, сообщали множество новостей о своих жизнях, полных забот, привозили в гости внуков. Они были рады видеть, что мать отчасти восстановила прежнюю живость и бодрость духа. К моему восторгу, к ней вернулось и желание. Это был хороший год для нас обоих. Во мне затеплилась надежда, что недуг, ставший причиной обмороков, миновал. Мы сблизились, как два дерева, посаженные чуть поодаль друг от друга, чьи ветви наконец-то соприкоснулись и переплелись. Не то чтобы дети Молли мешали нам, когда жили рядом, но она всегда в первую очередь думала о них и уделяла им время. Без стыда признаюсь, я наслаждался тем, что стал теперь центром ее мира, и старался всячески показать ей, что она всегда занимала это место в моей жизни.

Недавно Молли снова начала прибавлять в весе. Ее аппетит казался неутолимым, и, по мере того как ее живот округлялся, я ее немного поддразнивал. Но прекратил это в тот день, когда она посмотрела на меня и сказала почти печально: «Я же не могу не стареть, как ты,

любовь моя. Я буду делаться старше – может, толще и медлительней. Мои девичьи годы прошли, как и детородные. Я превращаюсь в старуху, Фитц. Надеюсь лишь, что мое тело сдастся прежде моего разума. У меня нет желания задерживаться здесь, после того как я перестану помнить, кто ты или кто я».

Так что, когда она объявила мне о своей «беременности», я начал опасаться, что сбылись ее и мои самые худшие страхи. Живот Молли делался все тяжелее. Спина у нее болела, походка сделалась медленной. Ее мысли отдалились от нашей повседневной жизни, она забросила занятия, которые когда-то любила, и часто я стал замечать, как она глядит куда-то в пустоту, озадаченная и одновременно удивленная.

Когда прошло несколько недель, а она продолжала настаивать на том, что беременна, я снова попытался ее образумить. Мы легли в постель, она была в моих объятиях. Она снова заговорила о грядущем ребенке, и я решился возразить:

– Молли, как такое возможно? Ты сама мне говорила...

И с внезапной вспышкой прежнего нрава она подняла руку, закрыла мне рот.

– Я знаю, что говорила. А теперь я знаю кое-что другое. Фитц, я ношу твоего ребенка. Знаю, каким странным это должно тебе казаться, ибо я сама нахожу это более чем странным. Но я подозревала это на протяжении месяцев и молчала, не желая, чтобы ты счел меня дурочкой. Однако это правда. Я чувствовала, как ребенок шевелится внутри меня. Я выносила много детей и такое ни с чем не перепутаю. У меня будет ребенок.

– Молли... – проговорил я.

Я по-прежнему держал ее в объятиях, но спрашивал себя, со мной ли она. Мне на ум не шло ничего, что можно было бы сказать ей. Поддавшись трусости, я не стал ей возражать. Но она ощутила мои сомнения. Я почувствовал, как она напряглась в моих руках, и решил, что она бросится прочь от меня.

Но потом я ощутил, как ее гнев утих. Вместо того чтобы обрушиться на меня с упреками, она лишь вздохнула, положила голову мне на плечо и сказала:

– Ты думаешь, что я сошла с ума, и, пожалуй, трудно тебя за это винить. Я годами считала себя высохшей и пустой и думала, что никогда мне уже не понести. Я изо всех сил старалась с этим смириться. Но я не такая. Это ребенок, на которого мы надеялись, наш ребенок, твой и мой, чтобы мы смогли взрастить его вдвоем. И мне безразлично, как это случилось и считаешь ли ты меня безумной в эту минуту. Потому что довольно скоро, когда дитя появится на свет, ты поймешь, что я была права. А до той поры можешь считать меня безумной или слабоумной, как пожелаешь, но я намереваюсь быть счастливой.

Молли расслабилась в моих объятиях, и в темноте я увидел, что она мне улыбается. Я попытался улыбнуться в ответ. Она нежно проговорила, устраиваясь в постели поудобнее рядом со мной:

– Ты всегда был таким упрямым, не сомневался в том, что знаешь, что происходит на самом деле, лучше кого бы то ни было. И возможно, один-два раза так оно и оказалось. Но сейчас я говорю о женском знании, и в этом я разбираюсь лучше тебя.

Я попробовал оправдаться:

– Когда отчаянно желаешь чего-нибудь на протяжении столь долгого времени и когда приходится столкнуться лицом к лицу с тем, что тебе этого не получить, иногда...

– Иногда ты не можешь поверить, что оно наконец-то пришло к тебе. Иногда ты боишься в это поверить. Я понимаю твои колебания. – Она улыбнулась в темноте, довольная тем, что обратила мои слова против меня.

– Иногда желание недостижимого сводит людей с ума, – охрипшим голосом проговорил я, ибо чувствовал необходимость произнести ужасные слова вслух.

Она тихонько вздохнула, но при этом улыбнулась:

– Значит, от любви к тебе я должна была уже давно сойти с ума. Но этого не случилось. Так что можешь упрямитесь, сколько пожелаешь. Можешь даже считать меня сумасшедшей. Но вот в чем правда. Я рожу тебе ребенка, Фитц. Еще до конца зимы в этом доме будет дитя. Так что завтра лучше бы тебе приказать слугам принести колыбель с чердака. Я хочу обставить ту комнату прежде, чем сделаюсь слишком тяжелой.

Итак, Молли осталась в моем доме и моей постели, но одновременно покинула меня, удалившись тропой, по которой я не мог пойти за ней следом.

На следующий же день она объявила о своем положении нескольким горничным. Она приказала переделать комнату Воробья в детскую и гостиную для себя и своего воображаемого ребенка. Я ей не перечил, но видел, какие у женщин были лица, когда они вышли из комнаты. Позже я увидел двух из них – они сблизили головы и цокали языками. Но, подняв глаза и увидев меня, прекратили разговор и пожелали мне хорошего дня, будто ничего и не случилось, однако взглядом встречаться со мной избегали.

Молли занималась своей иллюзией с живостью, какой я за ней давно не наблюдал. Она шила платьица и шапочки. Она надзирала за тем, как комнату Воробья вычистили сверху донизу. Камин заново вымели, заказали новые шторы на окна. Молли настояла, чтобы я Силой передал новость Неттл и попросил приехать и провести с нами темные зимние месяцы, чтобы помочь нам встретить наше дитя.

Так что Неттл приехала, хоть во время нашего магического разговора мы и согласились, что Молли обманывает себя. Наша дочь отпраздновала с нами Зимний праздник и осталась до той поры, когда снег начал оседать и проступили дороги. Ребенок не родился. Я думал, это вынудит Молли признать, что она все выдумала, но моя жена непоколебимо твердила, что всего лишь ошиблась со сроком беременности.

Полным цветом расцвела весна. Вечера мы проводили вместе, и Молли время от времени роняла шитье и восклицала: «Вот! Он движется, подойди и сам почувствуешь!» Но всякий раз, когда я покорно прикладывал ладонь к ее животу, я ничего не чувствовал. «Он остановился», – настаивала она, и я угрюмо кивал. Что еще я мог сделать?

– Он придет к нам летом, – заверила Молли нас обоих, и вместо теплых и шерстяных одежек стала вязать и шить легкие.

По мере того как жаркие летние дни бежали мимо под стрекот кузнечиков, в сундуке с одеждой для воображаемого ребенка добавился еще один слой из этих нарядов.

Осень пришла во всем блеске славы. Ивовый Лес осенью был прекрасен, как никогда, с алыми тонкими ветками ольхи, золотыми монетками березовых листьев и кудрявыми тонкими желтыми листьями ивы, которые сносило ветром к высоким кучам по краям аккуратно ухоженных земель вокруг особняка. Мы больше не ездили верхом вместе, поскольку Молли настаивала, что от этого может потерять ребенка, но совершали пешие прогулки. Я собирал с ней орешки гикори и слушал, как она планирует передвинуть ширмы в детской, чтобы отгородить пространство для колыбели. Дни шли за днями, и река, что вилась по долине, сделалась быстрой из-за дождей. Выпал первый снег, и Молли опять начала вязать вещи потеплее для нашего призрачного ребенка, теперь уверенная в том, что это будет зимнее дитя и ему потребуются мягкие одеяла, а также шерстяные ботиночки и шапочки. И как лед прикрывал и прятал реку, так и я изо всех сил старался скрыть от жены свое растущее отчаяние.

Уверен, она все понимала.

Молли была смелой. Она плыла против течения сомнений, которые источали в ее сторону все окружающие. Она знала, что болтают слуги. Они считали, что она помешалась или ослабела разумом от старости, и удивлялись, как столь здравомыслящая женщина может так по-дурацки собирать детскую для воображаемого ребенка. Перед ними она вела себя с достоинством, сдержанно и тем самым вынуждала их относиться к себе с уважением. Но она также отделилась от них. Когда-то она общалась с окружной мелкопоместной знатью. Теперь не пла-

нировала никаких ужинов и никогда не выбиралась на рынок на перекрестке. Она никого не просила что-то соткать или сшить для своего ребенка.

Воображаемое дитя поглотило Молли. У нее осталось мало времени на меня или другие занятия. Она проводила вечера, а иногда и ночи, в детской-гостиной. Я скучал по ней в своей кровати, но не настаивал, чтобы она поднялась ко мне наверх. Иногда по вечерам я присоединялся к ней в уютной комнатке, принося с собой какой-нибудь перевод, чтобы поработать. Она всегда принимала меня с радостью. Тавия приносила поднос с чашками и травами, подвешивала чайник над очагом и предоставляла нас самим себе. Молли сидела в мягком кресле, положив отекавшие ноги на скамеечку. У меня был столик в углу для моей работы, а Молли занимала себя вязанием или плетением кружева. Иногда я слышал, как позвякивание ее спиц прекращается. Тогда я поднимал глаза и видел, как она смотрит в огонь, держа руки на животе, с тоской во взгляде. В такие минуты я отчаянно желал, чтобы ее самообман оказался правдой. Несмотря на наш возраст, я думал, что нам с ней по силам вырастить младенца. Я даже как-то спросил, что она думает о том, не взять ли нам найденыша. Она тихонько вздохнула и сказала: «Терпение, Фитц. Твой ребенок растет внутри меня». Так что я больше об этом с ней не говорил. Я сказал себе, что фантазия сделала ее счастливой, и в самом деле, какой был от этого вред? Я ее отпустил.

В разгар лета я получил известие о смерти короля Эйода из Горного Королевства. Это не было неожиданностью, но ситуация сложилась деликатная. Кетриккен, бывшая королева Шести Герцогств, была наследницей Эйода, а ее сын, король Дьютифул, – следующим в очереди. Кое-кто в Горном Королевстве надеялся, что она к ним вернется, будет править там, хоть Кетриккен не раз довольно четко заявляла, что рассчитывает на то, что ее сын Дьютифул распространит свою власть на горы, сделав их чем-то вроде седьмого герцогства в нашей монархии. Смерть Эйода отметила начало перемен, к которым Шесть Герцогств вынуждены были отнестись с серьезностью и уважением. Кетриккен, конечно, пришлось отправиться туда, как и королю Дьютифулу и королеве Эллиане, принцам Просперу и Интегриту, мастеру Силы Неттл и нескольким членам круга, лорду Чейду, лорду Сивилу... Список гостей казался бесконечным, и многие мелкие аристократы присоединились к свите, желая завоевать чье-нибудь расположение. Меня тоже включили. Я должен был отправиться в путь как помещик Баджерлок, младший офицер в гвардии Кетриккен. Чейд настаивал, Кетриккен просила, Дьютифул почти что приказывал, а Неттл умоляла. Так что я собрал вещи и выбрал себе коня.

За год одержимость Молли выжала из меня все соки, и я теперь относился к ней с усталой покорностью. Я не удивился, когда она отказалась меня сопровождать, заявив, что, по ее ощущениям, «время почти пришло». Часть меня не хотела оставлять жену, когда ее разум столь ненадежен, а другая часть жаждала передышки от потакания ее бреду. Я отозвал Ревела и попросил, чтобы он уделял особое внимание просьбам Молли, пока меня не будет. Управляющий казался почти оскорбленным тем, что я счел такой приказ необходимым. «Как обычно, сэр», – сказал он и прибавил свой чопорный короткий поклон, словно уточняя: «Ну ты и дурак!»

И вот я покинул Молли, выехав из Ивового Леса в одиночку, и тихонько присоединился к процессии знатных жителей Шести Герцогств, направлявшейся на север, в горы, для участия в погребальной церемонии. Для меня было необычайно странным заново переживать путешествие, которое я впервые совершил, когда мне еще не исполнилось двадцати. В тот раз я отправился в Горное Королевство, чтобы добиться руки Кетриккен для будущего короля Верити. В мое второе путешествие в горы я часто избегал дорог и шел через поля и леса вместе со своим волком.

Я знал, что Бакк изменился. Теперь я видел, что перемены произошли во всех Шести Герцогствах. Дороги были шире, чем я помнил, и земли выглядели более обжитыми. Поля злаков колосились там, где некогда простирались открытые пастбища. Вдоль дороги теснились

городки, и иной раз не успевал закончиться один, как начинался другой. На пути попадалось больше трактиров и городов, хотя в этот раз нас было так много, что порой не хватало места, чтобы разместить всех на ночлег. Дикие земли укротили, взяли под плуг и отгородили выгоны. Я гадал, где же теперь охотятся волки.

Как один из охранников Кетриккен, одетый в ее цвета – белый и пурпурный, – я ехал неподалеку от королевской свиты. Кетриккен никогда не была сторонницей формальностей, так что ее просьбу о том, чтобы я ехал возле ее стремени, все придворные приняли спокойно. Мы тихонько переговаривались под звяканье сбруи и стук копыт других путешественников и ощущали странное уединение. Я рассказывал ей истории о своем первом путешествии в горы. Она говорила о своем детстве и об Эйоде – не как о короле, а как о любящем отце. Я ничего не рассказал Кетриккен о недуге Молли. Ей хватало печали из-за смерти отца.

Мое положение охранника Кетриккен означало, что я останавливался на ночлег в тех же гостиницах, где размещали ее. Часто это значило, что там была и Неттл, и иногда нам удавалось разыскать тихое местечко и время для разговора. Было хорошо видеться с ней, и было облегчением откровенно с ней обсудить то, какой стойкой оказалась иллюзия, овладевшая ее матерью. Когда к нам присоединялся Седи, мы были уже не так прямолинейны, но сдержанность была выбором Неттл. Возможно, она считала младшего брата слишком молодым для таких известий или думала, что ему ни к чему знать о женских делах. Баррич выбрал сыну хорошее имя¹. Из всех его мальчиков Седи больше других унаследовал черты Баррича и его крепкое телосложение, а также его манеру двигаться и непоколебимую веру в такие ценности, как честь и долг. Когда он был с нами, за столом как будто сидел его отец. Я заметил, как непринужденно Неттл полагается на силу своего брата, и не только в магическом смысле. Я был рад, что он так часто оказывался с ней рядом, и все-таки мне было тоскливо. Мне бы хотелось, чтобы он был моим сыном, пусть даже я радовался тому, что его отец продолжал жить в нем. Думаю, Седи догадывался о моих чувствах. Он был со мной почтителен, но все же случались мгновения, когда его черные глаза смотрели прямо в мои, как будто он мог видеть мою душу. И в такие минуты я испытывал острую тоску о Барриче.

В те разы, когда мы беседовали более уединенно, Неттл делилась со мной ежемесячными письмами Молли, где та подробно расписывала течение «беременности», тянувшейся, по-видимому, уже более двух лет. Мое сердце обливалось кровью, когда я слышал слова Молли, пока Неттл читала вслух ее мысли об именах и рассказы о том, как продвигается шитье для вымышленного ребенка. Но мы ничего не могли поделать – только разделить друг с другом эти тревоги и порадоваться хоть такой малости.

В горах нас ожидал теплый прием. Яркие необычные дома Джампи, столицы Горного Королевства, по-прежнему напоминали мне венчики цветов. Более старые были такими же, как я их запомнил, воздвигнутыми вокруг деревьев. Но даже в горы пришли перемены, и окраины города уже во многом походили на поселения Фарроу и Тилта, с домами из камня и досок. Мне было грустно видеть это – я чувствовал, что перемена не из лучших. Новые строения казались язвами, растущими на теле леса.

Три дня мы оплакивали короля, которого я глубоко уважал. Не было диких завываний и океана слез; мы просто делились друг с другом тихими историями о том, каким он был и как хорошо правил. Жители Горного Королевства скорбели по своему павшему королю, но в равной степени приветствовали его дочь, вернувшуюся домой. Они были рады увидеть короля Дьютифула, нарческу и двух принцев. Несколько раз я слышал, как люди с тихой гордостью замечают, что юный Интегриги весьма похож на брата Кетриккен и своего покойного дядю, принца Руриска. Я не видел сходства, пока не услышал, как о нем говорят, и удивился, как я сам не заметил.

¹ Steady – устойчивый, спокойный, верный, надежный (англ.).

Когда время скорби закончилось, Кетриккен вышла к собравшимся и напомнила, что ее отец и будущий король Чивэл начали процесс замирения Шести Герцогств с Горным Королевством. Она говорила о том, как мудро они скрепили этот мир ее браком с Верити. Она попросила, чтобы они расценивали ее сына, короля Дьютифула, как своего будущего монарха и помнили, что нынешнее время мира и процветания следует считать величайшим триумфом короля Эйода.

Когда формальности с похоронами Эйода подошли к концу, началась истинная работа, ради которой и состоялся этот визит. Каждый день происходили встречи с советниками Эйода и долгие переговоры о том, как упорядоченным образом передать власть над горами. Я присутствовал на некоторых из них, иногда стоя у стены комнаты в качестве дополнительной пары глаз и ушей для Чейда и Дьютифула, а иногда, если совещания происходили на более высоком уровне, сидел снаружи, на солнце, закрыв глаза, но наблюдая за происходящим их глазами с помощью Силы. Бывало, что по вечерам меня отпускали, предоставляя самому себе.

И как-то само собой вышло, что я оказался возле двери, замысловато разукрашенной резьбой, с тоской глядя на работу Шута. В этом доме он жил, когда считал, что не сумел исполнить свое предназначение в качестве Белого Пророка. В ночь, когда умер король Шрюд, Кетриккен покинула Олений замок, и Шут отправился с ней. Вместе они совершили тяжелое путешествие в Горное Королевство, где, как она верила, ей и ее нерожденному ребенку ничего не угрожало в доме Эйода. Но там судьба нанесла Шуту два удара: ребенок Кетриккен не выжил и пришла новость о моей «смерти» в застенках Регала. Шут потерпел неудачу, пытаясь сделать так, чтобы род Видящих не прервался. Он потерпел неудачу, пытаясь исполнить свое пророчество. Его жизнь в качестве Белого Пророка завершилась.

Поверив, что я умер, он остался в Горном Королевстве с Кетриккен, поселился в этом домике и попытался вести тихую и скромную жизнь резчика по дереву и мастера игрушек. Потом он нашел меня, сломленного и умирающего, и принес сюда, в жилище, которое делил с Джофрон. Когда он принял меня к себе, она покинула дом. Когда я пришел в себя, мы с Шутом отправились сопровождать Кетриккен в безнадежном путешествии по остывшему следу ее мужа, уводившему в горы. Шут оставил Джофрон домик и все свои инструменты. Судя по ярко раскрашенным марионеткам, что болтались в окнах, я заподозрил, что она по-прежнему живет здесь и делает игрушки.

Я не постучался в дверь, но просто стоял посреди долгого летнего вечера и изучал резных импов и пекси, резвившихся по краю ставней. Как многие старомодные жилища в Горном Королевстве, этот дом был выкрашен в яркие цвета, и деталей в нем было – как в детском сундучке с сокровищами. Пустом сундучке с сокровищами, поскольку мой друг давно его покинул.

Открылась дверь, выплеснулся желтый свет лампы. Высокий, бледный парнишка лет пятнадцати, со светлыми волосами, падавшими на плечи, стоял на пороге.

– Странник, если ты ищешь приюта, тебе надо всего лишь постучаться и попросить. Ты ведь в горах, – проговорил он с улыбкой и открыл дверь шире, жестом предлагая мне войти.

Я медленно подошел к парнишке. Его черты были смутно знакомы.

– Джофрон все еще живет здесь?

Его улыбка сделалась шире.

– Живет и работает. Бабушка, к тебе гость!

Я медленно вошел в комнату. Джофрон сидела за рабочим столом у окна, с лампой возле локтя. Что-то разрисовывала кисточкой, нанося ровными мазками желтую, как золотарник, краску.

– Минутку, – попросила она, не поднимая глаз от работы. – Если я позволю краске высохнуть между мазками, цвет будет неровный.

Я ничего не сказал. В длинных русых волосах Джофрон теперь сверкало серебро. Заплетенные в четыре косы, они были убраны прочь от лица. Манжеты ярко вышитой блузы она подвернула до локтей. Руки у нее были жилистые, в брызгах краски – желтой, синей и бледно-зеленой. Прошло немало времени, прежде чем она отложила кисточку, откинулась на спинку стула и повернулась ко мне. Ее глаза были такими же синими, какими я их помнил. Она легко улыбнулась мне:

– Добро пожаловать, гость. Из Оленьего замка, судя по виду. Полагаю, ты прибыл, чтобы с почестями проводить нашего короля в последний путь.

– Это правда, – сказал я.

Когда я заговорил, в глазах Джофрон промелькнуло, а потом вспыхнуло в полную силу узнавание. Она ахнула и медленно покачала головой:

– Ты. Его Изменяющий. Он украл мое сердце и возвысил мой дух, направив его на поиски мудрости. Потом пришел ты и украл его у меня. Так было правильно... – Она взяла с рабочего стола пеструю тряпку и понапрасну вытерла пальцы. – Я и не думала, что снова увижу тебя под этой крышей. – Враждебности в ее голосе не было, только чувство застарелой потери.

Я сказал то, что могло бы ее утешить:

– Когда Шут решил, что наше время вместе закончилось, он и меня покинул, Джофрон. Почти семнадцать лет назад наши с ним пути разошлись, и с той поры он не дал о себе знать ни словом, ни делом.

В ответ на это она взглянула на меня, наклонив голову. Ее внук мягко прикрыл дверь. Он осмелился вмешаться в нашу беседу и кашлянул:

– Странник, можем мы предложить тебе чай? Хлеб? Стул, чтобы присесть, или постель на ночь? – Парнишка явно жаждал узнать, как я был связан с его бабушкой, и надеялся завлечь меня остаться.

– Пожалуйста, принеси ему стул и чай, – велела Джофрон, не спросив меня.

Парень поспешил прочь и вернулся со стулом с прямой спинкой. Когда синие глаза Джофрон вновь обратились ко мне, они были полны сочувствия.

– Правда? Не написал, не навестил?

Я покачал головой. Я сказал ей об этом, потому что решил – вот один из тех немногих людей, кто может меня понять.

– Он сказал мне, что больше не видит будущего. Что наши совместные дела завершены и если мы останемся вместе, то можем нечаянно испортить что-то из того, чего добились.

Она приняла эти сведения, не моргнув глазом. Потом очень медленно кивнула.

Я стоял, не понимая, что делать. Мне на ум пришли старые воспоминания о Джофрон, когда я лежал на полу перед этим камином.

– Кажется, я так и не поблагодарил тебя за помощь, когда Шут впервые принес меня сюда, много лет назад.

Она снова кивнула, угрюмо, но исправила меня, сказав:

– Я помогала Белому Пророку. Меня призвали сделать это, и я никогда не сожалела.

Опять между нами воцарилось молчание. Я как будто пытался разговаривать с кошкой. Я прибегнул к банальности:

– Надеюсь, у тебя и твоей семьи все в порядке.

И как у кошки, ее глаза на миг сузились. Потом она сказала:

– Моего сына с нами нет.

– Ох!..

Она снова взяла свою тряпку, очень тщательно вытерла пальцы. Вернулся внук с небольшим подносом. В маленькой чашке, меньше моего сжатого кулака, был один из ароматных горных отваров. Обрадовавшись паузе в беседе с Джофрон, я поблагодарил мальчика и отпил

из чашки, различив вкус дикой смородины и пряности из коры горного дерева, которых я не пробовал уже много лет. Было вкусно. Я так и сказал.

Джофрон встала из-за своего рабочего стола. Прошла через комнату, держа спину очень прямо. На одной из стен комнаты был вырезан барельеф в виде дерева. Наверное, это была ее работа, потому что, когда я жил здесь в прошлый раз, барельефа не было. Из резных ветвей выступали всевозможные листья и плоды. Она осторожно отодвинула большой лист в верхней части изображения, открыв маленький тайник, и вытащила оттуда ящичек.

Вернувшись, показала его мне. Это не была работа Шута, но я узнал руки, изогнувшиеся в защитном жесте, образующая крышку над содержимым ящичка. Джофрон вырезала его руки в качестве крышки для своего тайника. Я кивнул ей в знак того, что понял. Она шевельнула деревянные пальцы, и я услышал отчетливый щелчок, как будто открылась потайная задвижка. Когда она открыла ящичек, из него повеяло ароматом – незнакомым, но притягательным. Джофрон не пыталась скрыть от меня содержимое. Я увидел маленькие свитки, по меньшей мере четыре, а возможно, и больше, спрятанные внизу. Она взяла один из них и закрыла крышку.

– Это самое свежее из его писем ко мне, – сказала она.

Самое свежее. Я едва не позеленел от мгновенного прилива острейшей, небывалой ревности. Он не прислал мне даже весточки с птицей, а у Джофрон целая шкатулочка со свитками! Мягкая коричневая бумага была перевязана тонкой оранжевой ленточкой. Она ее потянула, и узел развязался. Очень нежно Джофрон развернула свиток. Пробежалась взглядом по содержанию. Я думал, она прочитает его вслух. Вместо этого ее синие глаза уставились на меня, и взгляд этот был несговорчивым.

– Оно короткое. Никаких новостей о его жизни. Никакого теплого приветствия, никакого пожелания неизменного здоровья. Только предупреждение.

– Предупреждение?

Враждебности в ее лице не было, только твердость.

– Предупреждение о том, что я должна защитить своего сына. Что нельзя ничего о нем рассказывать чужакам, которые могут задавать вопросы.

– Я не понимаю.

Она дернула плечом:

– Я тоже. Но мне и не нужно все понимать, чтобы принять его предупреждение к сведению. И потому я тебе говорю – моего сына с нами нет. Это все, что я о нем скажу.

Неужели она видела во мне угрозу?

– Я даже не знал, что у тебя есть сын. Или внук. – Мысли в моей голове с грохотом метались туда-сюда, словно семена в сухом стручке. – И я не спрашивал о нем. Кроме того, я ведь тебе не чужак.

Она кивала в знак согласия с каждым из моих утверждений. Потом спросила:

– Тебе понравился чай?

– Да. Спасибо.

– Мои глаза в последнее время быстро устают. Я обнаружила, что сон помогает, потому что просыпаюсь посвежевшей и лучшую работу делаю при свете раннего утра. – Она скрутила коричневую бумажку и обвернула вокруг нее оранжевую ленточку. У меня на глазах положила обратно в ящичек. И закрыла крышку.

Горцы были такими вежливыми. Она не приказала бы мне убираться из своего дома. Но с моей стороны было бы грубейшим нарушением приличия, если бы я попытался остаться. Я немедленно встал. Возможно, если уйти сразу, мне удастся вернуться завтра и снова попросить ее рассказать больше о Шуте. Теперь надо тихо удалиться. Я знал, что спрашивать нельзя, но спросил:

– Скажи, как сообщения попадают к тебе?

– Через многие руки, преодолев долгий путь. – Она почти улыбнулась. – Тот, кто вложил это последнее в мои ладони, давно ушел отсюда.

Я посмотрел ей в лицо и понял, что другого шанса поговорить не будет. Завтра она не захочет со мной встречаться.

– Джофрон, я не сделаю ничего плохого тебе или твоей семье. Я приехал, чтобы попроситься с мудрым королем, который был добр ко мне. Спасибо, что позволила узнать, что Шут посылал тебе сообщения. По крайней мере, я знаю, что он еще жив. Я сохраню в памяти это утешение как знак твоей доброты ко мне. – Я встал и отвесил ей глубокий поклон.

В оборонительных укреплениях Джофрон появилась тонюсенькая трещина. Она с намерением на сочувствие проговорила:

– Последнее сообщение прибыло два года назад. И ему понадобился год, чтобы достичь меня. Так что ни один из нас не может знать, какая судьба постигла Белого Пророка.

От ее слов в моем сердце воцарился холод. Ее внук прошел к двери и отпер, придержал ее для меня.

– Благодарю за гостеприимство, – сказал я обоим. Поставил чашечку на угол ее рабочего стола, снова поклонился и ушел.

На следующий день я не пошел к ней.

Два дня спустя король Дьютифул и его свита покинули Горное Королевство. Кетриккен осталась, чтобы еще какое-то время провести со своей родней и своим народом и уверить людей, что она будет навещать их чаще, когда начнется долгое превращение королевства в седьмое герцогство под властью короля Дьютифула.

Незамеченный, я также остался, задержавшись до того дня, когда последние из королевских придворных скрылись из вида, а потом прождав до позднего вечера, прежде чем отправиться в путь. Я хотел ехать в одиночестве и думать. Я покинул Джампи, не заботясь о том, где буду спать той ночью и как.

Я думал, что обрету в горах подобие спокойствия. Я сделался свидетелем того, как изящно жители Горного Королевства отпустили своего короля в смерть и освободили место для продолжения жизни. Но, уехав оттуда, я вез с собой больше зависти, чем спокойствия. Они потеряли своего короля после того, как он прожил мудрую жизнь. Он умер, сохранив достоинство и разум в целости. Я же терял свою возлюбленную Молли и с ужасом понимал, что все будет становиться хуже, намного хуже, пока не закончится. Я потерял Шута, лучшего друга, какой у меня когда-либо был, много лет назад. Я думал, что смирился с этим, что могу противиться тоске по нему. Но чем глубже Молли уходила в безумие, тем больше мне его не хватало. Он всегда был тем, к кому я обращался за советом. Чейд делал что мог, но он всегда был моим старшим наставником. Навестив старый дом Шута, я хотел лишь поглядеть на него и вспомнить, каково это было – иметь друга, который так хорошо меня знал и все равно любил.

Вместо этого я обнаружил, что, возможно, знал его не так хорошо, как думал. Неужели дружба с Джофрон значила для него больше, чем то, что мы перенесли вместе? Поразительная мысль пронзила меня. Вдруг она была для него не просто другом и последовательницей Белого Пророка?

«Неужели ты бы позавидовал ему из-за этого? Из-за того, что какое-то время он пожил в настоящем и обрел нечто хорошее, когда утратил всякую надежду?»

Я поднял глаза. Всем сердцем я желал увидеть серый силуэт, мелькающий среди деревьев и кустов вдоль дороги. Но разумеется, его там не было. Моего волка не было вот уже много лет, дольше, чем Шута. Он теперь жил лишь во мне, в том смысле, в каком иной раз внутри меня просыпалось нечто волчье и вмешивалось в ход моих мыслей. По крайней мере, хоть это я от него сохранил. Хоть эту жалкую тень...

– Да не стал бы я ему завидовать, – сказал я вслух и подумал, не солгал ли, не стоит ли мне устыдиться самого себя. Покачал головой и попытался вернуть свой разум в настоящее.

День был красивым, дорога – хорошей, и хотя по возвращении домой меня могли ждать неприятности – сейчас их со мной не было. И по правде говоря, моя тоска по Шуту сегодня ничем не отличалась от тоски по нему в любой из минувших дней без него. Ну так что, он посылал весточки Джофрон, а не мне? Это длилось много лет, судя по всему. Теперь я узнал. Вот и вся разница.

Я пытался убедить себя, что знание об этом малом факте ничего не меняет, когда услышал на дороге позади себя стук копыт. Кто-то гнал коня галопом. Возможно, гонец. Что ж, дорога была достаточно широкой, чтобы он смог без усилий разминуться со мной. Тем не менее я направил свою лошадь к обочине и повернулся, наблюдая за его приближением.

Черная лошадь. Всадник. И через три шага я понял, что это Неттл верхом на Чернильнице. Я полагал, что она отправилась с остальными, и теперь подумал, что моя дочь задержалась по какой-то причине и спешит нагнать их. Я натянул поводья и стал ее ждать, не сомневаясь, что она промчится мимо, махнув рукой.

Как только Неттл увидела, что я остановился, она придержала свою кобылу, но, когда мы поравнялись, Чернильница перешла на рысь. «Эй!» – крикнула ей Неттл, и лошадь остановилась прямо передо мной.

– Я думала, ты собираешься остаться еще на ночь, а потом выяснилось, что ты уехал, и мне пришлось гнать во весь опор, – выпалила она на одном дыхании.

– Почему ты не с королем? Где твои охранники?

Она бросила на меня сердитый взгляд:

– Я сказала Дьютифулу, что буду с тобой и другие охранники мне не требуются. Они с Чейдом согласились.

– Почему?

Она уставилась на меня:

– Ну, по их мнению, твоя репутация весьма знающего и умелого убийцы чего-то да стоит.

Это заставило меня ненадолго замолчать. Они все еще считали меня тем, кем я сам себя не считал? Я снова привел свои мысли в порядок.

– Нет, я хотел спросить, почему ты решила путешествовать со мной? Я рад тебя видеть, просто удивлен. – Я прибавил последние слова, когда ее взгляд, устремленный на меня, помрачнел. – Даже странно, что кто-то заметил мое отсутствие в такой большой компании.

Она склонила голову к плечу:

– Ты бы заметил, если бы меня там не оказалось?

– Ну да, конечно!

– Все заметили, когда ты тихонько удалился. Дьютифул говорил со мной несколько дней назад и сказал, что ты кажешься еще более мрачным, чем полагается на похоронах, и лучше бы не оставлять тебя одного. Кетриккен присутствовала при сказанном и прибавила, что этот визит мог пробудить твои старые воспоминания. Печальные. И вот я здесь.

И в самом деле, она была здесь. Я чуть не рассердился на Неттл из-за того, что она испортила мне такую прекрасную возможность похандрить. И лишь в тот миг понял, чем занимался. Я хандрил, потому что Шут посылал письма Джофрон, а не мне. И, как ребенок, я испытывал людей, которые меня любили, отдаляясь от них почти что по единственной причине – увидеть, придет ли кто-нибудь за мной.

И она пришла. Собственная вздорность поразила меня, и хотя я понимал, насколько это глупо, мне все равно было больно, когда Неттл рассмеялась надо мной.

– Видел бы ты сейчас собственную физиономию! – воскликнула она. – Неужели это так ужасно, что после стольких лет у нас с тобой наконец-то появится возможность провести вместе несколько дней и ночей, поговорить друг с другом без того, чтобы нас прерывали катастрофы или маленькие мальчики?

– Это будет замечательно, – уступил я, и мою хандру как рукой сняло.

Наше совместное путешествие домой началось.

Впервые в жизни я путешествовал, до такой степени потворствуя своим капризам. Я прихватил с собой мало припасов, рассчитывая, что по пути домой буду вести суровую жизнь. Неттл также странствовала налегке, если не считать кошелька, полного серебра. В первый раз, когда я предложил подыскать подходящее место для ночлега, она встала в стременах, огляделась по сторонам и указала на струйку дыма. «Там точно есть дом, а скорее, даже поселок с гостиницей, пусть и скромной. В ней-то я и собираюсь остановиться на ночлег, и если там найдется горячая ванна, то и ей воспользуюсь. И еще там должна быть хорошая еда!»

И Неттл оказалась права. Там нашлось все перечисленное, и она расплатилась серебряной монетой за меня и за себя, сказав: «Чейд велел не позволять тебе каким бы то ни было образом наказывать себя за хандру».

Я немного помолчал, вертя ее слова так и этак, пытаясь понять, правильно ли Неттл с Чейдом поняли мои намерения. Я был уверен, что нет, но не нашелся что ответить. Неттл кашлянула и сказала: «Давай-ка лучше поговорим про Неда. Ты знал, что ходят слухи, будто он, пусть и менестрель, да к тому же странствующий, имеет возлюбленную в Дараткипе и хранит ей верность? Она ткачиха в тамошнем городишке».

Я не знал ни об этом, ни о большинстве других слухов, которыми она со мной поделилась. Тот вечер Неттл провела со мной, несмотря на то что в гостинице остановились несколько мелких аристократов. Мы еще долго сидели у камина в главном зале, после того как остальные отправились спать. От нее я узнал, что политическая жизнь в Оленьем замке все такая же запутанная, а языки сплетников все так же остры. Она повздорила с королем Дьютифулом, потому что беспокоилась за принцев-подростков: слишком уж часто они отправлялись на Внешние острова с матерью. Король осмелился заявить, что это не ее дело, а Неттл ответила, что раз уж она не может вступить в брак из-за того, что он постоянно подвергает своих наследников опасности, то у нее есть право высказывать свои мысли по этому поводу. У королевы Эллианы недавно случился выкидыш: это была девочка, дитя ее мечты; ужасная потеря и одновременно дурное знамение для ее материнского клана. Вот и теперь они так поспешно уехали в Олений замок как раз для того, чтобы Эллиана смогла взять принцев в еще одну долгую поездку на родину. Кое-кто из герцогов начал ворчать, мол, мальчишки слишком уж часто уезжают. Король Дьютифул оказался в ловушке между герцогами и супругой и, похоже, был не в состоянии отыскать компромисс.

Когда я спросил про Риддла, Неттл сказала, что при их последней встрече с ним все было хорошо, и решительно сменила тему разговора. Похоже, она утратила всякую надежду получить от короля разрешение на брак, но все же я не замечал, чтобы она проявляла интерес к другим мужчинам. Я жаждал узнать, что у нее на душе, и хотел бы, чтобы она мне больше доверяла, как когда-то доверяла матери.

Вместо этого она завела беседу о сложностях, назревавших вдоль наших границ.

Драконы летали над Калсидой, охотясь в свое удовольствие, и начали время от времени пересекать границу, разоряя стада в Шоксе и даже Фарроу. Народ Шести Герцогств ожидал, что королевские круги Силы прогонят драконов или хотя бы договорятся с ними. Но драконы смеялись над самой идеей о дипломатии и компромиссе. Впрочем, мы с Неттл сомневались, что они вообще умеют смеяться.

Мы поразмыслили над тем, сможет ли кто-то вести переговоры с драконами и какие будут последствия, если одного из них убьют, а также о том, трусостью или трезвым расчетом было бы объявить уничтоженные стада данью драконам.

Неттл рассказала мне немало новостей не только о политике, но и о семье. Свифт и Уэб недавно посетили Олений замок. Птица Свифта была здоровой и сильной, а вот чайка Уэба – так плоха, что он снял в Баккипе комнату с видом на воду. Чайка в основном жила у него на подоконнике; он ее кормил, поскольку теперь она редко летала. Конец приближался, и они

его ждали. Хоть сама Неттл и не обладала Даром, благодаря мне и своему брату Свифту она понимала, что означает для Одаренного утратить спутника.

Мы делились не только слухами. Мы говорили о любимой еде, любимой музыке, милых нашему сердцу старых сказках. Неттл поведала мне истории из своего детства, в основном о проказах, которые устраивали они с братьями. Взамен я рассказал о своих мальчишеских днях в Оленьем замке и о том, насколько иными в те времена были и замок, и город. Баррич был персонажем почти всех наших историй.

В наш последний вечер вместе, прежде чем мы покинули Речную дорогу, чтобы свернуть на более узкий путь, ведущий к Ивовому Лесу, Неттл спросила меня про лорда Голдена. Неужели он и впрямь когда-то был шутком короля Шрюда? Да, был. И мы с ним были... очень близки?

– Неттл... – сказал я. Она ехала, глядя прямо перед собой, и я подождал, пока дочь повернется в мою сторону. Ее загорелые щеки были чуть румянее обычного. – Я любил этого человека, как никого другого. Я не говорю, что любил его больше твоей матери. Моя любовь к нему была другой. Однако если ты слышала, что в наших отношениях было что-то непристойное, то этого не было. Мы не этим были друг для друга. Мы были чем-то большим.

Она не посмотрела мне в глаза, но кивнула.

– И что с ним стало? – спросила она чуть мягче.

– Я не знаю. Он покинул Олений замок, пока я еще блуждал в камнях. И больше я о нем ничего не слышал.

Думаю, тон моего голоса сообщил ей гораздо больше, чем слова.

– Мне так жаль, папа, – тихонько проговорила Неттл.

Знала ли она, что впервые удостоила меня этого титула? Я молчал, боясь вспугнуть свое счастье. А потом мы поднялись на небольшой холм, и перед нами открылись Ивняки, расположенные в чашеобразной тихой долине у реки. Я знал, что еще до конца дня мы окажемся у порога Ивового Леса. И вдруг обнаружил, что сожалею о том, что наше совместное путешествие так быстро заканчивается. Более того, я пришел в ужас при мысли, что Неттл подумает о своей матери и о том, как далеко от нас унесли Молли ее иллюзии.

И все-таки визит удался. Когда мы приехали, Молли тепло меня обняла и радостно повернулась к своему старшему ребенку. Она не ожидала, что я вернусь так быстро, а появление Неттл и вовсе оказалось сюрпризом. Мы прибыли вскоре после полудня и оба были необычайно голодны. Втроем мы отправились в кухню и испугали тамошних работниц, устроив веселый набег на кладовую ради простой трапезы из хлеба, сыра, сосисок и эля, вместо того чтобы ждать, пока они приготовят для нас что-то более замысловатое. Когда Натмег топнула ногой и выгнала нас из кухни, мы пристроились на краешке большого обеденного стола. Мы рассказали Молли все о нашем путешествии, о простых, но трогательных церемониях, предшествовавших погребению короля, и о решении Кетриккен на время остаться в горах. И, как и в любом путешествии, какой бы мрачной ни была его цель, по дороге случилось и несколько забавных историй, и мы весело посмеялись над ними вместе.

У Молли тоже было чем поделиться. Какие-то козы сумели забраться в виноградники и повредили некоторые из самых старых лоз. Растения наверняка восстановятся, но урожай этого года в той части виноградника был потерян. Еще у нас случилось несколько крупных вторжений диких кабанов на сенокосные угодья; самый главный ущерб от них заключался в том, что кабаны затоптали траву до такой степени, что скосить ее стало почти невозможно. Лозум из деревни привел своих собак и пустился в погоню. Он убил большого вепря, но кабаны успели сильно порвать одного из его псов. Я тихонько вздохнул, понимая, что мне вскоре придется заняться этой бедой. Мне никогда не нравилась охота на кабанов, но теперь она необходима. Толлмен опять начнет уговаривать завести собственную свору.

И каким-то образом, пока я рассеянно размышлял о вепрях, собаках и охоте, тема разговора изменилась – и оказалось, что Молли тянет меня за рукав, спрашивая:

– Ты не хочешь посмотреть, что мы сделали?

– Конечно, – ответил я и, оставив на столе жалкие остатки нашей небрежной трапезы, отправился следом за женой и дочерью.

Сердце мое упало, когда я понял, что она ведет нас в детскую. Неттл бросила на меня взгляд через плечо, но мое лицо осталось бесстрастным. Неттл не видела комнату с той поры, как Молли занялась ее обустройством. И когда открылась дверь, я понял, что тоже ее не видел.

Изначально комната представляла собой салон для встреч с важными гостями. В мое отсутствие ее тщательно переделали, собрав все, о чем женщина могла только мечтать в ожидании ребенка.

Стоявшая в центре комнаты колыбель была из выдержанного дуба, и у нее имелась хитроумная педаль: если нажать на нее, колыбель начнет тихонько покачиваться, баюкая ребенка. С изголовья смотрел резной олень Видящих. Наверное, ее велела изготовить леди Пейшенс в начале своего пребывания в Ивовом Лесу, когда все еще надеялась зачать ребенка. Колыбель ждала, пустая, много десятилетий. Теперь она была выложена мягкими постельными принадлежностями и укрыта кружевным пологом, чтобы ни одно насекомое не могло ужалить того, кто в ней лежал. На низкой кушетке, выложенной пышными подушками, мать могла бы устроиться полулежа, чтобы покормить ребенка, а пол был устлан пышными коврами. Широкие окна смотрели в сад, находившийся во власти первого осеннего листопада. Толстые стекла прикрывали сначала кружевные занавески, потом – прозрачные шелковые и, наконец, плотные шторы, чтобы сдерживать как яркий солнечный свет, так и холод. Был еще разрисованный стеклянный колпак для лампы, чтобы приглушить и ее свет. За причудливой кованой ширмой из цветов и пчел в большом камине плясало низкое пламя.

Молли улыбнулась при виде нашего изумления.

– Разве это не прелестно? – тихо спросила она.

– Это... красиво. Такая умиротворенная комната, – сумела проговорить Неттл.

У меня же отнялся язык. Я так отстранялся от фантазий Молли и вот теперь с головой окунулся в ее бред. Глупая тоска, исчезнувшая было в пути, пробудилась во мне, точно пламя, с ревом взметнувшееся среди обугленных ветвей. Ребенок. Как было бы замечательно, если бы наш малыш существовал на самом деле, если бы я мог смотреть, как он растет, если бы Молли действительно сделалась матерью... Я притворился, будто закашлялся, и потер лицо. Подошел к лампе и изучил цветы, нарисованные на колпаке, с внимательностью, которой они не заслуживали.

Молли продолжала разговаривать с Неттл:

– Когда Пейшенс была жива, она показала мне эту колыбель. Она стояла наверху, на чердаке. Пейшенс велела ее сделать в те годы, когда они тут жили с Чивэллом, когда она еще не потеряла надежду забеременеть. Все эти годы колыбель ждала. Она была слишком тяжелой, чтобы я сдвинула ее в одиночку, но я позвала Ревела и показала ему. И он устроил так, что ее перенесли вниз для меня, и, когда дерево отполировали, она оказалась такой миленькой, что мы решили – надо и впрямь всю комнату переделать, чтобы она стала такой красивой детской, какой заслуживает эта колыбель. А, и подойди-ка сюда, только глянь на эти сундуки. Ревел их нашел на другом чердаке, но разве не чудесно, что древесина такая похожая? Он подумал: быть может, дуб рос прямо здесь, в Ивовом Лесу, – это объяснило бы сходство по цвету с колыбелью. В этом сундуке одеяла, одни из шерсти, для зимних месяцев, а другие полегче, для весны. А весь этот сундук – да, я сама этим потрясена – заполнен одеждой для ребенка. Я и не осознавала, сколько нашила для него, пока Ревел не предложил все сложить в одно место. Размеры разные, конечно. Я не такая дурочка, чтобы шить только маленькие платьица для новорожденного.

И так далее. Слова лились из Молли, как будто она много месяцев ждала возможности поговорить о своих мечтах и о ребенке без обиняков. Неттл улыбалась и кивала, не пряча глаз. Они сидели на кушетке, вынимали одежду из сундука, раскладывали и разглядывали. Я стоял и смотрел на них. Думаю, на миг Неттл угодила в ловушку материнской мечты. Или, сказал я себе, у них одинаковая тоска – у Молли по ребенку, которого она уже не могла выносить, а у Неттл – по ребенку, которого ей было запрещено выносить. Я увидел, как Неттл взяла маленькое платьице, приложила к своей груди и воскликнула:

– Такое миниатюрное! Я и забыла, какие дети маленькие; прошли годы с той поры, как родился Хирс.

– О, Хирс, он был чуть ли не самым крупным из моих детей. Только Джаст оказался крупней. Младенческие одежки Хирса он перерос за пару месяцев.

– Я это помню! – воскликнула Неттл. – Его ножки высывались из-под подола рубахи, и мы его укрывали, но миг спустя он пинками скидывал одеяло.

Меня захлестнула чистейшая зависть. Они ушли, обе, в то время, когда меня в их жизни еще не существовало, назад в уютный, шумный дом, полный детей. Я не ревновал Молли из-за лет, прожитых в браке с Барричем. Он был для нее хорошим мужем. Но когда я смотрел, как они перебирают воспоминания, которых я был лишен, во мне как будто медленно поворачивали лезвие ножа. Я глядел на них, вновь сделавшись чужаком. А потом меня словно обдало сквозняком из приоткрывшегося окна или распахнувшейся двери – я осознал, что сам отстраняюсь от Молли и Неттл. Я подошел, сел рядом с ними. Молли взяла из сундука пару маленьких вязаных ботиночек и с улыбкой предложила их мне. Я взял, не говоря ни слова. Они почти затерялись на моей ладони. Я попытался вообразить маленькие ножки, которым пришлось бы в пору такая обувь, и не смог.

Я перевел взгляд на Молли. В уголках ее глаз были морщины, и морщины обрамляли ее рот. Розовые, чувственные губы поблекли и увяли. Я вдруг увидел в ней не Молли, а женщину пятидесяти с лишним лет. Ее роскошные темные волосы поредели, в них появились седые пряди. Но она смотрела на меня с такой надеждой и любовью, чуть склонив голову набок. И я что-то еще увидел в ее глазах – что-то, чего там не было десять лет назад. Уверенность в моей любви. Осторожность, свойственная нашим отношениям, исчезла, стерлась дочиста за последние десять лет вместе. Она наконец-то осознала, что я ее люблю, что она для меня превыше всего. Я наконец-то завоевал ее доверие.

Я посмотрел на маленькие серые ботиночки в своей руке и всунул в них два пальца. Сплясал пару танцевальных шагов на своей ладони. Молли протянула руку, чтобы остановить мои пальцы, и забрала обувь для нерожденного ребенка.

– Уже скоро, – сказала она и прислонилась ко мне.

Неттл посмотрела на меня, и в ее глазах была такая благодарность, что я почувствовал себя победителем в битве, хоть минуту назад и не подозревал о ней.

Я прочистил горло и сумел проговорить неохрипшим голосом:

– Я бы выпил чашку горячего чая.

Молли, выпрямившись, воскликнула:

– Знаете, мне и самой хочется прямо сейчас именно этого!

Словом, несмотря на усталость после путешествия, тот день прошел хорошо. Несколько позже, тем же вечером, мы поужинали по всем правилам, как того желала Натмег, а потом выпили немного бренди, превзошедшего мои ожидания. Перешли в кабинет, где Неттл отказалась заглянуть в мои аккуратные бухгалтерские книги, сказав, что уверена – в них все в порядке. Она твердо заявила, что уедет утром. Молли попыталась ее отговорить, но безуспешно. Я почти дремал в кресле у камина, когда Неттл тихонько проговорила, сидя в углу дивана:

– Видеть это куда хуже, чем слышать. – Она тяжело вздохнула. – Все правда. Мы ее теряем.

Я открыл глаза. Молли покинула нас, сообщив, что ей захотелось бледного пряного сыра и она собирается проверить, не остался ли в кладовой еще кусочек. Она списала аппетит на беременность и, что было в духе Молли, сочла ниже своего достоинства звонком вызывать слугу в столь поздний час. Слуги любили мою жену уже за то, что она никогда не гоняла их понапрасну.

Я взглянул на место, где сидела Молли. Отпечаток ее тела еще держался на подушках, и ее аромат витал в воздухе. Я негромко проговорил:

– Она медленно ускользает от меня. Сегодня было еще не слишком плохо. Бывают дни, когда она так сосредоточена на этом «ребенке», что ни о чем другом не говорит.

– Ее послушать, все кажется таким реальным, – сказала Неттл, и в ее словах звучали одновременно тоска о несбыточном и ужас.

– Знаю. Все сложно. Я пытался ей говорить, что ничего не выйдет. Всякий раз, когда я так делаю, чувствую себя жестоким. Но сегодня, подыгрывая ей... я почувствовал себя еще более жестоким. Как будто я больше не борюсь за нее. – Я уставился на умирающее пламя. – Пришлось попросить горничных, чтобы потакали ей. Я видел, как они закатывают глаза, когда она проходит мимо. Я их отчитал, но думаю, это лишь...

В глазах Неттл вспыхнули искры гнева. Она резко выпрямилась:

– Даже если моя мать безумна как шляпник, слуг надо заставить относиться к ней уважительно! Ты не имеешь права допускать, чтобы они вот так ухмылялись за ее спиной! Она моя мать и твоя жена, она леди Молли!

– Не уверен, что сумею с этим разобраться, ничего не испортив, – признался я. – Молли всегда занималась домашним хозяйством. Если я вмешаюсь и начну наказывать слуг, она может возмутиться из-за того, что я посягаю на ее власть. И что я им скажу? Мы ведь оба знаем, что твоя мать не беременна! Как долго мне приказывать им притворяться? К чему все это приведет? К рождению воображаемого ребенка?

От моих слов Неттл побледнела. На миг черты ее лица сделались белыми и резкими, как зазеленелые склоны горы под снегом. Потом она вдруг спрятала лицо в ладонях. Я взглянул на бледный пробор в ее блестящих темных волосах. Она проговорила сквозь пальцы:

– Мы ее теряем. Все будет только хуже. Мы это знаем. Что ты будешь делать, когда она перестанет тебя узнавать? Когда не сможет больше заботиться о себе сама? Что с ней станет?

Она подняла лицо. Тихие слезы текли блестящими ручейками по ее щекам.

Я пересек комнату и взял ее за руку:

– Обещаю тебе. Я буду о ней заботиться. Всегда. Я буду ее любить. Всегда. – Я собрался с духом. – И я поговорю со слугами потихоньку, скажу, что, невзирая на то сколько они тут проработали, если им дороги их места, то к леди Молли надо относиться как подобает хозяйке этого дома. Что бы они ни думали о ее просьбах.

Неттл шмыгнула носом и высвободила свои руки из моих, чтобы тыльными сторонами ладоней вытереть глаза.

– Знаю, я больше не ребенок. Но сама мысль о том, что я могу ее потерять...

Она не стала договаривать, голос ее стих, но я знал, какие мысли ее переполняют. Она все еще оплакивала Баррича, единственного настоящего отца, которого знала. Она не хотела потерять и мать тоже. А если Молли посмотрит на нее и не узнает, все будет еще хуже.

– Я о ней позабочусь, – снова пообещал я. «И о тебе», – прибавил про себя. И спросил себя, позволит ли она мне когда-нибудь принять на себя эту роль. – Даже если придется притворяться, будто я верю, что внутри Молли и впрямь растет ребенок. Хотя от этого я чувствую себя так, будто обманываю ее. Сегодня... – Я осекся, преисполнившись чувством вины.

Сегодня я вел себя так, словно Молли была по-настоящему беременна, потакал ей, как балованному ребенку. Или сумасшедшей.

– Ты проявил доброту, – тихонько проговорила Неттл. – Я знаю мою мать. Ты не убедишь ее отказаться от этого заблуждения. Она повредила в уме. Ты с тем же успехом мог бы...

Молли с громким стуком поставила поднос на стол. Мы оба виновато вздрогнули. Молли вперила в меня взгляд черных глаз. Она плотно сжала губы, и сперва я решил, что она опять не обратит внимания на наши разногласия. Но Неттл была права. Молли, не сдавая позиций, проговорила откровенно:

– Вы оба думаете, что я сошла с ума. Ну что ж. Ладно, ваше право. Но я скажу без затей, что чувствую, как внутри меня шевелится ребенок и мои груди начали набухать от молока. Недалек тот час, когда вам обоим придется просить у меня прощения.

Мы с Неттл, точно застигнутые врасплох заговорщики, сидели как громом пораженные. Неттл не сумела ничего ответить матери, и Молли, повернувшись, решительным шагом вышла из комнаты. Мы посмотрели друг на друга, снедаемые чувством вины. Но ни один из нас за ней не пошел. Вместо этого мы вскорости отправились в свои кровати. Я рассчитывал, возвращаясь домой, на милое воссоединение с супругой и совместно проведенную ночь. Однако Молли предпочла кушетку в детской. Я отправился в спальню один, и постель показалась мне холодной и пустой.

На следующий же день Неттл уехала еще до полудня, чтобы вернуться в Олений замок. Она сказала, что много времени провела вдали от своих учеников и что ее ждет много разнообразной работы. Я в этом не сомневался, но и не поверил, что в этом главная причина ее поспешного отъезда. Молли обняла ее на прощание, и сторонний наблюдатель мог бы решить, что между матерью и дочерью все в порядке. Но Молли не упоминала о ребенке с тех пор, как покинула нас накануне вечером, и не спросила, придет ли Неттл к его рождению.

И в последовавшие дни она больше не говорила со мной о своем призрачном ребенке. Мы вместе завтракали, говорили о делах имения, а за ужином делились событиями дня. И спали отдельно. Точнее, Молли спала отдельно от меня, а я не спал вовсе. За эти ночи я перевел для Чейда больше, чем за предыдущие шесть месяцев. Через десять дней после происшествия, поздно вечером, я осмелел и отправился в ее детскую. Дверь была закрыта. Я стоял перед ней несколько долгих минут, прежде чем решил, что надо постучать, прежде чем войти. Так и сделал, подождал, потом постучал громче.

– Кто там? – Голос Молли звучал удивленно.

– Это я. – Я чуть приоткрыл дверь. – Можно войти?

– А я разве говорила, что нельзя? – язвительно ответила она.

Слова ужалили, но мои губы растянулись в улыбке. Я чуть отвернулся, чтобы моя жена ее не увидела. Она снова была Молли Красные Юбки, какой я ее помнил.

– Не говорила, – негромко сказал я. – Но я знаю, что задел твои чувства, и сильно, раз уж ты избегала моего общества на протяжении некоторого времени; я подумал, что не буду навязываться.

– Навязываться, – так же тихо повторила она. – Фитц, ты уверен, что это не ты меня избегал? Сколько лет я просыпалась по ночам и обнаруживала, что твоя сторона постели холодна и пуста? Ты ускользал глубокой ночью, чтобы спрятаться в своей пыльной норе со свитками и заниматься писаниной, пока пальцы не почернеют от чернил...

В ответ на это я потупился. Я и не подозревал, что она все замечала. Мне захотелось упрекнуть ее в ответ, что она променяла нашу спальню на эту детскую. Я проглотил упрек. Не время начинать битву. Я стоял у ее порога и чувствовал себя как волк, который впервые забрел в человеческий дом. Я не знал, где мне встать или можно ли сесть. Она вздохнула и приподнялась на кушетке, где прилегла в ночной сорочке. Подвинула недоделанную вышивку, чтобы освободить место для меня.

– Наверное, я и впрямь провожу в своем логове слишком много времени, – извинился я и сел рядом с ней. Ощутил ее аромат и внезапно сказал: – Стоит мне почуять твой запах, сразу хочется поцеловать.

Молли изумленно уставилась на меня, рассмеялась и с печалью проговорила:

– В последнее время я гадала, осталось ли в тебе желание хотя бы находиться рядом со мной. Я старая и в морщинах, а теперь ты считаешь меня сумасшедшей...

Я прижал Молли к себе, прежде чем она успела сказать что-то еще. Поцеловал ее – в макушку, в висок, а потом в губы.

– Мне всегда будет хотеться целовать тебя, – проговорил я, уткнувшись в ее волосы.

– Ты не веришь, что я беременна.

Я ее не отпустил:

– Ты больше двух лет говоришь мне, что беременна. Что я должен думать, Молли?

– Сама не понимаю, – сказала она. – Но могу лишь сказать тебе, что наверняка как-то ошиблась поначалу. Наверное, решила, что беременна, еще до того, как это случилось. Может быть, я как-то поняла, что забеременею. – Она прижалась лбом к моему плечу. – Мне было так трудно, когда ты уехал на столько дней. Знаю, горничные посмеиваются надо мной, хихикают в кулачок. Они так мало о нас знают. Они считают скандальным, что такой молодой и крепкий мужчина, как ты, женат на старухе вроде меня. Они сплетничают, что ты женился на мне ради денег и положения! Я из-за них чувствую себя старой душой. Разве у меня есть кто-то, способный понять, кто мы и кем были друг для друга? Только ты. И когда ты меня бросаешь, когда считаешь такой же глупой, как считают они, то... Ох, Фитц, я знаю, тебе трудно в это поверить. Но я верила в гораздо более невероятные вещи ради тебя и полагалась лишь на твое слово.

Мне показалось, что весь мир вокруг меня замер. Да. Она верила. Я об этом и не подумал, взирая со своей колокольни. Я наклонил голову и поцеловал ее щеку, соленую от слез.

– Так и было. – Я перевел дух. – Я тебе поверю, Молли.

Она сдавленно рассмеялась:

– Ох, Фитц! Да ладно тебе! Не поверишь. Но я попрошу тебя притвориться, что веришь. Только когда мы здесь, вместе. А взамен, когда я не в этой комнате, я буду изо всех сил притворяться, что не беременна. – Она покачала головой, ее волосы коснулись моей щеки. – Уверена, так слугам будет гораздо легче. Не считая Ревела. Наш управляющий, похоже, с огромным удовольствием помогал мне соорудить это гнездо.

Я представил себе Ревела, высокого, худощавого, всегда такого степенного и учтивого со мной. В слова Молли было трудно поверить.

– В самом деле?

– О да. Он нашел ширмы с троецветками и велел их вычистить еще до того, как рассказал мне о находке. Однажды я пришла сюда, а они уже стояли вокруг колыбели. И кружево над ней, чтобы не пропускать насекомых, тоже его затея.

Троецветки. От Пейшенс. Я знал, что иногда их называли «усладой сердца». Я был у Ревела в долгу.

Она встала, мягко высвободилась из моих объятий. Отошла от меня, и я взглянул на нее со стороны. Длинная ночная рубашка мало что открывала, но Молли всегда была фигуристой женщиной. Она отправилась к очагу, и я увидел там на столике поднос с чайными принадлежностями. Я изучил ее профиль. Мне показалось, что она мало изменилась за последние пять лет. Если бы она забеременела, я бы точно это понял. Я оценил ее чуть выдававшийся живот, ее полные бедра и щедрые груди, и внезапно мысли о детях вылетели из моей головы.

Молли бросила на меня взгляд и спросила, держа в руке чайник:

– Хочешь?

И когда она увидела мое лицо, ее глаза медленно распахнулись, а губы изогнулись в грешной улыбке. Эта улыбка подошла бы девушке, на которой из всей одежды была бы только корона из остролиста.

– Ох, еще как хочу! – ответил я.

Встал и направился к ней, она шагнула навстречу. Мы были друг с другом нежны и нетопливы и той ночью спали вдвоем в ее детской.

На следующий день в Ивовый Лес пришла зима: выпал влажный снег, сбил оставшиеся листья с берез и покрыл их грациозные ветки белизной. Всю землю накрыло спокойствием, точно плащом, как всегда случается после первого снегопада. В особняке вдруг началось время дров, горячего супа и свежего хлеба в полдень. Я работал в главном кабинете, в очаге потрескивали яблоневые поленья, горевшие чистым пламенем, когда раздался стук в дверь.

– Да! – крикнул я, поднимая взгляд от послания Уэба.

Дверь медленно открылась, и вошел Ревел. Его куртка обтягивала широкие плечи и тонкую талию. Он всегда безупречно одевался и вел себя учтиво. Управляющий был намного меня моложе, но рядом с ним я чувствовал себя чумазым мальчишкой.

– Вы за мной посылали, помещик Баджерлок?

– Посылал. – Я отложил письмо Уэба в сторону. – Я хотел поговорить с тобой о комнате леди Молли. Те ширмы с троецветками...

В его глазах мелькнуло ожидание моего неодобрения. Он вытянулся во весь рост и взглянул на меня сверху вниз с достоинством, которое всегда излучает по-настоящему хороший управляющий.

– Сэр, если позволите. Этими ширмами не пользовались несколько десятилетий, но они красивые и заслуживают, чтобы их поставить на видное место. Знаю, я действовал без прямого одобрения, однако леди Молли в последнее время казалась... подавленной. До вашего отъезда вы приказали заботиться о ее нуждах. Я так и сделал. Что касается колыбели, то я однажды застал леди Молли, когда она сидела на верхних ступенях лестницы, запыхавшаяся, и чуть не плакала. Колыбель очень тяжелая, сэр, но леди сумела ее далеко протащить сама. Я устыдился того, что она не пришла ко мне и попросту не сказала, что я должен сделать. И потому с ширмами я попытался предвосхитить ее желания. Она всегда была ко мне добра.

Он замолчал. Хотя явно у него было еще многое, что сказать мне, тупоумному и жестокосердному, каким я определенно ему казался. Я посмотрел управляющему в глаза и негромко произнес:

– Она такая и со мной. Я благодарен тебе за службу ей и нашему дому. Спасибо.

Я позвал его, чтобы сообщить об удвоении жалованья, но теперь этот жест, пусть и правильный по сути, вдруг показался мне торгашеским, и я решил промолчать. Ревел так поступил не ради денег. Он ответил добром на добро. Пусть узнает о нашей щедрости, когда получит ежемесячное жалованье, и сам поймет, в чем дело. Впрочем, такой, как он, не придавал бы значения деньгам.

Я негромко прибавил:

– Ты отличный управляющий, Ревел, и мы высоко тебя ценим. Я хочу, чтобы ты об этом знал.

Он слегка наклонил голову. Это был не поклон, а признание.

– Теперь знаю, сэр.

– Спасибо, Ревел.

– Уверен, не стоит благодарностей, сэр.

И он покинул комнату так же тихо, как вошел.

Зима вокруг Ивового Леса становилась все суровой. Дни делались короче, сугробы росли, и ночи были черными и морозными. Мы с Молли заключили перемирие и оба соблюдали его. Это сделало жизнь для нас обоих проще. Я действительно думаю, что больше всего мы нуждались в мире. Ранние вечера я обычно проводил в комнате, которую привык считать кабинетом Молли. Она, как правило, там и засыпала, и я хорошенько ее укрывал, а потом крадучись уходил в собственное логово, где царил привычный беспорядок и дожидалась работа.

Это случилось однажды поздно вечером, когда уже почти наступила середина зимы. Чейд прислал мне очень интригующую коллекцию свитков на языке, весьма похожем на язык Внешних островов. В них было три рисунка, где как будто изображались стоячие камни с маленькими пометками по бокам – возможно, символизирующими направление. Это была одна из тех загадок, что приводили меня в ужас, потому что у меня не хватало зацепок, чтобы ее решить, но все же я не мог оставить ее в покое. Я работал над свитками, переносил на чистый лист бумаги поблекшие рисунки и слова, которые мог перевести, оставляя пустоту на месте всего непонятного. Я пытался уловить общий смысл свитка, но слово «каша» в заголовке напрочь сбивало меня с толку.

Было поздно, и я считал, что бодрствую в доме один. Снаружи валил мокрый снег, и я задернул пыльные шторы, отгородившись от ночи. Когда дул ветер, снежные хлопья тихо ударялись о стекло. Я рассеянно спросил себя, не заметет ли нас к утру и не превратится ли мокрый снег в ледяную корку на виноградных лозах. Я резко поднял голову, когда мой Дар проснулся, и миг спустя дверь приоткрылась. В щель заглянула Молли.

– Что такое? – спросил я, и от внезапной тревоги вопрос прозвучал резче, чем я намеревался.

Я не мог вспомнить, когда в последний раз она искала меня в моем кабинете.

Молли вцепилась в дверной косяк. На миг она замерла, и я испугался, что обидел ее. Потом она сдавленно проговорила:

– Я здесь, чтобы нарушить слово.

– Что?

– Я больше не могу притворяться, что не беременна, Фитц. Я рожая. Ребенок появится на свет сегодня ночью. – Она слабо улыбнулась, стиснув зубы. Миг спустя внезапно глубоко вздохнула.

Я уставился на нее.

– Я уверена, – ответила она на мой невысказанный вопрос. – Я почувствовала первые схватки несколько часов назад. Я выждала, пока они не стали сильными и последовательными, чтобы не сомневаться. Ребенок движется, Фитц. – Она замерла.

– Может, дело в плохой еде? – спросил я. – Соус, который подали к баранине за ужином, показался мне очень пряным, и, возможно...

– Меня не тошнит. И за ужином я не ела, если ты не заметил. Я рожая. Да благословит всех нас Эда, Фитц, я родила семерых детей и дважды перенесла выкидыш. Тебе не кажется, что я понимаю, что чувствую сейчас?

Я медленно встал. На ее лице была тонкая пленка пота. Возможно, ее бред усилился от лихорадки?

– Пошлю за Тавией. Она может отправиться за врачом, пока я помогу тебе улечься в постель.

– Нет, – резко проговорила Молли. – Я не больна. Лекарь мне не нужен. А повитуха не придет. Она и Тавия считают меня помешанной, в точности как ты. – Она вдохнула и задержала дыхание. Закрыла глаза, сжала губы и вцепилась в косяк еще сильнее, даже костяшки побелели. После долгой паузы она проговорила: – Я справлюсь сама. С другими родами мне всегда помогал Баррич, но я могу все сделать одна, если придется.

Неужели она и впрямь хотела меня уязвить так сильно, как у нее вышло?

– Давай помогу дойти до детской, – сказал я.

Взял ее за руку, почти ожидая шлепка, но Молли вместо этого тяжело оперлась на меня. Мы медленно шли через темные коридоры, трижды останавливались, и я подумал, что мне, возможно, придется ее нести. С ней что-то пошло совершенно не так. Волк во мне, дремавший так долго, встревожился из-за ее запаха.

– Тебя вырвало? – спросил я. – Лихорадка есть?

Она не ответила ни на один вопрос.

Чтобы попасть в ее комнату, понадобилась вечность. Внутри горел огонь в очаге. Было тепло; может, даже слишком. Когда Молли села на низкую кушетку и застонала от внезапного спазма, я тихо сказал:

– Могу принести тебе слабительный чай. Я правда думаю...

– Я рожаю, произвожу на свет твоего ребенка. Если не можешь ничем помочь, оставь меня! – свирепо ответила Молли.

Я не мог такое вынести. Я встал со своего места рядом с ней, повернулся и дошел до двери. Там я остановился. Я никогда не узнаю почему. Возможно, я чувствовал, что присоединиться к ней в безумии будет лучше, чем отпустить ее туда одну. Или быть может, присоединиться к ней будет лучше, чем остаться без нее в разумном мире. Позволив любви руководить собой, я сказал совсем другим тоном:

– Молли. Скажи мне, что тебе нужно. Я никогда этого не делал. Что мне принести, что сделать? Может, позвать кого-то из женщин, чтобы помогли тебе?

Ее мышцы были напряжены, когда я спросил; она ответила после короткой паузы:

– Нет. Не нужны мне они. Будут только хихикать и глупо улыбаться, глядя на старую дуру. Так что здесь мне понадобится только ты. Если в тебе найдется воля, чтобы мне поверить. По крайней мере, в этой комнате, Фитц, сдержи свое слово. Притворись, что веришь мне. – У Молли опять перехватило дыхание, и она согнулась пополам, держась за живот. Прошло немного времени, и она проговорила: – Принеси таз с теплой водой, чтобы искупать ребенка, когда он появится на свет. И чистую ткань, чтобы обсушить его. Кусочек бечевки, чтобы перевязать пуповину. Кувшин холодной воды и чашку для меня. – Она опять сложилась пополам и издала долгий, низкий стон.

Так что я ушел. В кухне я наполнил кувшин горячей водой из котла, который всегда держали на краю очага. Вокруг меня был уютный, знакомый беспорядок ночной кухни. Огонь пытел сам по себе, в кадушках медленно подымалось тесто для завтрашнего хлеба, в глубине очага исходил ароматом котелок с коричневым говяжьим бульоном. Я нашел бочку и наполнил большую кружку холодной водой. Взял из стопки чистое полотенце, отыскал большой поднос и сложил на него все. Немного постоял, вбирая спокойствие кухни, где каждый предмет был для чего-то нужен, отчего и она казалась воплощением здравомыслия в этот тихий час.

– Ох, Молли!.. – сказал я молчаливым стенам. Потом собрал всю храбрость, как будто обнажая тяжелое лезвие, поднял поднос, перехватил его поудобнее и пустился в путь через тихие залы Ивового Леса.

Отворив незапертую дверь плечом, я поставил поднос на стол и подошел к кушетке у камина. В комнате пахло потом. Молли молчала, уронив голову на грудь. Неужели после всего, что случилось, она заснула у огня?

Она сидела на краю кушетки, широко расставив ноги, ее ночная рубашка была задрана до бедер. Руки, сложенные ковшиком, покоились между коленями, и в ладонях лежал самый маленький ребенок из всех, каких мне доводилось видеть. Я зашатался, чуть не упал, а потом рухнул на колени, не сводя с него глаз. Такое маленькое существо, в потеках крови и чего-то похожего на воск. Глаза ребенка были открыты. Я спросил дрожащим голосом:

– Это дитя?

Молли подняла глаза и уставилась на меня с терпением, выработанным за годы: «Любимый мой тупица». Невзирая на изнеможение, она мне улыбнулась. В ее взгляде были триумф и любовь, которой я не заслуживал. Никакого упрека за мои сомнения. Она негромко проговорила:

– Да. Она наше дитя. Наконец-то с нами.

Маленькое существо было темно-красным, от его живота к последу на полу, у ног Молли, вилась бледная пуповина.

Я попытался вдохнуть и закашлялся. Чистейшая радость столкнулась с глубочайшим стыдом. Я сомневался в Молли. Я не заслужил этого чуда. Жизнь меня накажет, я в этом не сомневался. Мой голос звучал по-детски, когда я взмолился, вопреки всему происходящему:

– Она живая?

Молли с безмерной усталостью ответила:

– Да, но она такая крошечная. Вполовину меньше амбарного котенка! Ох, Фитц, как такое может быть? Такая долгая беременность, и такое маленькое дитя! – Она втянула воздух, дрожа и отказываясь лить бесполезные слезы. – Принеси мне таз с теплой водой и мягкие полотенца. И что-нибудь, чтобы перерезать пуповину.

– Я сейчас!

Я все принес ей и поставил у ног. Ребенок все еще лежал в ладонях у матери и смотрел на нее. Молли провела кончиком пальца по ротику девочки, потрогала ее щеку.

– Ты такая спокойная, – сказала она, и ее пальцы передвинулись к груди ребенка. Я увидел, как она их прижимает, нащупывая бившееся там сердце. Молли посмотрела на меня. – Как сердечко у птички, – сказала она.

Малышка чуть завозилась и сделала глубокий вздох. Внезапно она задрожала, и Молли прижала ее к груди. Посмотрела в маленькое личико и сказала:

– Какая же ты маленькая. Мы тебя так долго ждали, мы ждали годы. И вот ты пришла, и я сомневаюсь, что ты продержишься хоть день.

Я хотел ее подбодрить, но знал, что она права. Молли начала дрожать от усталости после родов. И все же она сама перевязала пуповину и перерезала ее. Она наклонилась, чтобы проверить теплую воду, а потом погрузить в нее ребенка. Ее руки нежными движениями смыли кровь. Маленькую головку облепили похожие на пух бледные волосы.

– У нее голубые глаза!

– Все дети рождаются с голубыми глазами. Они изменятся. – Молли подняла малышку и с непринужденной сноровкой, которой я позавидовал, переложила ее из полотенца в мягкое белое одеяльце и завернула в аккуратный сверток, гладкий, как кокон мотылька. Молли посмотрела на меня и покачала головой при виде моего немого изумления. – Возьми ее, пожалуйста. Я должна теперь заняться собой.

– Я могу ее уронить! – Я был в ужасе.

Мрачный взгляд Молли встретился с моим.

– Возьми ее. Не отпускай. Я не знаю, как долго нам дозволено будет с ней пробыть. Держи, пока можешь. Если она нас покинет, то пусть покинет, пока мы ее держим, а не одна в колыбели.

От ее слов по моим щекам потекли слезы. Но я подчинился, полностью покорный теперь, с осознанием того, насколько я был не прав. Я отошел к изножью кушетки, сел и, держа в руках свою новорожденную малышку-дочь, взглянул ей в лицо. Ее голубые глаза бестрепетно смотрели в мои. Она не плакала, что, как я считал, всегда делают новорожденные. Она была чрезвычайно спокойной. И весьма неподвижной.

Я встретил ее взгляд; она смотрела на меня, словно знала ответы на все загадки. Я наклонился ближе, втянул ее запах, и волк во мне высоко подпрыгнул. *Моя*. Внезапно она сделалась явственно моей во всех смыслах. Мой волчонок, мне ее и защищать. *Моя*. С этой минуты я бы

скорее умер, чем позволил причинить ей вред. Моя. Дар сказал мне, что эта маленькая искра жизни горит сильно. Пусть она и маленькая, она не была жертвой для хищников.

Я посмотрел на Молли. Она мылась. Я приложил указательный палец ко лбу моего ребенка и очень аккуратно потянулся к ней Силой. Я был не уверен в моральной стороне своего поступка, но отбросил все терзания по этому поводу. Она была слишком юной, чтобы спрашивать разрешения. Я точно знал, что намереваюсь сделать. Если бы я нашел, что с ребенком что-то не так, что в ее теле есть какая-то неправильность, я бы все переделал или хоть постарался, пусть даже это превысило бы мои способности или все небольшие резервы магии, что хранились во мне. Дитя сохраняло спокойствие, ярко-голубые глаза глядели в мои, пока я исследовал ее с помощью Силы. Такое маленькое тельце. Я чувствовал, как сердце качает кровь, как легкие вбирают воздух. Она была маленькой, но я не почувствовал, чтобы с ней что-то было не так. Она принялась слабо извиваться, скривила крошечный ротик, словно собираясь заплакать, но я был непреклонен.

Тень упала между нами. Я виновато поднял глаза. Молли стояла над нами в чистой мягкой рубаше и уже тянулась, чтобы забрать у меня ребенка. Вручая ей девочку, я тихо проговорил:

– Она совершенна, Молли. Внутри и снаружи. – Дитя устроилось в ее объятиях, заметно расслабившись. Неужели то, как я применил Силу, ей не понравилось? Я отвел взгляд от Молли и спросил, стыдясь своего невежества: – Она и впрямь слишком маленькая для новорожденной?

Ее слова вонзились в меня, как стрелы:

– Любовь моя, я ни разу не видела, чтобы такое маленькое дитя прожило больше часа. – Молли развернула девочку и посмотрела на нее. Раскрыла крошечную ручку, рассмотрела пальцы, погладила маленькую голову, а потом посмотрела на маленькие красные ножки. Подсчитала все пальцы. – Но может быть... она родилась не прежде срока, это точно! И каждая ее часть хорошо оформлена; у нее даже есть волосы, хотя они такие светлые, что их почти не видно. Все мои другие дети были темными. Даже Неттл.

Последнее она прибавила, словно должна была напомнить мне, что я стал отцом ее первой дочери, пусть и не присутствовал при ее рождении и не видел, как она росла. Такое напоминание мне не требовалось. Я кивнул и потянулся к кулачку девочки. Она прижала его к груди и закрыла глаза. Я тихо проговорил:

– Моя мать была из Горного Королевства. И у нее, и у моей бабушки были светлые волосы и голубые глаза. Многие жители тех краев такие. Может, от меня это передалось нашему ребенку.

Молли была сильно удивлена. Я подумал, это из-за того, что я редко говорил о матери, которая отдала меня, когда я был маленьким ребенком. Я больше не твердил самому себе, что не помню ее. Она заплетала свои светлые волосы в косу, ниспадавшую вдоль спины. Глаза у нее были голубые, скулы высокие, а подбородок узкий. Она не носила колец. «Кеппет» – так она меня называла. Когда я вспоминал о далеком детстве в горах, казалось, что это подслушанная сказка, а не то, что случилось со мной.

Молли нарушила беспорядочный ход моих мыслей:

– Ты говоришь, она совершенна «внутри и снаружи». Ты воспользовался Силой, чтобы это узнать?

Я посмотрел на нее виновато, понимая, насколько ее тревожит эта магия. Опустил глаза и признался:

– Не только Сила, но и Дар говорят мне, что у нас очень маленький, но в остальном здоровый ребенок, любовь моя. Дар утверждает, что искра жизни в ней сильная и яркая. Пусть наша дочь и крошечная, я не вижу, что мешает ей жить и цвести. И расти.

Лицо Молли озарилось внутренним светом, словно я преподнес ей бесценное сокровище. Я наклонился и очертил мягкий круг на щеке малышки. Она удивила меня, повернув лицо к моему прикосновению и сморщив маленькие губы.

– Она голодная, – сказала Молли и рассмеялась тихо и устало, но с благодарностью.

Она устроилась в кресле, распахнула рубаху и приложила ребенка к своей обнаженной груди. Я глядел на то, чего мне никогда не доводилось видеть, тронутый так, что даже плакать не мог. Я придвинулся к ней, встал на колени и, осторожно приобняв рукой жену, стал смотреть на сосущего младенца.

– Я был таким дураком! Мне надо было тебе сразу поверить.

– Да. Надо было, – согласилась она, а потом заверила меня: – Я не обижаюсь.

И позволила себя обнять. На этом с нашей ссорой было покончено навсегда.

6. Тайное дитя

Жажда использования Силы не уменьшается с опытом или возрастом. Любопытство маскируется под законное желание мудрости и усиливает искушение. Только дисциплина может удерживать его в узде. По этой причине лучшие всего, чтобы члены круга на протяжении всей жизни держались вместе и присматривали друг за другом, чтобы Сила использовалась по назначению. Также жизненно важно, чтобы подмастерья круга следили за учениками, а мастера – и за подмастерьями, и за учениками. С одиночками следует проявлять наибольшую бдительность. Часто одиночки по натуре склонны к приключениям и заносчивости, и это мешает им успешно присоединиться к кругу. Мастеру Силы следует бдительно наблюдать за каждым одиночкой. Если одиночка сделается скрытным и чрезмерно таинственным относительно своих привычек, может случиться, мастерам Силы надо будет собраться и обсудить вопрос о сдерживании его магии, чтобы не позволить ей взять власть над одиночкой, вследствие чего он может причинить ущерб себе или другим.

Но кто будет сторожить сторожа?

Это вопрос, на который мы и должны ответить. Мастер Силы, наделенный большим талантом, может дисциплинировать лишь сам себя. Вот почему это звание никогда не следует делать политическим или даровать за заслуги – жаловать его надо лишь самым ученым, самым могущественным и самым дисциплинированным из тех, кто пользуется Силой. Сбравшись, чтобы обсудить злоупотребление Силой, повлекшее чудовищный ущерб, причиненный городку Каури, и то, как низко пал мастер Силы Кларити, нам пришлось столкнуться с последствиями того, что происходит, когда звание мастера дают из политических соображений. Не находясь ни под чьим контролем, мастер Силы Кларити входил в сны, влиял на мысли, карал тех, кого считал «плохими», награждал «хороших» преимуществами в торговле и организовывал браки в этом маленьком обществе – все ради плохо продуманной идеи «создать гармоничный город, где ревность, зависть и чрезмерное честолюбие будут сдерживаться ради общего блага». Но мы видели, чем на самом деле обернулась эта великодушная цель: жители деревни были вынуждены действовать вопреки собственной природе, не могли выражать свои чувства, и в результате самоубийства и убийства унесли жизни более чем половины населения.

Рассматривая масштаб причиненного страдания, мы можем винить лишь себя в том, что мастера Силы оставались в неведении относительно того, что делал Кларити, пока не стало слишком поздно. Чтобы избежать в будущем подобной катастрофы, мы предпримем следующие меры.

Мастера Силы Кларити впредь изолировать от магии в любой форме. Выбор нового мастера Силы произойдет согласно процедуре, в которой королева или король предложат трех кандидатов из мастеров и голосованием выберут достойнейшего. Голосование будет тайным, публичный подсчет шаров, символизирующих голоса, и объявление результатов возлагаются на трех менестрелей, избранных случайным образом и преданных истине.

Собрание мастеров постановляет, что одиночкам больше не разрешается даровать звание мастера Силы. Если бы у Кларити был свой круг, он не смог бы действовать втайне.

Отныне каждый мастер Силы будет по меньшей мере раз в год подвергать себя проверке со стороны других мастеров. Если мастера голосованием примут решение о его негодности, он будет заменен. В крайних случаях злоупотреблений или дурных суждений его магия будет запечатана.

Выжившим в трагедии поселка Каури будут предоставлены возмещение ущерба и уход. Хотя нельзя сообщать им, что Сила была источником безумия, овладевшего поселком в ту ночь, следует возместить все, что только можно, с открытостью и щедростью, не прекращая искупления, пока естественная смерть не настигнет их.

Резолюция мастеров, последовавшая за трагедией в поселке Каури

В тот первый вечер, когда малышка существовала за пределами тела Молли, я был ею очарован. Еще долго, после того как Молли заснула, баюкая ребенка, я сидел у огня, глядя на них. Я выдумал для дочери сотню вариантов будущего, и все они были яркими и многообещающими. Молли сказала мне, что она маленькая; я отверг эту тревогу. Все младенцы маленькие! С ней все будет хорошо, и даже более того. Моя малышка вырастет умной и красивой. Она будет танцевать легко и изящно, как семя чертополоха на ветру, и сидеть в седле как влитая. Молли расскажет ей о пчелах, поведает названия и свойства каждого растения в саду; я научу ее читать и считать. Она будет способной. Я воображал себе, как ее ручки испачкаются в чернилах, когда она станет помогать с переводом или копировать иллюстрации, которые у меня никогда не получались. Я представлял себе, как она кружится в алом платье в бальном зале Оленьего замка. Мое сердце было полно ею, и я хотел, чтобы мир праздновал вместе со мной.

Я сочувственно рассмеялся, подумав о том, как потрясет всех известие о ней. Мы с Неттл помалкивали про заявления Молли о том, что она беременна, решив, что этой печалью ни с кем не следует делиться. И как же глупо мы будем выглядеть теперь, когда пойдут слухи о том, что у меня есть ребенок – маленькая дочь, милая, как маргаритка! Я вообразил себе, сколько людей соберутся, чтобы поприветствовать ее пришествие в мир. Придут ее братья с семьями. И Нед. Ох, если бы я мог послать весточку Шуту и сообщить о том, какая радость пришла в мою жизнь! Подумав об этом, я с тоской улыбнулся, остро сожалея, что это невозможно. А ведь в день именованья моей дочери можно было бы устроить пир с музыкой. Пригласить Кетриккен, Дьютифула, и королеву, и принцев, и даже Чейда...

И от этой мысли мое приподнятое настроение начало портиться. Воображаемый ребенок – не то же самое, что дитя, спящее на руках у матери. Что увидят Кетриккен и Чейд, когда посмотрят на мою дочь? Я мог представить себе недоверие Чейда: как такой светловолосый ребенок мог появиться на свет в роду Видящих? А Кетриккен? Предположим, она признает ребенка дочерью Фитца Чивэла Видящего, положившись на мои слова о том, что светлые волосы малышка унаследовала от моей матери-горянки. Но что потом? Что, если Кетриккен решит, будто имеет право на мою дочь? Неужели эту девочку, как Неттл, сочтут тайным хранилищем крови Видящих, наследницей на тот случай, если с главной родовой линией случится какое-нибудь несчастье?

Во мне всколыхнулось беспокойство – холодный прилив, затопивший сердце страхом. Как я мог тосковать об этом ребенке и ни разу не подумать об опасностях, которые будут ее окружать просто потому, что она моя дочь? Чейд захочет проверить, есть ли в ней Сила. Кетриккен ни на миг не усомнится, что трон Видящих имеет право выбрать для нее мужа.

Я встал и беззвучно прошелся по комнате из угла в угол, как волк, охраняющий свое логово. Молли все спала, восстанавливая силы. Малышка в пеленках рядом с ней завозилась и притихла. Я должен был их защитить, дать девочке возможность самой выбирать свой путь.

Мой разум переполнили идеи. Побег! Мы соберем вещи завтра же и сбежим; отправимся туда, где сможем поселиться просто как Молли, Том и наша дочь... Нет. Молли ни за что не согласится порвать связь с другими своими детьми, да и я не смогу просто так покинуть любимый дом, какая бы опасность ни была с ним связана.

Так что же мне делать? Я посмотрел на них, таких спящих, таких уязвимых. Буду их оберегать, поклялся я самому себе. Мне вдруг пришло на ум, что светлые волосы и голубые глаза ребенка могут сыграть в нашу пользу. Взглянув на нее, никто и не подумает, что она наша родная дочь. Скажем, что мы приютили найденыша. Я все больше свыкался с этой ложью. Все так просто! Даже Неттл не узнает; я докажу Молли, что угроза ребенку не выдуманная, и она, быть может, согласится на обман. Неттл поверит, что мы удочерили девочку, чтобы успокоить тоску ее матери по младенцу. Никто не будет знать, что она на самом деле Видящая. Одна простая ложь может ее сберечь.

Если только Молли согласится.

Той ночью я сходил в нашу спальню и перенес постель в детскую. Я спал на полу, под дверью, точно волк, стерегущий логово и своего волчонка. Я чувствовал, что так правильно.

Следующий день был заполнен сладостью и трепетом одновременно. К рассвету я осознал всю глупость своих планов: нам ни за что не удастся сделать вид, будто это не мой ребенок. От слуг ничего не скроешь, и Ревел немедленно поймет, что минувшей ночью никто не оставлял у наших дверей подкидыша. Слуги все равно узнали бы, что Молли родила, так что я предупредил их, сказав, что дитя маленькое, а мать устала. Уверен, они сочли меня таким же чокнутым, как ранее Молли, когда я настоял, что отнесу жене еду сам и что ее ни в коем случае не следует беспокоить. Не только правдивость моих слов по поводу ребенка в доме, но и мой мужской авторитет в обществе, состоявшем преимущественно из женщин, были немедленно подвергнуты сомнению. По одной, по две, по три – все женщины Ивового Леса нашли какие-то срочные дела, чтобы попасть в детскую. Первой оказалась повариха Натмег – она настояла, что ей надо поговорить с Молли и узнать, что ее хозяйка хотела бы поесть на обед и ужин в такой важный день. Ее дочь Майлд проникла в комнату вслед за матерью, будто тоненькая тень пышной Натмег. Молли понятия не имела о моих стараниях уберечь ее от беспокойства. Я не мог винить свою жену за некоторое самодовольство, когда она показывала девочку поварихе и ее дочери.

Молли, я думаю, понимала лишь то, что она доказывает их неправоту по поводу своей беременности и того, с каким ехидством они игнорировали ее настойчивые просьбы приготовить детскую. Моя жена выглядела царственной, словно королева, пока они приближались, чтобы посмотреть на маленький сверток, который она держала с такой заботой. Повариха, не растерявшись, улыбнулась «милрой крошке». Но Майлд пока была не столь искусна в вежливой лицемерии.

– Она такая маленькая! – воскликнула дочь поварихи. – Как кукла! И бледная, точно молоко! Такие голубые глаза! Она слепая?

– Разумеется, нет, – ответила Молли, с обожанием глядя на свое дитя.

Повариха шлепнула дочь и прошипела:

– Веди себя прилично!

– Моя мать была светловолосая. С голубыми глазами, – заверил я.

– Что ж, тогда понятно, – ответила Натмег с необыкновенным облегчением. Она сделала реверанс перед Молли. – Ну, госпожа, речная рыба или соленая треска? Насколько я знаю, сразу после родов женщине очень полезна рыба.

– Речную рыбу, пожалуйста, – ответила Молли, и, решив этот крайне важный вопрос, повариха быстренько удалилась из комнаты вместе с дочкой.

Едва Натмег успела вернуться к своим обязанностям, как объявились две горничные с вопросом, нужно ли ребенку или матери свежее белье. У каждой в руках было по стопке, и они едва не сбили меня с ног на моем сторожевом посту у двери, настаивая на своем: «Ну, если не сейчас, то скоро, потому что всем известно, как быстро младенец пачкает колыбель».

И опять я оказался свидетелем ошеломительного зрелища: женщины, с трудом оправившись от потрясения, начали восхищаться моей дочерью. Молли как будто ничего не замечала, но все мои инстинкты предупреждали об опасности. Что ж, известно, как обращаются с детьми, не похожими на других: я видел, как хромым цыплят клюют до смерти, как коровы выпихивают из стада слабых телят, как недокормленному поросенку не дают подобраться к соску. Люди в этом смысле ничуть не лучше животных. Я должен был оставаться начеку.

Даже Ревел появился, неся на подносе невысокие вазы с цветами:

– Зимние троецветки. Такие холодостойкие, что цветут в оранжерее леди Пейшенс почти всю зиму. Там сейчас не так уж тепло. За оранжереей не так хорошо ухаживают, как когда-то. – Он неодобрительно взглянул на меня, и я сделал вид, будто ничего не заметил.

А потом Молли удостоила его чести, которой не выпало никому другому: вложила в его худые и длинные руки маленький сверток, ребенка. Я видел, как Ревел затаил дыхание, взяв нашу дочь. Его рука с длинными пальцами обхватила ее грудь, и обычно угрюмое лицо сделалось глуповатым из-за улыбки, полной слепого обожания. Он посмотрел на Молли, их взгляды встретились, и я едва не приревновал, глядя, как их объединило восхищение малышкой. Управляющий не произнес ни слова, пока держал ее, и отдал обратно, лишь когда горничная постучалась в двери и попросила его с чем-то разобраться. Прежде чем уйти, он аккуратно расставил все вазы с маленькими цветами так, чтобы они гармонично сочетались с ширмами. Это заставило Молли улыбнуться.

В тот первый день жизни моей дочери я почти не занимался делами имения, стараясь как можно больше времени проводить в детской. Я смотрел на Молли и нашего ребенка, и мой трепет постепенно сменялся дивным ощущением. Ребенок был таким миниатюрным существом. Каждый беглый взгляд на нее казался чудом. Крошечные пальчики, завиток бледных волос на затылке, нежные розовые уши: для меня было удивительно, что такое чудесное создание могло просто взять и вырасти тайком в утробе моей супруги. Несомненно, оно было плодом усердного труда какого-нибудь волшебника-художника, а не нашей любви. Когда Молли ушла, чтобы искупаться, я остался у колыбели. Я смотрел, как малышка дышит.

У меня не было желания взять ее на руки. Она казалась мне слишком хрупким созданием, чтобы прикасаться к ней. «Как бабочка», – подумал я. Я боялся, что могу повредить приглушенный свет жизни, дающий ей силы. Поэтому я лишь смотрел, как она спит, как едва заметно поднимается и опускается укрывающее ее одеялко. Ее розовые губы двигались туда-сюда, как будто она во сне сосала грудь. Когда вернулась ее мать, я наблюдал за ними внимательней, чем если бы она и Молли были актрисами и разыгрывали спектакль. Мне еще не доводилось видеть Молли такой – очень спокойной, умелой и сосредоточенной матерью. Это что-то исцелило во мне, заполнило дыру, о существовании которой я и не подозревал. Так вот что такое мать! Мой ребенок в безопасности в ее объятиях, она окружила ее заботой. То, что она до этого семь раз становилась матерью, не делало происходящее менее чудесным для меня. Я, как и следовало ожидать, принялся гадать о той, которая когда-то вот так держала и смотрела на меня. Меня охватили тоска и печаль при мысли о том, жива ли еще эта женщина и знает ли вообще, что стало со мной. Неужели черты моей дочери – отражение ее черт? Но когда я смотрел на спящую девочку, то видел лишь, насколько она неповторима.

Вечером Молли поднялась со мной в нашу спальню. Она легла вместе со спеленатым ребенком в центре кровати, и когда я к ним присоединился, то почувствовал себя так, словно сделался другой половинкой раковины вокруг драгоценной жемчужины. Молли немедленно погрузилась в сон, одна ее рука легко лежала поверх нашего дремлющего младенца. Я лежал

совершенно неподвижно на краю кровати, до странности чутко осознавая крошечную жизнь, что покоилась между нами. Медленно подвинул руку, пока не смог распрямить один палец и коснуться руки Молли. Потом закрыл глаза и задремал. Проснулся, когда девочка завопилась и захныкала. Хоть в комнате и не было света, я почувствовал, как Молли придвинула ребенка к себе, чтобы приложить к груди. Я слушал тихое причмокивание девочки и глубокое, медленное дыхание Молли. И задремал.

Мне приснился сон.

Я снова был мальчишкой в Оленьем замке и шел вдоль каменной стены возле садов, где росли травы. Был теплый и солнечный весенний день. Пчелы деловито гудели среди ароматных цветов, усыпавших ветви вишневого дерева, которое склонялось над стеной. Я замедлил шаг, проходя сквозь цепкие объятия ветвей, покрытых розовыми лепестками. Полускрытый ими, я замер при звуке голосов. Дети возбужденно кричали, явно в пылу какой-то состязательной игры. Меня заполнило тоскливое желание к ним присоединиться.

Но даже будучи во власти сна, я знал, что это невозможно. В Оленьем замке я был ни рыба ни мясо: слишком низкое происхождение не позволяло надеяться на дружбу аристократов, а благородная незаконная кровь – играть с детьми слуг. Так что я слушал, пылая от зависти. Миг спустя маленькая, гибкая фигурка ужом проскользнула через калитку сада с травами, почти закрыв ее за собой. Ребенок этот был тощим, одетым в черное, не считая белых рукавов. Из-под тугого черного капюшона выглядывали только кончики его бледных волос. Он легкими прыжками преодолел сад, сгаяя через грядки, не задевая ни единого листа и приземляясь на каменную тропку с едва слышным шарканьем, прежде чем броситься дальше. Он двигался почти бесшумно, однако я уже слышали крики и топот его преследователей. Когда они вломились в калитку, он как раз спрятался за шпалерой, увитой побегами розы.

Я затаил дыхание, переживая за него. Его укрытие было небезупречным. Весна выдалась ранняя, и он был черной тенью за тонкими ветвями и распускавшимися зелеными листьями розы на шпалере. Губы мои изогнулись в улыбке, когда я подумал о том, кто может победить в этой игре. Другие дети – было их с полдюжины – вбегали в сад. Две девочки и четыре мальчика, все, наверное, старше меня года на три самое большее. Судя по одежде, дети слуг. Двое из мальчиков постарше уже носили синие туники и рейтузы Оленьего замка и, наверное, сейчас должны были бы бежать исполнять мелкие поручения, а не играть.

– Он сюда вошел? – визгливо крикнула одна из девочек.

– А куда ж еще! – прокричал в ответ мальчик, но в его голосе была неуверенная нотка.

Преследователи быстро рассеялись, соревнуясь друг с другом, кто первый увидит жертву. Я стоял очень неподвижно, с колотящимся сердцем и гадал, могут ли они меня увидеть и внезапно включить в свою игру. Даже зная, где спрятался мальчишка, я едва мог разглядеть его силуэт. Его бледные пальцы вцепились в шпалеру. Я видел, как слегка вздымается и опадает его грудь, – должно быть, он уже давно удирал от погони.

– Он выбежал через калитку! Вперед! – решил один из старших мальчиков, и, точно свора собак, спугнувшая лису, дети ринулись вслед за вожакom прочь из сада.

Позади них жертва повернулась и уже начала искать опору для рук на согретой солнцем каменной стене позади шпалеры. Я увидел, как он шагнул к ней, а потом, видно, кто-то посмотрел назад и заметил жертву.

– Он там! – крикнула девочка, и стая бросилась обратно в сад.

Когда одетый в черное мальчик принялся взбираться по высокой стене, точно паук, дети поспешно наклонились. Миг спустя в воздух полетели комья земли и камни. Они попадали по розовым кустам, по шпалере, по стене, и я услышал глухие удары, когда снаряды врезались в худую спину парнишки. Я услышал его хриплый болезненный вскрик, но он удержался на стене и продолжил взбираться.

Игра внезапно перестала быть игрой и превратилась в жестокую охоту. Распластавшись на стене, он был как на ладони, и, пока он взбирался, охотники наклонялись за все новыми камнями и комями. Я мог бы крикнуть, чтобы они прекратили. Но я знал, что это его не спасет. Я просто сделался бы для них еще одной мишенью.

Один из камней ударил беглеца в затылок так сильно, что его голова резко стукнулась о стену. Я услышал влажный удар по камню и увидел, как мальчишка застыл, наполовину оглушенный, с ослабевшей хваткой. Но он не вскрикнул. Он вздрогнул и стал взбираться дальше, еще проворнее. Его ноги скользили, находили опору, снова скользили, и вот его рука вцепилась в верхнюю часть стены. Как если бы это изменило правила игры, другие дети бросились вперед. Он забрался на стену, замер там, и наши взгляды встретились. А миг спустя он спрыгнул на другую сторону. Кровь, текущая по его подбородку, казалась пронзительно яркой на бледном лице.

– Вокруг, бегите вокруг! – завопила одна из девочек, и, завывая, точно гончие, преследователи хлынули вон из сада.

Я услышал резкий звон калитки, когда они захлопнули ее позади себя, и неудержимый топот их ног по тропинке. Они свирепо смеялись на бегу. Миг спустя раздался вопль и отчаянный крик.

Я проснулся. Дыхание было хриплым и тяжелым, словно после боя. Ночная сорочка промокла от пота и прилипла к груди. Сбитый с толку, я сел и откинул одеяло.

– Фитц! – упрекнула меня Молли, вскинув руку, чтобы прикрыть нашего ребенка. – Ты соображаешь, что делаешь?

Я резко сделался собой, взрослым мужчиной, а не перепуганным мальчишкой. И свернулся в постели рядом с Молли, рядом с нашей крошечной дочкой, которую я мог раздавить, дернувшись во сне.

– Я причинил ей боль? – в ужасе воскликнул я, и в ответ малышка заплакала тоненьким голосом.

Молли потянулась ко мне и схватила за запястье:

– Фитц, все в порядке. Ты разбудил ее, только и всего. Ложись. Это был просто сон.

За годы, прожитые вместе, она свыклась с моими ночными кошмарами. Ей пришлось, как ни горько это было для меня, узнать, что будить меня во время такого сна может быть опасно. Теперь я чувствовал себя пристыженным, точно побитый пес. Неужели она считает меня угрозой для нашего ребенка?

– Думаю, лучше мне спать где-то в другом месте, – предложил я.

Молли не отпустила моего запястья. Она перевернулась на бок, крепче прижала к себе малышку. В ответ девочка тихонько икнула и немедленно прильнула к соску.

– Ты будешь спать здесь, рядом с нами, – объявила Молли. Не успел я ничего ответить, как она тихонько рассмеялась и прибавила: – Она снова проголодалась. – Она отпустила меня, чтобы освободить грудь для ребенка.

Я лежал очень неподвижно, пока она устраивалась поудобнее, а потом слушал тихое удовлетворенное причмокивание крохи, пока она наполняла животик. Они обе так хорошо пахли: малышка источала аромат младенчества, а Молли – женственности. Я вдруг почувствовал себя огромным, грубым самцом, чужаком посреди безопасности и мира домашней жизни.

Я начал отодвигаться от них.

– Мне надо...

– Тебе надо остаться там, где ты есть.

Она снова поймала мое запястье и потянула меня ближе к ним. И не успокоилась до тех пор, пока я не оказался достаточно близко, чтобы она смогла дотянуться и провести рукой по моим волосам. Ее прикосновение было легким, баюкающим, и она отвела с моего лба промок-

шие от пота пряди. Я закрыл глаза, когда она прикоснулась ко мне, и через несколько секунд моя тревога уплыла прочь.

Сон, канувший было в неизвестность при пробуждении, отчетливо проступил в памяти. Я вынудил себя дышать спокойно и медленно, хоть мою грудь и сдавило. Сон, сказал я себе. Не воспоминание. Я никогда не наблюдал тайком, как другие дети в замке мучили Шута. Никогда.

«Но мог бы, – настаивала моя совесть. – Если бы оказался в таком месте и времени, то мог бы. Как и любой ребенок». Как сделал бы любой в такой час и после такого сна, я просеивал память в поисках связей, пытаюсь понять, отчего столь тревожное видение вторглось в мой сон. Их не было.

Если не считать воспоминаний о том, как дети в крепости говорили о бледном шуте короля Шрюда. Шут был там, в моих детских воспоминаниях, с самого первого дня, когда я прибыл в Олений замок. Он появился до меня и, если верить его словам, все это время ждал меня. Но долгие годы при встрече в коридорах Оленьего замка он лишь передразнивал меня да делал грубые жесты. Я избегал его так же усердно, как другие дети. Но успокаивал свою совесть тем, что не относился к нему жестоко: никогда не насмеялся над ним и ничем не выказывал отвращения к нему. Нет. Я просто его избегал. Я считал его проворным, дурашливым парнем, акробатом, который развлекает короля своими чудачествами, но умом не блещет. В лучшем случае я его жалел – так я себе сказал. Потому что он был так не похож на других.

В точности как моя дочь будет не похожа на всех своих товарищей по играм.

Не все дети в Оленьем замке были темноглазыми и темноволосыми, со смуглой кожей, но большинство ее ровесников окажутся именно такими. И если она не вырастет достаточно быстро, чтобы сравняться с ними по размерам, если останется крошечной и бледной, что тогда? Какое детство у нее будет?

Словно ледяной ком сгустился у меня в животе, и холод просочился до самого сердца. Я придвинулся еще ближе к Молли и моему ребенку. Они теперь обе спали, но я нет. Бдительный, как сторожевой волк, я легко накрыл обеих рукой. Буду ее защищать, пообещал я себе и Молли. Никто не посмеет над ней насмеяться. Даже если придется сохранить ее в тайне от всего внешнего мира, я буду ее оберегать.

7. Представление

Жили-были добрый человек и его жена. Оба они усердно трудились всю свою жизнь, и мало-помалу судьба подарила им все, о чем они мечтали, кроме одного. Не было у них детей.

Как-то раз, когда жена гуляла по своему саду и плакала, из лавандового куста вышел пекси и спросил: «Женищина, почему ты плачешь?»

«Я плачу оттого, что нет у меня малыша», – сказала она.

«Ох, до чего же ты глупая! – сказал пекси. – Скажи лишь слово, и я поведаю тебе, как сделать так, чтобы малыш оказался у тебя в руках еще до того, как истечет год».

«Так поведай!» – взмолилась женищина.

Пекси улыбнулся: «Ну так вот, нет ничего легче. Сегодня вечером, как только солнце поцелует землю, расстели на земле шелковый платок, да смотри, чтобы лежал он ровно, без единой морщинки. А завтра, что бы ни нашлось под шелком, оно твое».

Женищина так и сделала. Едва солнце коснулось небокрая, расстелила она шелк на ровной земле, без единой морщинки. Но когда в саду потемнело, и женищина ушла в дом, любопытная мышь подобралась к платку, понюхала и пробежала по нему, оставив на краю маленькую складку.

Едва рассвело, женищина поспешила в сад. Она услышала тихие звуки и увидела, что шелк шевелится. И когда подняла она шелковый плат, то нашла прекрасного ребенка с яркими черными глазами. Все в нем было хорошо, только было это дитя размером не больше ее ладони...

Старая баккипская сказка

Через десять дней после того, как наш ребенок появился на свет, я наконец-то решил, что должен покаяться перед Молли. Страшно, но куда не денешься, и откладывать на потом нет смысла – легче не станет.

Поскольку мы с Неттл не верили в беременность Молли, то не поделились этой новостью ни с кем, кроме близких членов семьи. Неттл сообщила братьям, но лишь в том смысле, что их мать стареет и ее разум начал затуманиваться. У парней было полным-полно своих забот, а в случае Чивэла это означало трех малышей, жену и имение, за которым надо было следить. Все они были так заняты собственными жизнями, женами и детьми, что лишь опечалились ненадолго по поводу возможного старческого безумия своей матери. Они были уверены, что Неттл и Том обо всем позаботятся, да и в любом случае чем мог любой из них помочь, если их мать начала терять разум? У молодежи в ходу вежливо мириться со старческими слабостями своих родителей. И теперь надо было как-то объяснить им ребенка. И не только им, но всему остальному миру.

Я справлялся с этой трудностью, сделав вид, будто ее не существует. Никому за пределами Ивового Леса ничего не сказал. Даже Неттл не сообщил новость.

Но теперь мне предстояло признаться в этом Молли.

Я подготовился к этому делу. Собрал в кухне поднос, куда положил ее любимые маленькие сладкие печенья и поставил блюдо с густой сладкой сметаной и малиновым вареньем. Добавил большой чайник свежесваренного черного чая. Заверив Тавию, что вполне способен сам отнести поднос, я отправился в детскую Молли. По пути я выстраивал свои доводы, словно готовил оружие для битвы. Во-первых, Молли устала, и я не хочу, чтоб ее беспокоили гости. Во-вторых, девочка такая крошечная и, вероятно, слабая. Молли сама сказала мне, что

она может не выжить, и, конечно, лучше оберегать ее от беспокойства. В-третьих, я никогда не хотел, чтобы кто-то возлагал на нашу дочь обязанности, которые потребуют от нее чего-то большего, нежели быть собой... Нет. Этим доводом делиться с Молли не стоило. По крайней мере, сейчас.

Я сумел открыть дверь комнаты, не уронив поднос. Осторожно поместил его на низкий столик, а столик передвинул к креслу Молли, ничего не опрокинув. Она держала малышку на плече и что-то напевала, поглаживая ее спинку. Мягкое платье дочери спадало на пол, а ее руки затерялись в рукавах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.